

**ЕЛЕНА
БОРИСЁНОК**

НЕСОВЕТСКАЯ УКРАИНИЗАЦИЯ

**ВЛАСТИ ПОЛЬШИ, ЧЕХОСЛОВАКИИ
И РУМЫНИИ И «УКРАИНСКИЙ
ВОПРОС» В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

Елена Борисёнок

**Несоветская украинизация:
власти Польши, Чехословакии
и Румынии и «украинский
вопрос» в межвоенный период**

«Алгоритм»

2018

УДК 327 (470+571)

ББК 66.4(2)

Борисёнок Е. Ю.

Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период / Е. Ю. Борисёнок — «Алгоритм», 2018

ISBN 978-5-906995-26-1

После распада империй Романовых и Габсбургов украинское движение предприняло попытку создать собственное национальное государство. На карте революционной Европы появились Украинская Народная Республика, Западно-Украинская Народная Республика, Украинская Держава гетмана Скоропадского. Однако их существование оказалось недолгим. На большей части украинских земель укрепилась советская власть, была образована Украинская ССР и развернута политика украинизации. Западные украинские земли были включены в состав Польши, Чехословакии и Румынии. Перед лидерами этих государств стоял сложный выбор: избрать курс на ассимиляцию украинцев или же, учитывая воздействие советской национальной политики, представить собственный вариант украинизации. Какой же была украинская политика Варшавы, Праги и Бухареста? В книге впервые в российской историографии подробно сравниваются различные модели решения «украинского вопроса» на территории Восточной Европы.

УДК 327 (470+571)

ББК 66.4(2)

ISBN 978-5-906995-26-1

© Борисёнок Е. Ю., 2018

© Алгоритм, 2018

Содержание

Введение	6
Степень изученности темы	8
Источниковая база	21
Глава 1	24
§ 1. Накануне глобальных перемен	24
§ 2. Мечты и реальность: создание украинских государств на территории бывшей Российской империи	33
§ 3. «Украинский вопрос» в геополитике: планы Советской России и Польши (1919–1920 гг.)	38
§ 4. Восточная Галиция, Угорская Русь, Северная Буковина и Бессарабия: коллизия национальных интересов	45
§ 5. Образование СССР и объявление курса на украинизацию	55
Глава 2	62
§ 1. Украинская политика Польши: национальная или государственная ассимиляция	62
§ 2. Г. Юзевский и «волынский эксперимент»	73
§ 3. Советская украинизация в восприятии украинцев Польши	80
§ 4. «Дело Шумского» на Советской Украине и реакция украинских коммунистов в Польше	84
§ 5. Украинская политика Чехословакии и Румынии	90
Глава 3	101
§ 1. Украинцы в политике Польши, Чехословакии и Румынии. Образование Карпатской Украины	101
§ 2. Регулирование курса советской украинизации	112
§ 3. «Освободительный поход» Красной армии	117
§ 4. Украинизация на западноукраинских землях	122
Заключение	137

Елена Юрьевна Борисёнок

Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период

Введение

Первая половина XX века стала эпохой глобальных изменений на политическом пространстве Восточной Европы. Первая мировая война и последовавший распад Российской империи и Австро-Венгрии поставили на повестку дня вопрос об образовании новых национальных государств. Однако провести государственные границы на востоке Европы, с его полиэтничным и многоконфессиональным населением, оказалось очень сложно. Появившиеся на карте послевоенной Европы новые государства не являлись мононациональными: на этих территориях проживали представители различных этносов, а значительные группы титульной нации оказались в составе населения разных государств. Правительства этих стран должны были решить вопрос о том, прибегать ли к национальной или государственной ассимиляции или признать права нетитульных наций и определить формы и виды самоуправления на определенных территориях.

После распада империй обострился «украинский вопрос». Сторонники «украинской идеи» предприняли попытку формирования национальных государств. О своем существовании заявили Украинская Народная Республика и Западно-Украинская Народная Республика, Украинская Держава гетмана Скоропадского. Однако укрепиться этим государственным образованиям не удалось, и в итоге большинство украинских земель вошло в состав Украинской ССР, а остальная их часть, согласно мирным договорам, заключенным после окончания Первой мировой войны, была включена в состав Польши, Чехословакии и Румынии. Молодые государства столкнулись с необходимостью установления типа государственного устройства на землях, населенных украинцами.

Для западных украинских земель какой-либо автономии не было создано, несмотря на указания, содержащиеся в подписанных после войны мирных договорах. Продолжавшее существовать украинское движение пыталось в меру своих сил бороться за право украинцев на самостоятельное государственное существование. Неудивительно, что деятели украинского движения использовали ослабление Чехословацкого государства в 1938 г. для того, чтобы добиться превращения Подкарпатской Руси в Карпатскую Украину.

Другая ситуация сложилась на Советской Украине. Если в Польше, Чехословакии, Румынии украинцы стали национальным меньшинством, то в УССР – «коренной национальностью». Большевицкая партия объявила о необходимости «исправить» последствия «русификаторской» политики царского правительства, дабы облегчить путь «социалистического строительства». Правительство Советской Украины под руководством центральных властей в Москве взяло курс на украинизацию в рамках общесоюзной политики коренизации партийного и государственного аппарата в национальных республиках.

Учитывая активное внимание современного российского общества к украинской проблематике, изучение украинской политики государств, в которых в межвоенные годы компактно проживало украинское население, сравнение различных моделей решения «украин-

ского вопроса» является актуальной научной задачей, поскольку позволяет дать представление о методах национального строительства на восточноевропейском пространстве в межвоенный период, что необычайно важно для понимания закономерностей в развитии полиэтнического государства.

Степень изученности темы

Историография избранной проблемы достаточно специфична. Долгое время отсутствовали специальные исследования, непосредственно посвященные указанной проблематике, что объяснялось как ограниченностью источниковой базы из-за недоступности определенных архивных материалов, так и чрезвычайной политизированностью темы.

В Советском Союзе приоритет в изучении национальной истории принадлежал исключительно союзным республикам. Исследования по истории Украины были сосредоточены в самой УССР, а в центральных научных учреждениях украинские сюжеты затрагивались в рамках общих проблем. В соответствии с актуальной на тот момент версией истории КПСС глорифицировалась советская национальная политика, а украинское национальное движение рассматривалось как буржуазно-националистическое, контрреволюционное. Исследователи не могли вдаваться в подробности, рассказывать о «неудобных» деятелях и интерпретировать украинизацию иначе, чем предусматривала актуальная на тот момент версия истории КПСС. Поэтому в советский период проблема украинизации оставалась малоизученной. При этом подчеркивалось, что политика Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии по украинскому вопросу была захватнической, а борьба трудящихся Западной Украины носила национально-освободительный характер.

Для современной российской историографии характерен взгляд «сверху вниз», в связи с чем обычно ставятся вопросы влияния государства на национальные, экономические, социальные, культурные процессы в регионах, поэтому ощущается дефицит работ, непосредственно посвященных украинской тематике. Это характерно для работ, посвященных изучению положения украинского населения как в Советском Союзе, так и в Польше, Чехословакии и Румынии.

Необходимо отметить явный недостаток исследований российских ученых по украинской проблематике. Тем не менее об актуальности этой темы свидетельствуют появившиеся в последние годы труды обобщающего характера. Усилиями российско-украинской комиссии историков при Президиуме РАН и Президиуме НАНУ были подготовлены коллективные труды. Российские историки под руководством А. О. Чубарьяна подготовили «Очерки истории России» на украинском языке, а украинские специалисты во главе с В. А. Смолием – «Историю Украины» на русском. Украинские коллеги подчеркивают вынужденность советской политики украинизации, указывая, что «Советская Россия завоевала Украину с третьей попытки, однако удерживать ее только военной силой было невозможно. Граждане Украины должны были убедиться в том, что советская власть – это их собственная власть. Представителям этой власти следовало общаться с ними на их родном языке»¹. Положение украинцев в Польше, Чехословакии и Румынии изложено кратко, при этом сделан акцент на развитие украинского национального движения в этих странах, а политика Варшавы, Праги и Бухареста изложена схематично.

В «Очерках истории России» политика центра в отношении Украинской ССР в целом и украинизация в частности не относятся к числу приоритетных тем, что объясняется объективно существующими для такого рода работ ограничениями по объему представляемого материала. Тем не менее в очерках указано, что советская политика «предусматривала национальную консолидацию в границах республик (что отразилось и на политике украинизации в УССР)»².

---

¹ История Украины. Научно-популярные очерки / Под ред. В. А. Смолия. М., 2008. С. 626.

² Нариси історії Росії / Пер. з рос.; за заг. ред. О. О. Чубарьяна. Київ, 2007. С. 644.

В 2015 г. вышла «История Украины»³, написанная российскими историками, членами российско-украинской комиссии И. Н. Данилевским, Т. Г. Таировой-Яковлевой, А. В. Шубиным, В. И. Мироненко. Как подчеркивает во введении А. О. Чубарьян, эта книга является «приглашением группы авторов к диалогу по весьма актуальной и непростой исторической проблеме»⁴. При изучении событий межвоенного периода основное внимание уделяется Советской Украине, тогда как западным украинским землям уделяется значительно меньше внимания. При этом в соответствующем разделе анализируется не столько политика государства в отношении украинских земель, сколько деятельность украинского национального движения. В том же году была издана «История Новороссии» А. В. Шубина, в которой рассмотрены особенности развития юга и востока «современного государства Украины по сравнению с центральными и западными регионами этой страны»⁵.

Среди существующих работ российских ученых в области украинистики следует выделить монографию А. И. Миллера, в которой анализируется процесс принятия властями Российской империи решений в отношении украинского национального движения, столкновение украинского проекта национального строительства с проектом формирования «большой русской нации»⁶. И. В. Михутина изучила проблему становления украинского идейно-политического течения, с оформлением которого в России на протяжении XIX в. возник украинский вопрос, развитие украинской национально-политической программы, восприятие ее российскими политическими силами⁷. Кроме того, исследовательница рассматривает развитие украинского движения после февральской революции, акцентируя внимания на сложных событиях конца 1917 г. – начала 1918 г., когда велись дипломатические переговоры, завершившиеся подписанием мирного договора между Украинской Народной Республикой и государствами Четверного союза⁸. А. В. Шубин в своей работе о Н. И. Махно анализирует сложные события периода Гражданской войны, попытки анархистов воплотить свои идеалы в жизнь. Ученый уделяет внимание оппонентам анархистов – большевикам, белогвардейцам, деятелям украинского движения, также нацеленным на создание независимого государства⁹. А. С. Пученков рассмотрел политические процессы на Украине и в Крыму в 1918 – начале 1919 г.: историю Украинской Державы гетмана П. П. Скоропадского, немецкую оккупацию Украины, идеологию гетманщины, взаимоотношения Скоропадского с российским Белым движением, предпосылки французской интервенции на Юге России и причины ее неудачи, специфику развития революционного процесса в Крыму¹⁰. Авторы очерков «Русские об Украине и украинцах» рассматривают складывавшийся в русском общественном сознании образ украинца с точки зрения его этнической, культурной и языковой принадлежности, места и роли в восточнославянском пространстве. Основное внимание в книге уделено этнокультурному восприятию русским обществом населения украинских земель в связи с процессом формирования и развития в рамках единого государственного пространства различных систем идентичностей (общерусской, национальной, региональной)¹¹.

---

³ История Украины. СПб., 2015.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Шубин А. В. История Новороссии. М., 2015. С. 3.

⁶ Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века), СПб., 2000.

⁷ Михутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003.

⁸ Михутина И. В. Украинский Брестский мир: путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и Правительством Украинской Центральной Рады. М., 2007.

⁹ Шубин А. В. Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. Нестор Махно как зеркало Русской революции. М., 2005; *Его же*. Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1920 гг. в России и Украине. М., 2013.

¹⁰ Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013.

¹¹ Русские об Украине и украинцах / отв. ред. Е. Ю. Борисенко. СПб., 2012.

Появились исследования, посвященные украинской советской проблематике¹². А. В. Марчуков в качестве проблемы исследования избрал украинское национальное движение в 1920-1930-е гг., он рассматривает его как историю «конструирования и строительства украинской национальной общности и „Украины“ как особого национально-политического организма, преобразования крестьянского, малорусского, русинского населения в „украинцев“, утверждения среди них украинского национального самосознания и украинской идентичности». Ученый отмечает, что в 1920-1930-е гг. движение «было неоднородно и объединяло представителей разных политических сил – от „петлюровцев“ до украинских национал-коммунистов»¹³. К. С. Дроздов в своей монографии «Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг.» проанализировал механизм регулирования русско-украинских национальных взаимоотношений на территории тех регионов РСФСР, где проживало украинское национальное меньшинство¹⁴. Идеи основы эволюции национальной политики СССР изучил А. И. Вдовин. В центре его внимания – русский народ «как системообразующее ядро новой исторической общности, формирующейся в СССР»¹⁵.

Среди работ, посвященных национально-культурной политике большевиков, следует отметить труды Т. Ю. Красовицкой. Анализируя этносоциокультурную ситуацию в стране, Красовицкая показывает все сложности процесса советской модернизации в полиэтничном государстве, влияние политики большевиков на национальные культуры¹⁶. Особенности проведения советской национальной политики в БССР продемонстрированы в монографии Ю. А. Борисенка: он рассматривает вопросы развития белорусского общества и формирования белорусских государственных структур на фоне межгосударственного и геополитического противостояния между Польшей и Россией в первой половине XX в.¹⁷

Однако особый интерес представляют работы, посвященные Западной Украине. Проблемы польско-украинского пограничья рассмотрены В. Н. Савченко¹⁸. По его мнению, в начале XX в. у коренного восточнославянского населения Галиции имелись три пути дальнейшей национально-культурной эволюции: «1) традиционный, в качестве составной части малорусской ветви общерусской общности; 2) в направлении окатоличивания и полонизации; 3) в направлении украинизации и обособления». При этом последний путь хотя и «представлялся наименее вероятной перспективой», тем не менее именно он начал реализовываться. При этом «укаинофильство окончательно восторжествовало» после «присоединения почти всей Восточной Галиции к УССР в 1939 г.», с началом советской украинизации края¹⁹.

¹² Недостаточно работ, посвященных проблеме советской украинизации. По существу, сослаться можно лишь на наши работы, напр. «Феномен советской украинизации» (М., 2006), а также статьи, опубликованные в журналах «Славяноведение», «Отечественная история», «Родина» и других изданиях начиная с 1998 г.

¹³ *Марчуков А. В.* Украинское национальное движение; УССР. 1920-1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2006. С. 544, 549. В 2015 году вышло второе издание книги, причем «при переиздании было решено не вносить изменения в ее текст» (*Марчуков А. В.* Украинское национальное движение. УССР. 1920-1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2015. С. 9). Отсутствие изменений в тексте касается и раздела историографии.

¹⁴ *Дроздов К. С.* Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923–1933 гг.). М.; СПб., 2016.

¹⁵ *Вдовин А. И.* Русские в XX в. М., 2004; Его же. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа М., 2013.

¹⁶ *Красовицкая Т. Ю.* Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством в РСФСР. 1917–1925. М., 1992; Ее же. Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов. М., 1998; Ее же. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 гг.): Документы и материалы. М., 2007; Ее же. Модернизации российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века – 1920-е годы). М., 2011.

¹⁷ *Борисенко Ю. А.* На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013.

¹⁸ *Савченко В. Н.* Восточнославянское польское пограничье, 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М., 1995.

¹⁹ *Савченко В. Н.* Восточная Галиция на историческом перепутье: 1910 – начало 1920-х годов // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 181–182.

В 2016 г. вышла монография М. Э. Клоповой, посвященная истории национальных движений восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века²⁰. Основное внимание в исследовании уделено соперничеству украинского и русофильского направлений, влиянию на общественно-политическую жизнь Восточной Галиции позиции галицийской администрации и имперского правительства, польского национального движения, а также австро-российских отношений.

Российские слависты также уделяют внимание украинскому вопросу в политике Польши и Чехословакии в межвоенный период. Прежде всего, следует отметить труды известного российского полониста Г. Ф. Матвеева и, прежде всего, его биографию польского политического деятеля Ю. Пилсудского²¹. Для нашей проблемы заслуживают внимания исследованные Матвеевым сюжеты, связанные с формированием границ II Речи Посполитой и борьбой между поляками и украинцами за обладание Восточной Галицией, а также польско-советской войной. Немало внимания украинским сюжетам уделено и при рассмотрении российским историком внутренней политики Польши в 1920-1930-е гг., в том числе операции так называемого «умиротворения» в Восточной Галиции 1930 г. Стоит отметить также его исследование положения военнопленных красноармейцев в Польше²², а также его многочисленные статьи и публикации.

С. В. Ольховский рассматривает «волынский эксперимент» как модель сосуществования польского и украинского общества во II Речи Посполитой: «В Галиции украинское самосознание сформировалось на платформе негативной оценки всего исторического опыта польско-украинских отношений и вооруженной борьбы за создание независимой Украины, при этом относительная непопулярность сепаратистских идей среди украинцев Волыни давала польской администрации шанс реализации иного сценария – формирования лояльного государству украинского движения»²³. Как отмечает Е. В. Бондаренко, идейно-концептуальной основой «волинской программы» было то, что «она преследовала цель создать на территории воеводства своеобразный анклав польско-украинского общежития и согласия», для чего «предполагалось привлекать украинцев, и прежде всего деятелей бывшей УНР, к политической жизни страны путем расширения их участия в деятельности законодательных органов, органов местной администрации и самоуправления, кооперативных организаций»²⁴. Большой интерес представляют работы Т. М. Симоновой, посвященные идеям польского прометеизма, предполагавшим руководящую роль польского государства в Восточной Европе и направленным главным образом против России²⁵.

К. К. Федевич доказывает, что польско-украинские отношения в межвоенном польском государстве не сводились к противостоянию, а в значительной мере представляли собой историю мирного сосуществования, взаимодействия и взаимной адаптации. При этом «наивыс-

---

²⁰ Клопова М. Э. Русины, русские украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М., 2016.

²¹ Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М., 2008.

²² Матвеев Г. Ф., Матвеева В. С. Польский плен: Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011.

²³ Ольховский С. В. Основные тенденции развития украинского национального движения в межвоенной Польше // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4. С. 272.

²⁴ Бондаренко Е. В. «Волинская программа» Г. Юзефского: сущность и проблемы реализации (1928–1938 гг.) // Право и политика. 2014. № 6 (174). С. 851–852.

²⁵ Симонова Т. М. Именем революции: мир и счастье – на штыках // Родина. 2000. № 10. С. 59–62; *Ее же*. «Прометезим» в восточной политике лагеря Пилсудского в 1919–1926 годах // Иван Александрович Воронков – профессор-славист Московского университета: материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И. А. Воронкова (1921–1983). М., 2001. С. 119–131; *Ее же*. Стратегические замыслы начальника польского государства Юзефа Пилсудского: прометеизм во внешней политике Польши в 1919–1923 гг. // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С. 42–48; *Ее же*. Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63; *Ее же*. «Мы бесподанные безгосударственники...» Россияне в межвоенной Польше // Родина. 2007. № 2. С. 75–81; *Ее же*. Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М., 2013.

шего уровня процессы государственной интеграции галицких украинцев в Польшу достигли в середине 1930-х гг., когда самые влиятельные политические силы Восточной Галичины Украинское национально-демократическое объединение и греко-католическая церковь присоединились к правящему лагерю Польши и помогли ему в борьбе с польской политической оппозицией в обмен на поддержку лояльных украинских политических, культурных и деловых структур»²⁶.

Среди работ, посвященных анализу положения восточнославянских земель в составе межвоенной Чехословацкой Республики, следует выделить труды К. В. Шевченко. Рассматривая проблему развития альтернативных этнических идентичностей у восточнославянских народов, исследователь подчеркивает, что «в межвоенный период Карпатская Русь оказалась единственным уцелевшим после Первой мировой войны и распада Российской империи островком, на котором продолжала существовать и развиваться идея общерусского этнокультурного и языкового единства. Если в СССР взгляд на восточных славян как на три отдельных народа – русских, украинцев и белорусов – был принят в качестве единственно правильного и навязывался всей мощью советской пропаганды и административной системы, то среди карпатских русинов, вошедших в межвоенный период в состав Чехословакии и Польши, сохранялась отвергнутая в СССР идея общерусского единства, а противоборство между различными национальными ориентациями протекало в более естественных условиях»²⁷.

Несомненный интерес представляет монография А. И. Пушкаша, в которой перипетии внутренней жизни карпатского региона рассмотрены на фоне сложной международной обстановки. Анализируя события 1938–1939 гг., автор приходит к выводу, что внешний фактор оказывал определяющее влияние на события в этом регионе. Так, «перемены в Карпатской Украине в первые месяцы 1939 года проходили под влиянием внешнего фактора – гитлеровской Германии»²⁸.

Проблемы, связанные с историей, культурой и идентичностью карпатских русинов²⁹, изучает М. Ю. Дронов. Особое внимание исследователь уделяет роли Греко-католической церкви в процессах формирования этнонациональной идентичности русинов³⁰. Исследователь пришел к выводу, что в Карпатском регионе украинская идентичность «являлась дальнейшим развитием... малорусской идентичности. Под влиянием информации об успехах украинской национальной идеи в других регионах (в частности, в Галиции) переход от малорусскости к украинству трактовался как природный процесс для всех тех, кого еще недавно относили к малороссам»³¹. При этом М. Ю. Дронов отмечает изначальную искусственность и малую популярность малорусской идентичности на южных склонах Карпат.

В. В. Марьина, рассматривая историю присоединения Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) к Советскому Союзу (Советской Украине), уделяет внимание событиям 1938–1939 гг. В частности, она отмечает, что А. Волошин и его сторонники «разрабатывали грандиозные планы превращения Подкарпатской Руси в своего рода „украинский Пьемонт“, согласно которым она должна была стать центром объединения украинцев из Польши, Румынии и Советского Союза. Создание „Великой Украины“ мыслилось при поддержке и под протекто-

---

²⁶ Федевич К. К. Галицькі українці у Польщі 1920–1939 (Інтеграція галицьких українців до Польської держави у 1920–1930-ті рр.). Київ, 2009. С. 270.

²⁷ Шевченко К. В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М., 2010. С. 383.

²⁸ Пушкаш А. И. Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. М., 2006. С. 270.

²⁹ В данной связи нельзя не упомянуть «Энциклопедию Подкарпатской Руси» И. И. Попа: Поп И. И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001; 2-е изд. Ужгород, 2006.

³⁰ Дронов М. Ю. Роль Греко-католической церкви в формировании этнонациональной идентичности русинов Словакии (1919–1938). Дисс... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2013.

³¹ Там же. С. 54.

ратом нацистской Германии»³². Анализируя «украинский фактор» накануне и в начале Второй мировой войны, А. Ф. Носкова подчеркивает, что «оформление и подъем украинского движения за рубежом, как, впрочем, и всей антисоветской эмиграции, его локализация в соседней Польше не могли не рассматриваться в Москве как серьезная угроза для стабильности СССР и советской Украины в особенности. В этой связи среди известных побудительных причин, которыми ученые объясняют действия И. В. Сталина летом 1939 г., на мой взгляд, не достает такого мотива, как намерение нейтрализовать опасное влияние ОУН на подъем украинского сепаратизма в УССР путем включения в состав СССР тех территорий, где украинцы составляли значительную часть смешанного населения»³³.

Таким образом, в современной российской историографии отчетливо проявляются тенденции найти взвешенный, объективный подход к сложным реалиям восточноевропейской истории 1920-1930-х гг. Накопленный отечественными исследователями опыт в изучении данной проблематики уже достаточно обширен и требует сопоставления с конкретным фактическим материалом по истории Украинской ССР, Восточной Галиции, Подкарпатской Руси, Буковины и Бессарабии.

Начиная с 1920-х гг., об украинизации писали зарубежные ученые. Особенно активны были представители украинской диаспоры, затрагивавшие в своих трудах различные аспекты культурной жизни и национального строительства. В многочисленных публикациях нашли отражения события революции и гражданской войны на Украине, советская политика украинизации и политика в отношении украинского вопроса в странах Восточной Европы в межвоенный период. Несмотря на то что диаспорная историография насчитывает значительное количество работ, проблема положения украинцев в восточноевропейских странах в них не нашла объективного изложения. Если деятельность правительств УНР, ЗУНР, Украинской Державы освещалась в зависимости от политических предпочтений автора, то советские реалии получали в основном негативную оценку. Их авторы представляли альтернативный советской литературе подход и, стремясь изложить свое видение национально-культурного процесса 1920-1930-х гг. и одновременно разоблачить своих идеологических противников, впадали в крайность.

Украинская тематика затрагивалась и западными учеными неукраинского происхождения: за рубежом активно развивалась советология. Отсутствие доступа к официальным документам и ограниченность источниковой базы, с одной стороны, и формирование образа СССР как образа врага в условиях «холодной войны» заставляет с осторожностью подходить к такого рода работам.

Впрочем, это обстоятельство отнюдь не исключает наличия перспективных идей у зарубежных специалистов. Так, уже в 1929 г. У. Р. Бэтселл доказывал, что советская национальная политика является тактическим маневром для привлечения поддержки нерусского населения СССР. Оказывая в целом благотворное влияние, эта политика была связана с лояльностью тех или иных народов по отношению к советской власти, но одновременно была потенциально опасна для центрального руководства, поскольку формировавшиеся местные элиты рано или поздно поставят вопрос о самостоятельности «своих» территорий³⁴.

После Второй мировой войны, с конца 1940-х до середины 1980-х гг., появилось немало зарубежных исследований, посвященных истории Советского Союза, в которых так или иначе трактовалась и национальная проблематика. Так, в работах И. Дойчера, Р. Пайпса, Э. Х. Карра национальная политика СССР рассматривалась как производная от более широких

---

³² *Марына В. В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003. С. 7.

³³ *Носкова А. Ф.* Национальные меньшинства в Восточной Европе: геополитический ракурс проблемы (от Первой ко Второй мировой войне) // *Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века.* СПб., 2011. С. 159.

³⁴ *Batsell W. R.* Soviet rule in Russia. New York, 1929.

задач советской власти³⁵. Несомненный интерес представляют работы А. Инкелеса, Р. А. Бауэра, М. Фэйнсоды³⁶. А. Инкелес сделал вывод, что жизненные условия украинца в советской системе и его реакция на эту систему в первую очередь определены не его национальностью, а статусом советского гражданина и принадлежностью к определенному классу. Р. Салливант отмечал, что украинизация призвана была привлечь на сторону Сталина одну из крупнейших региональных партийных организаций – КП(б)У³⁷.

Следует учитывать, что с середины 1980-х гг., т. е. в период перестройки, а затем распада Советского Союза, национальная проблематика оказалась весьма востребованной, в связи с чем все больше ученых сосредотачивалось на украинской проблематике. В 1988 г. О. Субтельный, канадский историк украинского происхождения, издал свою известную книгу «Украина. История»³⁸, которая уже в 1991 г. была опубликована на украинском языке, а затем неоднократно переиздавалась на Украине. По оценке А. В. Портнова, «написанная как синтез украинских схем национальной истории и новейших идей западной историографии, книга Субтельного стала настоящим бестселлером»³⁹.

В 1996 г. вышла еще одна, не менее известная «История Украины», автором которой является канадский историк с русинскими корнями П. Р. Магочи⁴⁰. Эта работа, как и монография по истории Подкарпатской Руси⁴¹, были переизданы затем на украинском языке. Профессор Гарвардского университета С. Плохий называет «Историю Украины» Магочи «первой серьезной попыткой написать территориальную, многоэтническую и мультикультурную историю Украины», причем считает ее альтернативой более традиционного нарратива Ореста Субтельного⁴².

Украинская проблематика в последние годы становится все более популярной. Так, в 2015 г. в Праге была издана «История Украины», написанная Я. Рыхликом, Б. Зилинским и П. Р. Магочи⁴³. Стоит упомянуть также труды Дж. Мейса, в которых рассмотрена проблема формирования «национал-коммунизма», подчеркнута большая роль последнего в проведении украинизации⁴⁴, а также работу Дж. Либера, посвященную проблеме модернизации и урбанизации в УССР. В этой связи Либер подчеркивал смещение фокуса украинской идентичности из сельской местности в город⁴⁵. Р. Кайзер отмечает значение установления границ Украинской ССР, поскольку «территориализация» украинского государства способствовала росту национального самосознания украинцев⁴⁶. Р. Г. Суни считает национальный вопрос относительно самостоятельной, но неотъемлемой частью проблем советского государства, он утверждает, что коренизация без НЭПа была так же невозможна, как НЭП без коренизации. СССР в его представлении одновременно и устранял политический суверенитет национальностей,

³⁵ *Deutscher I.* Stalin: A Political Biography. London, 1949; Carr E. H. A History of Soviet Russia. Vol. 1: The Bolshevik Revolution, 1917–1923. London, 1950; Pipes R. The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge, 1954.

³⁶ *Fainsod M.* How Russia is Ruled. Cambridge, 1953; *Inkeles A., Bauer R. A.* The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge; London, 1959.

³⁷ *Sullivant R.* Soviet Politics and the Ukraine 1917–1957. New York, 1962.

³⁸ *Subtelny O.* Ukraine: A History. Toronto, 1988.

³⁹ *Портнов А. В.* Terra hostica. Образ России в украинских школьных учебниках истории после 1991 года // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2004. № 4 (36). С. 86.

⁴⁰ *Magocsi P. R.* A History of Ukraine. Toronto, 1996.

⁴¹ *Magocsi P. R.* The Shaping of A National Identity: Subcarpathian Rus', 1848–1948. London; Cambridge, 1978; *Магочій П.-Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород, 1994; *Магочій П.-Р.* Україна. Історія її земель та народів. Ужгород, 2012.

⁴² *Плохий С. М.* Якої історії потребує сучасна Україна? // Український історичний журнал. 2013. № 3. С. 7.

⁴³ *Rychlík J., Zilynskyj B., Magocsi P.-R.* Dějiny Ukrajiny. Praha, 2015.

⁴⁴ *Mace J. E.* Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine 1918–1933. Cambridge, 1983.

⁴⁵ *Liber G.* Soviet nationality policy, urban growth and identity change in the Ukrainian SSR 1923–1934. Cambridge, 1992.

⁴⁶ *Kaiser R. J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. New York, 1994.

и гарантировал им территориальную идентичность, учреждения образования и культуры на родном языке и продвижение коренных кадров к властным позициям⁴⁷. М. Малиа оценивает коренизацию как имплантацию советских институтов в нерусские культуры⁴⁸. Американский ученый украинского происхождения Р. Шпорлюк подчеркивает, что интернационалистская национальная политика сделала коммунизм и советскую форму правления более восприимчивыми для нерусских территорий, позволила советской власти достичь взаимопонимания с крестьянством и национальной интеллигенцией⁴⁹. Д. Л. Бранденбергер рассматривает изменения в партийной идеологии во второй половине 1930-х гг., анализирует развитие идеологии «национал-большевизма» вплоть до середины 1950-х гг., ее внедрение в массовое сознание через образовательные и культурные учреждения⁵⁰. Канадский историк с украинскими корнями С. Екельчик посвятил свою монографию интерпретации прошлого в украинской науке и культуре сталинского времени, автор анализирует изменения в официальной политике памяти в 1930-е гг.: как в политических выступлениях, научных трудах, романах, пьесах, операх, картинах, памятниках и праздниках было представлено прошлое украинцев и как изображались русско-украинские отношения⁵¹.

Большое внимание научного сообщества привлек труд Т. Мартина. Американский ученый обращает внимание на определенную преемственность СССР и развалившейся Российской империи, подчеркивает систематичность нациестроительства большевиков. В отношении формы национального устройства Советского Союза этот автор предлагает использовать термин «империя позитивного действия». Ученый убедительно доказывает, что советская политика носила активный характер, поддерживая создание и развитие национальных территорий, элит, языков и культурных учреждений⁵².

Американский исследователь Т. Снайдер посвятил одну из своих книг Г. Юзевскому⁵³. «Волынский эксперимент» этот автор анализирует с точки зрения межвоенного польско-советского противостояния: обе стороны стремились использовать украинский вопрос, считая его слабым местом противника, причем политика Юзевского в определенной степени копировала советскую украинизацию.

В современной польской историографии следует отметить труды, посвященные политике воеводы Г. Юзевского на Волыни. «Волынский эксперимент» обычно трактуется как пример «польско-украинского понимания»⁵⁴. А. Хойновский рассматривает деятельность волынского воеводы как попытку реализации в новых исторических условиях федеративной концепции Пилсудского⁵⁵. Е. Томашевский проанализировал межнациональные отношения в межвоенной

⁴⁷ *Suny R. G. The Soviet Experiment: Russia, the USSR and Successor States. New York, 1998; Suny R. G. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.*

⁴⁸ *Malia M. The Soviet Tragedy: a History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York, 1996.*

⁴⁹ *Шпорлюк Р. Імперія та нації (з історичного досвіду України, Росії, Польщі та Білорусі). Київ, 2000.*

⁵⁰ *Brandenberger D. National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, and London, 2002; Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009.*

⁵¹ *Yekelchik S. Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination. Toronto, 2004; Екельчик С. Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ, 2008.*

⁵² *Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939. Ithaca and London, 2001; Мартин Т. Імперія «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.*

⁵³ *Snyder T. Sketches from a Secret War. A Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine. New Haven, 2005; Snyder T. Tajna wojna. Henryk Józewski i polsko-sowiecka rozgrywka o Ukrainę. Kraków, 2008. См. также рецензию на книгу Т. Снайдера: Борисёнок Ю. Романтик с Андреевского спуска // Родина. 2009. № 5. С. 47–50.*

⁵⁴ *Chojnowski A. Ukraina. Warszawa, 1997; Olszański T. A. Historia Ukrainy XX w. Warszawa, 1995. S. 145; Paruch W. Od konsolidacji państwowej do konsolidacji narodowej: mniejszości narodowe w myśli politycznej obozu piłsudczykowskiego (1926–1939). Lublin, 1997. S. 202–203.*

⁵⁵ *Chojnowski A. Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939. Wrocław, 1979.*

Польше⁵⁶. Р. Тожецкий, изучив национальную политику «санационных правительств», отметил, что «волынская программа» Г. Юзевского была результатом поисков путей решения украинской проблемы в Польше⁵⁷. Историк из Белостока Е. Миронович, рассматривая национальные аспекты польской политики (по словам исследователя, они относились к числу наиболее трудных в межвоенный период), подчеркивает различие политических методов, применяемых в Галиции и Волини. Юзевский, по словам Мироновича, был убежден в возможности строительства на территории Волини реального польско-украинского союза, который мог быть достигнут при помощи украинских организаций пропольской ориентации⁵⁸.

Политику польских правительств относительно украинского населения Волини в 1920-1930-х гг. освещают труды В. Менджецкого и Я. Кенсика⁵⁹. Менджецкий считает, что для Юзевского украинцы были отдельным народом, который имел право культивировать собственную культуру и язык, поэтому решение украинской проблемы он усматривал в участии поляков в процессе формирования украинской нации: миссия обеих наций заключалась в общем противостоянии смертельному врагу – имперской России – в духе соглашения Пилсудского – Петлюры 1920 г.⁶⁰

От украинцев, проживавших в Польше, требовались лояльность и признание прав Польши на Восточную Галицию и Западную Волинь. В этом случае администрация Юзевского готова была поддерживать украинские общественные, культурные, хозяйственные и даже политические инициативы⁶¹. При этом проукраинские симпатии волынского воеводы наталкивались на противодействие местного польского общества, в частности, римско-католического клира Волини, для которых Волинь была не «польско-украинской», а польской территорией, а украинцы – внутренним врагом⁶².

Я. Кенсик написал политическую биографию Г. Юзевского. В своей концепции Юзевский, как считает польский исследователь, пытался соединить принципы политики государственной ассимиляции с идеологией 1920 г. и федеративно-прометеевской программой⁶³. Т. Голувко и Г. Юзевский рассматривали проблему создания «украинского Пьемонта на Волини» сквозь призму реализации восточной политики Польши⁶⁴.

П. Ставеский опубликовал ряд неизвестных ранее документов о национальной политике Юзевского на Волини⁶⁵. З. Запоровский проанализировал процесс возникновения, организационную структуру и идеологию Волынского украинского объединения (ВУО), его культурно-образовательную, хозяйственную и парламентскую деятельность. Польский исследователь настаивает, что ВУО было национальной, центристской и региональной украинской партией, которая «реализовала позитивную программу, полезную как для государства, так и для своего общества»⁶⁶.

Многие постулаты из работ зарубежных исследователей, в первую очередь представителей диаспоры, были восприняты современными украинскими учеными. Большое внимание

⁵⁶ Tomaszewski J. Ojczyzna nie tylko Polaków. Mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918–1939. Warszawa, 1985.

⁵⁷ Torzecki R. Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929. Kraków, 1989.

⁵⁸ Mironowicz E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. Białystok, 2007. S. 152.

⁵⁹ Mędrzecki W. Województwo Wołyńskie. 1921–1939. Elementy przemian cywilizacyjnych, społecznych i politycznych. Wrocław, 1988; Kęsik J. Zaufany Komendanta. Biografia polityczna Jana Henryka Józewskiego 1892–1981. Wrocław, 1995.

⁶⁰ Mędrzecki W. Województwo Wołyńskie 1921–1939: Elementy przemian cywilizacyjnych, społecznych i politycznych. S. 147–148.

⁶¹ Ibidem.

⁶² Mędrzecki W. Inteligencja polska na Wołyniu w okresie międzywojennym. Warszawa, 2005. S. 212–213.

⁶³ Kęsik J. Zaufany Komendanta. Biografia polityczna Jana Henryka Józewskiego 1892–1981. S. 89.

⁶⁴ Ibid. S. 90.

⁶⁵ Stawski P. Polityka wołyńska Henryka Józewskiego w świetle nieznanych źródeł z lat 1935–1936 // Przegląd Wschodni. 1997. T. 4. Z. 1 (13). S. 179–209.

⁶⁶ Zaporowski Z. Wołyńskie Zjednoczenie Ukraińskie. Lublin, 2000. S. 109, 157.

они уделяют политике УНР, Украинской Державы гетмана Скоропадского⁶⁷, отмечая украинизационные усилия правительств этих государственных образований, особенно в области образования и культуры. Существенное внимание уделяется и истории Карпатской Украины 1938–1939 гг.⁶⁸ Украинские ученые доказывают, что правительство А. Волошина с октября 1938 г. до середины марта 1939 г. проводило большую украинизационную работу, причем немалые усилия, предпринимавшиеся по украинизации государственного аппарата и учебных, культурных учреждений, фактически были превышением правительственных полномочий. Как отмечает В. Лемак, правительственное распоряжение от 25 ноября 1938 г. о внедрении в Подкарпатской Руси государственного украинского языка и распоряжение от 30 декабря об употреблении названия края «Карпатская Украина» противоречили «Конституционному закону об автономии Подкарпатской Руси» от 22 ноября 1938 г., согласно которому название территории, официальный язык и язык обучения должен был установить Сейм Подкарпатской Руси⁶⁹. Исследователи указывают, что распоряжения правительства активно претворялись в жизнь и часто выступали даже источником противостояния между чехами и украинцами.

Современные украинские историки активно занимаются проблематикой, касающейся польско-украинских взаимоотношений. При этом польская политика нередко расценивается как политика угнетения украинского народа, а основной акцент делается на борьбе украинцев за свое освобождение. Основное внимание украинских исследователей приковано к Восточной Галиции, тем не менее волынская проблематика затрагивается в работах, посвященных положению украинских земель в Польше и украинскому национальному движению в межвоенный период⁷⁰.

Украинские историки приступили и к изучению «волынского эксперимента» Юзевского. Этим направлением активно занимается Ю. В. Крамар⁷¹. Украинский историк воспринимает политику Г. Юзевского как попытку решения украинского вопроса в Польше. Главной целью

⁶⁷ Об историографии этой проблемы см.: *Великошій В. С.* Українська історіографія суспільно-політичних процесів у Галичині 1914–1919 рр. Івано-Франківськ, 2009; *Капелюшний В. П.* Здобута і втрачена незалежність: історіографічний нарис української державності доби національно-визвольних змагань (1917–1921 рр.). Київ, 2003; *Радченко Л. О.* Сучасна історіографія національно-демократичної революції в Україні 1917–1920 років. Харків, 1996; *Солдатенко В. Ф.* Українська революція: Концепція та історіографія. Київ, 1997; *Солдатенко В. Ф.* Українська революція: концепція та історіографія (1918–1920 рр.). Київ, 1999; *Українська революція і державність (1917–1920 рр.): наук. бібліогр. вид.* Київ, 2001.

⁶⁸ Нариси історії Закарпаття / Ред. Гранчак І., Болдижар М. Т. II: 1918–1945. Ужгород, 1995; *Веґеш М. М.* Карпатська Україна. Документи і факти. Ужгород, 2004; *Веґеш М., Задорожний В.* Велич і трагедія Карпатської України: історико-популярний нарис. Ужгород, 1993; *Веґеш М., Гиря В., Король І.* Угорська іредента на Закарпатті між двома світовими війнами (1918–1939 рр.). Ужгород, 1998; *Болдижар М., Болдижар С.* Державність на Закарпатті: події, факти, оцінки. Ужгород, 2003; *Закарпаття в етнополітичному вимірі.* Київ, 2008; *Закарпаття 1919–1920 років: історія, політика, культура.* Ужгород, 2010; и др.

⁶⁹ *Лемак В.* Карпатська Україна 1938–1939 років: державно-правовий аспект. Ужгород, 1993. С. 29–31.

⁷⁰ См.: *Історія Волині. XX – початок XXI ст.: краєзнавчий бібліографічний покажчик.* Луцьк, 2011.

⁷¹ *Крамар Ю. В.* Політика державної асиміляції на Волині (1928–1938 роки): Дисс... канд. іст. наук: 07.00.02. Луцьк, 1998; *Его же.* Національні меншини в політиці воєводської адміністрації Г. Юзевского на Волині: (1928–1938 рр.) // *Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки.* 2000. № 1: Іст. науки. С. 83–88; *Его же.* Освітня політика воєводської адміністрації Г. Юзевского на Волині // *Зб. навч.-метод. матеріалів і наук. ст. іст. ф-ту Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки.* Вип. 5. Луцьк, 2000. С. 97–102; *Его же.* Політика польської адміністрації щодо національних меншин на Волині у міжвоєнний період // *Друга світова війна і доля народів України: матеріали 2-ї Всеукр. наук. конф.* Київ, 2007. С. 332–342; *Его же.* Проблема неонуї на Волині у міжвоєнний період // *Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки.* 1998. № 1: Іст. науки. С. 68–73; *Его же.* Реалізація земельної реформи у Волинському воєводстві адміністрацією Г. Юзевского (1928–1938) // *Минуле і сучасне Волині. Олександр Цинкаловський і край: матеріали ІХ наук. іст.-краєзн. міжнар. конф.* Луцьк, 1998. С. 253–257; *Его же.* Рух за українізацію православної церкви на Волині у міжвоєнний період // *Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки.* 2002. № 3. С. 126–132; *Его же.* Українське початкове шкільництво на Волині у 1921–1926 роках // *Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки.* Луцьк, 1997. № 3: Історія. С. 43–46; *Его же.* Участь українських політичних партій у парламентських виборах 1930 року на Волині // *Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки.* 2007. № 1: Іст. науки. С. 198–204; *Его же.* Політика воєводи Г. Юзевского стосовно української кооперації на Волині у міжвоєнний період // *Український селянин: зб. наук. пр. Вип. 8 Спеціальний: Матеріали V Всеукраїнського симпозиуму з проблем аграрної історії.* Черкаси, 2004. С. 240–244; *Его же.* Українсько-польські взаємовідносини на Волині у міжвоєнний період (за документами Державного архіву Волинської області) // *Архіви України.* 2013. № 3. С. 115–126.

политики, по мнению исследователя, была интеграция воеводства в состав II Речи Посполитой, а суть «волинского эксперимента» заключалась в том, чтобы «выработать у украинцев чувство принадлежности к польскому государству путем их политической ассимиляции», изменить характер польско-украинских отношений на Волини, добиться сотрудничества представителей обоих народов в политической, экономической и культурно-образовательной жизни⁷².

М. Кучерепа и Р. Давидюк исследовали историю ВУО⁷³. Рассматривая объединение как политическую базу Г. Юзевского, историки подчеркивают, что эта организация, будучи элементом «волинской программы», способствовала нарушению единства украинского национального движения. Однако в то же время ВУО оценивается как партия центристского направления, которая представляла новое направление национально-конструктивной работы, легальной борьбы за свои права⁷⁴.

Проблемам становления украинской элиты на Западной Волини посвящена монография И. Скакальской⁷⁵. Подчеркивая ассимиляционный характер политики польского правительства, автор значительное внимание уделяет освещению методов, использовавшихся властью для полонизации края, в том числе мерам репрессивного характера в отношении украинских общественных и политических деятелей. Историк подчеркивает, что политическая элита Волини не была однородной. Автор выделяет националистический лагерь, целью которого было завоевание независимости, соглашательский, настроенный на сотрудничество с польскими властями, и, наконец, среди волинской элиты были и те, кто ориентировались на внешние силы (например, коммунисты). Подобный раскол, по мнению Скакальской, ослаблял позиции украинской элиты в обществе⁷⁶.

Украинские историки рассматривают программу Юзевского не только в дихотомии национальной или государственной ассимиляции. Так, Я. Грицак прямо указывает, что «Пилсудский брался противопоставить советской украинизации украинизацию польскую. Волинский эксперимент должен был убедить украинцев из СССР, что Варшава заботится об украинцах больше, чем Москва»⁷⁷. В своей рецензии на книгу Т. Снайдера Грицак предлагает рассматривать «волинский эксперимент» с точки зрения политической модернизации Восточной Европы: «После распада Российской и Австро-Венгерской империй модернность тут выступала в форме двух моделей: коммунистической и националистической. В целом эти модели враждовали, но время от времени творили странные гибриды – такие как СССР или послевоенная Польская Народная Республика. „Волинский эксперимент“ предлагал третью модель: либеральную. Соответственно, Юзевский пытался строить на Волини не бесклассовое общество (как этого хотели коммунисты), не интегральную нацию (как этого хотели националисты), а мультикультурное сообщество, в котором этнические, языковые, религиозные и другие различия не стирались бы, а к ним проявляли бы толерантность или даже поддерживали»⁷⁸.

Однако больше всего работ посвящено изучению национально-культурных процессов в УССР в 1920-1930-е гг. Было опубликовано множество статей, появились монографии и разделы в общих трудах, в которых украинские исследователи анализировали причины украини-

---

⁷² Крамар Ю. В. Політика державної асиміляції на Волині (1928–1938 роки). Автореф. дисс... канд. іст. наук: 07.00.02. Львів, 1998. С. 16.

⁷³ Кучерепа М., Давидюк Р. ВУО: Волинське українське об'єднання: (1931–1939 рр.). Луцьк, 2001; Давидюк Р. Розмежування Західної Волині та Східної Галичини як складова «волинського експерименту» Генрика Юзевського // Сучасна українська держава: історичні імперативи становлення, тенденції та проблеми розвитку. Київ, 2006. С. 498–509.

⁷⁴ Кучерепа М., Давидюк Р. ВУО: Волинське українське об'єднання: (1931–1939 рр.). С. 26–38.

⁷⁵ Скакальська І. Б. Політико-соціальні виміри та етнокультурні трансформації української еліти Західної Волині 1921–1939 рр. Тернопіль, 2013.

⁷⁶ Skakalska I., Shvalyuk I. Национальная элита Западной Волини межвоенного периода XX века: источники формирования // Zeszyty Naukowe Ostrołęckiego Towarzystwa Naukowego. 2013. № 27. S. 614.

⁷⁷ Грицак Я. Страсті за націоналізмом: стара історія на новий лад. Есеї. Київ, 2011. С. 203.

⁷⁸ Там же. С. 201–202.

зации, ее цели, формы, последствия, обращали внимание на процессы украинизации в области просвещения и культуры. Увидели свет монографии, в которых речь шла о роли интеллигенции в национально-культурном строительстве⁷⁹, формировании и функционировании партийной и советской номенклатуры⁸⁰, социоэкономических и социокультурных процессах в контексте национальной политики⁸¹, изменениях в национально-культурной политике в 1930-е гг.⁸² Украинизация рассматривается и в рамках всей республики⁸³, и в рамках отдельных ее регионов⁸⁴, и в политических портретах деятелей этого периода⁸⁵. В 2003 г. появилось обобщающее коллективное исследование (авторский коллектив – В. М. Даниленко, Я. В. Верменич, П. М. Бондарчук, Л. В. Гриневиц, О. А. Ковальчук, В. В. Масненко, В. М. Чумак) «„Украинизация“ 1920-30-х годов: предпосылки, приобретения, уроки», где весьма подробно рассматривается политика украинизации в различных областях жизни – партийных и государственных органах, системе просвещения, науки, периодических изданиях, армии и др.⁸⁶

В украинской историографии советская украинизация трактуется как политика, направленная на укрепление советского строя в условиях активизации национальных процессов в республике. При этом украинизация для большевиков была лишь временной уступкой, средством укрепления власти на Украине.

Немало внимания современные украинские историки уделяют и событиям 1939 г. на Западной Украине. Одной из первых попыток показать все сложности процесса ее интеграции в советскую систему сделали А. С. Рублев и Ю. А. Черченко⁸⁷. Обобщающей работой, в которой рассматриваются события 1939 г., является монография М. Р. Литвина, А. И. Луцкого, К. Е. Науменко⁸⁸. Как утверждают авторы, форсированная интеграция Западной Украины в систему «казарменного социализма» сопровождалась репрессиями, нарушениями закона и прав человека, социальными, экономическими деформациями⁸⁹. Поэтому, как считают украинские ученые, присоединение Западной Украины сыграло двойственную роль. Как пишет Н. Ю. Чоповский, с одной стороны, присоединение объективно отвечало вековым стремлениям украинского народа к независимости и соборности, а с другой – этот акт произошел без участия украинского населения, был следствием сговора Сталина и Гитлера, для которых националь-

⁷⁹ См., напр.: Нариси історії української інтелігенції (перша половина ХХ ст.) / С. І. Білокінь, О. Д. Бойко, Г. С. Брега, інш.; відп. ред. Ю. О. Курносів. У 3 кн. Київ, 1994; *Комаренко Т. О., Штович М. А.* Влада і мистецька інтелігенція Радянської України; 20-ті роки ХХ ст. Київ, 1999; *Кузьменко М. М.* Науково-педагогічна інтелігенція в УСРР 20-30-х років: соціально-професійний статус та освітньо-культурний рівень. Донецьк, 2004; *Бачинський Д. В.* Українізація 1920-х – початку 30-х років та інтелігенція: навч. посіб. Чернівці, 2009; і др.

⁸⁰ См., напр.: *Вигovskyй М. Ю.* Номенклатура системи освіти в УСРР 1920-1930-х років: соціальне походження, персональний склад та функції. Київ, 2005; *Лозицький В. С.* Політбюро ЦК Компартії України: історія, особи, стосунки (1918–1991). Київ, 2005; *Дорошко М. С.* Номенклатура: керівна верхівка Радянської України (1917–1938 рр.). Київ, 2008; і др.

⁸¹ См., напр.: *Новохатько Л. М.* Національний аспект доктрини «соціалістичної реконструкції»: спроба історико-теоретичного переосмислення. Київ, 1997; *Новохатько Л. М.* Проблеми соціально-економічного і культурного розвитку України в контексті національної політики (20-30-ті рр. ХХ ст.). Київ, 1998; і др.

⁸² См., напр.: *Кручек О. А.* Становлення державної політики УСРР у галузі національної культури (1920–1923 рр.). Київ, 1996; *Бондарчук П. М.* Національно-культурна політика більшовиків в Україні на початку 1920-х років. Київ, 1998; *Єфіменко Г. Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо Радянської України (1932–1938). Київ, 2001; і др.

⁸³ См., напр.: *Цвілюк С. А.* Українізація України: тернистий шлях національно-культурного відродження доби сталінізму. Одеса, 2004. 200 с. Вид. 2-ге, переробл. й доп. Одеса, 2009.

⁸⁴ См., напр.: *Нестеренко В. А.* Українізація на Поділлі у 20-30-х роках ХХ сторіччя: основні напрями, наслідки, недоліки та особливості. Вид. 2-ге, доп. та виправл. Кам'янець-Подільський, 2003.

⁸⁵ См., напр.: *Мельниченко В. Е.* Раковский против Сталина. М., 1991; *Мельниченко В.* Християн Раковский: невідомі сторінки життя і діяльності. Київ, 1992; *Солдатенко В. Ф.* Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. Київ, 2002; *Лозицький В. С.* Бунтівник. Життя і смерть Миколи Хвильового: іст.-біогр.-публіцист. нарис. Київ, 2009; і др.

⁸⁶ «Українізація» 1920-30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003.

⁸⁷ *Рубльов О. С., Черченко Ю. А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-і рр. ХХ ст. Київ, 1994.

⁸⁸ *Литвин М. Р., Луцький О. І., Науменко К. Є.* 1939. Західні землі України. Львів, 1999.

⁸⁹ Там же. С. 144.

ные интересы украинского народа служили только прикрытием их политических расчетов⁹⁰. П. П. Брицкий же утверждает, что, несмотря на злодеяния сталинского режима, сам факт объединения украинских земель заслуживает позитивной оценки⁹¹. Вообще проблеме депортации и репрессий в украинской литературе уделяется значительное внимание⁹². Следует отметить, что украинские ученые уделяют большое внимание событиям на западноукраинских землях в 1939–1941 гг., однако они не рассматривают их в русле украинизационной политики большевистского руководства.

Следует заметить, что в современной историографии недостаточно трудов, в которых комплексно рассматривалась бы политика по «украинскому вопросу» как направление политики в области национальных отношений государств с полиэтничным населением в межвоенный период, не соотносятся украинизационные усилия правительств различных государств. До сих пор отсутствуют комплексные исследования политики в отношении украинцев, учитывающие происходящие изменения на восточноевропейском пространстве в целом. Проблема украинской политики рассматривалась в современной исторической науке лишь применительно к отдельным ее аспектам, в основном – к направлениям политики украинизации в УССР, не учитывая при этом общественную жизнь всей страны во всей ее сложности. Сосредоточенность на отдельных явлениях не позволяет оценить украинскую политику в восточноевропейском регионе во всей ее полноте и многогранности, проследить черты сходства и различия между политикой правительств различных государственных образований, например, украинизационными усилиями лидеров Украинской Народной Республики, Западно-Украинской Народной Республики, Украинской Державы, Карпатской Украины и политикой, проводимой в УССР или в Волынском воеводстве Польши.

Кроме того, малоизученными остаются проблемы внешнеполитического влияния на выработку национальной политики того или иного правительства, формирования общественного мнения в отношении политического курса государства, сочетаемости украинизации и интеграционной стратегии государства. В конечном счете изучение указанных аспектов поможет глубже изучить такую актуальную проблему современной науки, как выбор этнополитической стратегии в многонациональном государстве.

---

⁹⁰ Чоповський М. Ю. Голгофа Західної України (Злочинна діяльність окупаційних режимів проти населення західно-українських земель та його боротьба за волю і незалежність 1920–1953 рр.). Львів, 1996; Чоповський М. Ю. Криваві події на Західній Україні. Національно-визвольна боротьба на західноукраїнських землях в 1920–1953 рр. Львів, 1998.

⁹¹ Брицкий П. П. Україна у Другій світовій війні (1939–1945 рр.). Чернівці, 1995. С. 27.

⁹² См., напр.: Білас І. Г. Репресивно-каральна система в Україні 1917–1953. Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз: У 2 книгах. Київ, 1994; и др.

Источниковая база

Массивы источников по избранной нами проблематике весьма обширны. В первую очередь это относится к области советской украинизации. Много документов было опубликовано еще в период существования СССР – документы партийных и советских органов власти, а также отдельных государственных деятелей того времени. Прежде всего, это стенограммы партийных съездов, декреты советской власти, сочинения В. И. Ленина и И. В. Сталина и т. п., были изданы также сборники документов по отдельным направлениям партийной политики (как, например, культурное строительство⁹³, образование Союза ССР⁹⁴ и др.) и материалы, относящиеся к области внешней политики⁹⁵. Конечно, опубликованные в советский период документы представляют несомненный интерес для исследователя, но следует признать, что они далеко не в должной степени отражали подлинную картину национального и культурного строительства в межвоенный период. С началом перестройки в Советском Союзе ситуация стала меняться, и с конца 1980-х гг. стали появляться публикации ранее неизвестных исследователю документов. Первоначально интересные материалы были опубликованы в «Известиях ЦК КПСС»⁹⁶, а постепенно, с течением времени стали появляться и самостоятельные сборники документов⁹⁷. Интересные сборники документов увидели свет в издательстве РОССПЭН, среди них стоит отметить публикацию неизвестных ранее широкому кругу читателей архивных материалов, посвященных советской национальной политике⁹⁸, Коминтерну⁹⁹, а также украинскому национализму¹⁰⁰. Активная публикаторская работа ведется и на Украине. Много сборников появилось по национальной политике в УССР¹⁰¹, были изданы документы по истории Буковины¹⁰², Карпатского региона¹⁰³, польско-украинским отношениям¹⁰⁴.

⁹³ См., напр.: Культурне будівництво в Українській РСР. Важливі рішення Комуністичної партії і Радянського Уряду 1917–1959 рр.: збірник документів у 2 т. Т. 1: 1917 – червень 1941). Київ, 1959.

⁹⁴ См., напр.: Образование Союза Советских Социалистических Республик: сб. документов. М., 1972.

⁹⁵ Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны. Материалы и документы. М., 1955; Документы внешней политики СССР. Т. 1-21. М., 1959–1977; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1–6. М., 1957–1964.

⁹⁶ Так, для нашей темы интерес представляют: Из истории образования СССР: документы и материалы о работе комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) по подготовке вопроса «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик» к Пленуму ЦК партии (6 октября 1922 г.) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 191–219; «Ильич был тысячу раз прав» (Из переписки членов Политбюро ЦК РКП(б) в июле-августе 1923 г.) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 192–207.

⁹⁷ Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, 9-12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992; *Ленин В. И.* Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999; И. В. Сталин и Л. М. Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001; «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934): в 10 т. Т. 1–9. М., 2001–2013; Как ломали НЭП: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), 1928–1929 гг.: в 5 т. М., 2000; Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 2002; Историю – в школу: создание первых советских учебников. М., 2008; На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). М., 2008; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996.

⁹⁸ Политическое руководство Украины 1938–1989: сборник документов. М, 2006; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос: сб. док. в 2 тт. Т. 1: 1918–1933. М, 2005; Т. 2: 1933–1945. М., 2009.

⁹⁹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: сб. док. М., 2004.

¹⁰⁰ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: сборник документов. В 2 тт. М., 2012.

¹⁰¹ Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. У 2 ч. Київ, 1997; Українська мова у ХХ сторіччі: історія лінгвоциду. Документи і матеріали. Київ, 2005; Українська інтелігенція і влада: Зведення секретного відділу ДПУ УСРР 1927–1929 рр. Київ, 2012; Культурне життя в Україні: західні землі. Документи і матеріали. Т. 1. 1939–1953. Київ, 1995; Історія Національної академії наук України (1934–1937): документи і матеріали. Київ, 2003; Конституційні акти України. 1917–1920. Невідомі конституції України. Київ, 1992; Українська Центральна Рада: Документи і матеріали. У 2 т. Київ, 1997; Західно-Українська Народна Республіка. 1918–1923. Документи і матеріали: у 5 т., 8 кн. Івано-Франківськ, 2001–2013; Директорія, Рада Народних Міністрів Української Народної Республіки. Листопад 1918 – листопад 1920 рр.: Док. і матеріали. У 2 т. Київ, 2006. Однако самое большое количество сборников посвящено голоду 1932–1933 гг. Среди публикаций стоит выделить: Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. Київ, 2007. Стоит заметить, что украин-

В настоящее время существует также большой массив неопубликованных архивных материалов, не привлекавшийся ранее к исследованию. Прежде всего, это материалы руководящих органов ЦК КП(б)У, хранящиеся в Центральном государственном архиве общественных организаций Украины, в Центральном государственном архиве высших органов власти Украины, а также в российских архивах – в Российском государственном архиве социально-политической истории, Государственном архиве Российской Федерации, в Российском государственном военном архиве.

Документы официальных органов власти дополняют статьи политических лидеров, опубликованные в газетах, журналах и отдельными изданиями, материалы периодической печати, а также мемуары и дневники политических и общественных деятелей. Их авторами являются как советские деятели – Л. М. Каганович¹⁰⁵, Е. Б. Бош¹⁰⁶, так и лица, далекие от большевиков: В. И. Вернадский¹⁰⁷, П. П. Скоропадский¹⁰⁸, И. Кедрин¹⁰⁹, В. Шандор¹¹⁰, А. А. Гольденвейзер¹¹¹, А. И. Деникин¹¹², Н. М. Могиланский¹¹³, А. С. Мартынов¹¹⁴, С. А. Ефремов¹¹⁵, Т. М. Кардиналовская¹¹⁶, И. Майстренко¹¹⁷. Привлечение воспоминаний позволяет реконструировать общую картину событий, проследить личностное отношение к украинизации, ее интерпретацию разными по политическим убеждениям лицами.

Использование такого широкого круга источников поможет реконструировать целостную картину политики различных государств отношении украинцев, позволяет выявить механизм принятия решений в области национального строительства, степень конкретного участия центральных и местных органов в этой политике, формы и методы контроля за конкретной работой украинских политических деятелей, роль субъективного фактора в политике. Анализ существующей историографии выявил необходимость раскрытия сущности украинской политики в восточноевропейском регионе, рассмотрения ее на широком общеполитическом фоне, с учетом внутренней и внешней политики государства, особенностей экономического, соци-

---

ские специалисты традиционно много внимания уделяют этой проблеме, однако они отнюдь не являются монополистами в данной области. В издательстве РОССПЭН вышли две подготовленные российскими специалистами многотомные публикации о положении в советской деревне: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 тт. М., 2000–2012; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939: в 5 тт. М., 1999–2006.

¹⁰² Буковина 1918–1940 рр.: зовнішні впливи та внутрішній розвиток: Матеріали і документи. Чернівці, 2005.

¹⁰³ Тернистий шлях до України: збірник архівних документів і матеріалів «Закарпаття в європейській політиці 1918–1919, 1938–1939, 1944–1946 рр. XX ст.». Ужгород, 2007; Карпатська Україна (1938–1939). Збірник архівних документів і матеріалів. Ужгород, 2009; Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в XX столітті. Документи і матеріали. Т. 1. Кн. 1. (1919–1929). Івано-Франківськ, 2012; Т. 1. Кн. 2 (1929–1939). Івано-Франківськ, 2014.

¹⁰⁴ Україна – Польща 1920–1939 рр.: З історії дипломатичних відносин УСРС з Другою Річчю Посполитою: Документи і матеріали. Київ, 2012; Юзевський Г. Замість щоденника // «Роде наш красний...» Волинь у долях краян і людських документах. Т. 2. Луцьк, 1996. С. 195–211.

¹⁰⁵ Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996.

¹⁰⁶ Бош Е. Б. Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. М., 1925.

¹⁰⁷ Вернадский В. И. Дневники. 1917–1921. Киев, 1994; Вернадский В. И. Дневник 1939 года // Дружба народов. 1992. № 11–12. С. 5–44.

¹⁰⁸ Павло Скоропадський. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995.

¹⁰⁹ Кедрин І. Життя – події – люди. Спомини і коментарі. Нью-Йорк, 1976.

¹¹⁰ Шандор В. Спомини. Т. 1: Карпатська Україна 1938–1939. Ужгород, 1995.

¹¹¹ Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 7–63.

¹¹² Деникин А. И. Гетманство и Директория на Украине // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 136–185.

¹¹³ Могиланский Н. М. Трагедия Украины // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 115–135.

¹¹⁴ Мартынов А. С. Мои украинские впечатления и размышления. М.; Пг., 1923.

¹¹⁵ Ефремов С. О. Щоденники. 1923–1929. Київ, 1997.

¹¹⁶ Кардиналовская Т. М. Жизнь тому назад. Воспоминания. СПб., 1996.

¹¹⁷ Майстренко І. Історія мого покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон, 1985.

ального и политического развития Восточной Европы в каждый конкретный отрезок времени. Только таким путем возможно преодолеть устоявшиеся стереотипы в оценке украинизации и избежать подмены исторической действительности стандартным набором идеологических клише.

Глава 1

Распад Российской империи и Австро-Венгрии и украинская политика новых национальных государств

§ 1. Накануне глобальных перемен

В начале XX в. земли современной Украины входили в состав двух империй – Российской (территории на левом и правом берегу Днепра и в Причерноморье в составе Юго-Западного края, Малороссии и Новороссии) и Австро-Венгерской (Закарпатье, Восточная Галиция и Северная Буковина). При этом большинство предков современных украинцев проживало в Российской империи, в связи с чем деятелями украинского национального движения эти земли именовали также Большой Украиной. Для обозначения восточнославянского населения определенной территории Российской империи, преимущественно на левом берегу Днепра, в начале XX в. использовалось понятие «малоросс». В официальной трактовке малороссы, наряду с великороссами и белорусами, представляли собой часть триединой русской нации. Подобная идентификация населения юго-запада европейской части Российской империи хотя и поддерживалась большей частью образованного общества, однако не была единственной. Малороссийству как локальной форме общерусской идентичности противопоставлялась идентичность украинская, сторонники которой отрицали общерусскую концепцию и настаивали на самостоятельности украинского – не малороссийского – народа. Между последователями обеих концепций велась активная полемика, на страницах периодических изданий шли ожесточенные споры о языке, литературе, национальном характере, этническом происхождении малороссов/украинцев¹¹⁸. В первой всеобщей переписи населения 1897 г. содержался пункт о родном языке и вероисповедании, именно эти сведения в современной науке используются для выводов об этническом составе населения Российской империи. Данные о малороссах обычно трактуются как характеризующие состав украинского населения Российской империи, дабы соотнести этнические наименования прошлого и настоящего. Итак, согласно переписи 1897 г., на правом и левом берегах Днепра и степной Украине проживали не только украинцы/малороссы (73 %), но и великороссы (12 %), евреи (8 %), а также немцы, поляки, белорусы (всего около 7 %)¹¹⁹. При этом к крестьянскому сословию относилось 93 % всех украинцев/малороссов, тогда как среди городского населения последние составляли всего 30 %¹²⁰. При этом чем меньше был город, тем выше был процент в нем украинского населения: в городах с числом жителей от 2000 до 15 000 украинцы составляли около 50 % населения, тогда как в крупных (свыше 100 000) – лишь 17 %¹²¹. Русское население проживало в основном в городах (34 %), где вместе с евреями (27 %) оно составляло большинство населения¹²².

Другой особенностью являлось непропорциональное расселение по регионам Украины (в ее современных границах) представителей различных национальностей. Как правило, украинцы жили в губерниях, в наименьшей степени затронутых индустриализацией и урбанизацией, тогда как половина русского населения проживала в промышленно развитых реги-

---

¹¹⁸ См. подробнее: Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 122–283.

¹¹⁹ *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX ст. Київ, 1997. С. 20.

¹²⁰ Там же. С. 25, 40.

¹²¹ Там же. С. 28.

¹²² Там же. С. 27.

онах (Екатеринославский, Таврический, Херсонский, Харьковский, Киевский)¹²³. Основным слоем, сохранявшим национальную самобытность, было крестьянство. Специалист по национально-социальным проблемам развития украинского общества в XX в. Б. Кравченко даже считает, что до революции и в первые годы после нее определение «украинский» было синонимично определению «крестьянский»¹²⁴. Национальная идея находила поддержку преимущественно среди интеллигенции (имеется в виду та ее часть, которая ощущала себя украинской, ведь на Украине интеллигенция была большей частью русской). Численность украинской интеллигенции оставалась небольшой¹²⁵: Б. Кравченко объясняет это тем, что украинская интеллигенция пополнялась в основном за счет выходцев из крестьян, хотя первое ее поколение в основном сформировалось из рядов мелкого дворянства. Преобладание мелкого крестьянства на Украине вкупе с русскоязычной системой образования привело к тому, что «украинская интеллигенция составляла крохотный слой населения»¹²⁶. Сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация в России в период Первой мировой войны, а затем революции и войны Гражданской приводили к обострению социальных и национальных проблем. С течением времени «украинская идея» приобретала все большую популярность и использовалась различными политическими силами для достижения собственных целей – в первую очередь создания украинского национального государственного образования. Так, на выборах в местное самоуправление, проведенных на Украине летом 1917 г., позиция украинских партий была еще не очень стабильной. Только в 5 из 20 произвольно выбранных пунктов украинские партии добились перевеса (Миргород, Конотоп, Елисаветград, Ромны, Лохвица) и еще в пяти (Харьков, Полтава, Чернигов, Черкассы, Проскуров) – завоевали треть голосов. В Киеве же украинские партии завоевали только 20 % мандатов, в Екатеринославе – 10 %, в Одессе – 4 %¹²⁷. В то же время в конце ноября – начале декабря 1917 г., как показали выборы в Учредительное собрание, украинские социал-демократы и эсеры добились явного перевеса и завоевали 75 % голосов¹²⁸.

До 1917 г. доминирующую роль играло либерально-демократическое крыло интеллигенции, ориентированное в первую очередь на национально-культурную автономию для Украины. Хотя основные политические партии на Украине и выдвигали в качестве перспективы требование национально-территориальной автономии, до 1917 г. они не играли ведущей роли. Только после февральских событий известный украинский ученый и политический деятель, возглавивший Центральную Раду, М. С. Грушевский настаивал на необходимости перехода от культурно-просветительских требований к политическим, т. е. к лозунгу национально-территориальной автономии Украины в составе федеративной России¹²⁹. И только под воздействием бурных событий войны и революций, особенно октябрьской 1917 г., политический расклад существенно изменился. Слабость либерального центра компенсировалась усилением леворадикальных тенденций. Как уже говорилось, в 1917 г. усилились позиции украинских национальных партий, зачастую имевших социалистическую окраску¹³⁰. Так, в Центральной Раде, созданной после Февральской революции, были представлены Украинская партия социалистов-революционеров, Украинская социал-демократическая рабочая партия и Украинская

---

¹²³ Там же. С. 19.

¹²⁴ Там же. С. 40.

¹²⁵ Там же. С. 58.

¹²⁶ Там же. С. 57–58.

¹²⁷ *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Чернівці, 1998. С. 58.

¹²⁸ *Резніт О. П.* У робітнях історичної науки. Київ, 1999. С. 71.

¹²⁹ *Історія України. Нове бачення.* У 2-х т. Т. 2. Київ, 1996. С. 6.

¹³⁰ *Булдаков В. П.* Феномен революционного национализма в России // *Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений.* М., 1999. С. 204.

партия социалистов-федералистов¹³¹. В дальнейшем, под воздействием революции и Гражданской войны, эти партии не один раз пережили расколы и преобразования.

Сложившейся ситуацией воспользовались большевики. Общедемократическое требование «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства», сформулированное еще на II съезде РСДРП в 1903 г., было важным тактическим шагом, в немалой степени определившим успехи во внутривластной борьбе. В программе партии провозглашалось равноправие граждан независимо от пола, религии, расы и национальности, оговаривалось право получать образование на этом языке, использовать его в собраниях и даже право его введения наряду с государственным во всех учреждениях.

Принцип права наций на самоопределение большевики дополнили положением о самоопределении вплоть до государственного отделения. В работе «О праве наций на самоопределение» Ленин подчеркнул, что «признание права на отделение уменьшает опасность „распада государства“»¹³². Самоопределение рассматривалось Лениным как вынужденная мера и предпосылка для последующего перехода к централизованному унитарному демократическому государству социалистического типа. На совещании ЦК РСДРП с партийными работниками 23 сентября – 1 октября 1913 г. в Поронине близ Кракова еще раз была подтверждена приверженность большевиков принципу права наций на самоопределение вплоть до государственного отделения, поскольку «этого требуют как основные принципы международной демократии вообще, так и в особенности неслыханное национальное угнетение большинства населения России царской монархией»¹³³. В то же время в резолюции содержался призыв не смешивать вопрос о праве на самоопределение («т. е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического способа решения вопроса об отделении») с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. «Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм»¹³⁴, – говорилось в резолюции. Очевидно, что, декларируя право наций на самоопределение, Ленин всячески подчеркивал, что «отделение вовсе не наш план». Сразу после прихода к власти большевики подчеркнули неизменность принципов своей национальной политики. На II Всероссийском съезде Советов 25–27 октября 1917 г. было объявлено, что советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение»¹³⁵. 12 (25) января 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов была принята «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой были зафиксированы принципы свободного развития и равноправия народов: равенство и суверенность народов России, право народов на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. Во 2-м пункте провозглашалось: «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик»¹³⁶.

Несколько иная ситуация складывалась на землях с восточнославянским населением, оказавшихся после разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. в составе Австрийской монархии. Та часть населения, которая в последующем будет именоваться украинской, проживала в

¹³¹ Реєнт О. П. У робітнях історичної науки. С. 34–36.

¹³² Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 25. М., 1969. С. 285.

¹³³ «Августовское» («летнее») 1913 г. совещание ЦК РСДРП с партийными работниками. Резолюция совещания по национальному вопросу // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7. Ч. 1. 1898–1924. М., 1954. С. 316.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Второй всероссийский съезд советов рабочих солдатских депутатов 25–26 октября (7–8 ноября) 1917 г. Ленин В. И. Рабочим солдатам и крестьянам // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 35. М., 1974. С. 11.

¹³⁶ Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 35. С. 221.

трех провинциях в австрийской части монархии – Королевстве Галиции и Лодомерии (Галиция), Буковине – и в Угорской Руси, входившей в состав венгерской части монархии.

Для обозначения местного населения употреблялись различные наименования. В период габсбургского правления на официальном уровне употреблялись понятия «русины» (Russen) или «рутены» (Ruthenen)¹³⁷. В качестве самоназвания употреблялись наименования «русины», «народ русский», «руснаки». Были распространены и наименования по конфессиональному признаку (например, «греко-католики»). Деятели украинского движения настаивали на употреблении наименования «украинско-русский народ», а затем – «украинский народ». Как считают специалисты, «многообразие и противоречивость этнонимов говорит о том, что процесс формирования национального самосознания восточнославянского населения в регионе во второй половине XIX – начале XX вв. был далек от своего завершения»¹³⁸.

В границах Австро-Венгерской монархии удельный вес русинов/украинцев¹³⁹ накануне Первой мировой войны составил 8,5 % (в Венгерском Королевстве – 2,4 %) ¹⁴⁰. Для сравнения: удельный вес малороссийского населения в Российской империи составил к 1917 г. 18,1 % ¹⁴¹. Русины преобладали во всех округах Восточной Галиции, лишь во Львовском они составили к 1910 г. 37,1 % (собственно во Львове в 1910 г. – 19,1 %). На Буковине доля русинов в начале XX в. составила 38,1 % населения, в Закарпатье на землях проживания русинов их доля составила в 1910 г. 15,7 %¹⁴².

При этом следует учитывать, что состав населения этих регионов был разнородным. Здесь проживало не только восточнославянское население, но и поляки, евреи и др. Так, в конце XIX в. в пятидесяти городах и местечках Восточной Галиции поляки составляли 64 %, русины – 23,4 %. В крупных городах с населением свыше 20 тыс. человек поляки составляли 72,5 % населения, русины – 13,6 %. В сельской же местности поляки составляли только 26 %. Значительным было и еврейское население. В Восточной Галиции евреи составляли 12,8 % населения (в Западной Галиции – 7,7 %). В 1900 г. евреи составляли свыше 30 % населения городов Галиции, в Восточной Галиции они составляли почти 40 % промышленных рабочих, 74 % торговцев, 27 % служащих, 49,3 % интеллигенции¹⁴³.

В начале XX в. в Буковине русинское население составляло большинство в северных провинциях. Другую большую по численности группу коренного населения Буковины составляли румыны (34,4 %). Евреи были третьей по численности этнической группой, на рубеже веков они составляли почти 13 % общего числа жителей, а в Черновцах – до 20 %¹⁴⁴. При этом восточнославянское население Галиции и Венгрии было преимущественно греко-католиками, Буковины – православными.

В Закарпатье на землях проживания русинов доля их в 1910 г. составила 15,7 % населения¹⁴⁵. При этом украинское население по роду занятий распределялось по комитатам следующим образом: в Уже (Унге) земледельцы достигали 88,7 % украинского населения, ремеслен-

¹³⁷ В венгерском варианте – «orosz».

¹³⁸ Клопова М. Э. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М., 2016. С. 26.

¹³⁹ В историографии восточнославянское население Австро-Венгрии обозначается разными терминами – «русинское», «украинское», «русское»; иногда наименование «украинский» применяется только по отношению к политическим и общественным организациям. Существуют различия и в названии организаций, где встречается слово с корнем «рус»: они именуются или «русскими», или, в соответствии с современными языковыми нормами, «русскими». Учитывая разночтения, удобнее обозначать это население в соответствии с принятым в то время официальным наименованием – русины.

¹⁴⁰ Кабузан В. М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. М., 2006. С. 291.

¹⁴¹ Там же. С. 285.

¹⁴² Там же. С. 292–293.

¹⁴³ Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси. Київ, 2012. С. 41–42.

¹⁴⁴ Особливості буковинського пограниччя: історія культурного полілогу. Донецьк, 2010. С. 19.

¹⁴⁵ Кабузан В. М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. С. 293.

ники – 4,5 %, купцы – 0,2 %; в Береге – соответственно 88,8 %, 3,9 %, 0,3 %; в Марамороше – 89,2 %, 4,7 %, 0,9 %¹⁴⁶. Таким образом, в целом необходимо подчеркнуть, что восточнославянское население на территории Австро-Венгрии проживало в наименее промышленно развитых районах, основным занятием населения оставалось сельское хозяйство. Исследуя этнические процессы среди украинского населения, известный отечественный специалист В. М. Кабузан выделил территории абсолютного преобладания украинцев («которые могут считаться украинской этнической территорией») – Правобережная Украина, восточная часть Галиции, территория Гетманщины, без северной части Черниговщины¹⁴⁷.

По словам известного канадского ученого П. Р. Магочи, габсбургские правители не отождествляли себя ни с одной национальностью империи, и украинцы могли существовать среди принятой структуры иерархии различных лояльностей, не отказываясь от собственной национальной идентичности: галичанин или буковинец мог быть одновременно украинским национальным патриотом и лояльным подданным Австрийской империи. Поэтому абсолютное большинство украинских лидеров оставалось верными идее Габсбургской империи вплоть до последних месяцев Первой мировой войны¹⁴⁸.

Среди восточнославянского населения этих регионов национальные идеи развивались по двум направлениям: речь шла или об отстаивании своей общности с русским народом (русофилы), или о констатировании своей принадлежности к самостоятельному украинскому народу (украинофилы). Русофилы говорили о едином русском мире, общем русском культурно-историческом пространстве, частью которого являются русские земли Австро-Венгрии. Деятели украинского движения вели речь об украинских землях Австро-Венгрии как части соборной Украины.

В Австро-Венгрии украинское движение получило большее распространение, нежели в Российской империи, власти которой стремились не допустить его развития. Граница же препятствовала объединению украинского движения в Российской и Австрийской империях. Кроме того, большое развитие получили марксистские и социалистические идеи, поэтому часть молодежи, которая в иных условиях могла быть потенциальной силой украинского движения, была вовлечена в российские революционные организации. Большую роль играло и восприятие малороссов как части русского народа, а культурная специфика Малороссии была вполне приемлема в глазах сторонников концепции «большой русской нации», пока, как пишет А. И. Миллер, не входила с этой концепцией в противоречие¹⁴⁹.

В Австро-Венгрии украинское движение особенно активно развивалось в Восточной Галиции, причем к началу Первой мировой войны и в ходе ее оно стало занимать лидирующие позиции в общественно-политической жизни. Здесь действовали украинские политические партии, деятели украинского движения имели опыт парламентской борьбы (в 1913 г. был создан единый Украинский клуб в галицийском Сейме). Кроме того, большое внимание уделялось науке и образованию: здесь работало Научное общество им. Шевченко, во Львовском университете была открыта кафедра украинской истории (1892) и шла борьба за создание украинского университета. Для работы с широкими слоями населения Восточной Галиции были организованы просветительные общества («Просвита» и др.), молодежные («Сокол» и «Сечь»), экономические организации (страховое общество «Днестр», «Краевой кредитный союз» и др.). С началом Первой мировой войны украинское движение получило новый импульс. 1 августа 1914 г. украинские партии Восточной Галиции (национально-демократическая, радикальная и социал-демократическая) основали во Львове межпартийную органи-

¹⁴⁶ Там же. С. 376.

¹⁴⁷ Там же. С. 348.

¹⁴⁸ *Магочій П. Р.* Україна. Історія її земель та народів. Ужгород, 2012. С. 450.

¹⁴⁹ *Миллер А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 31–41.

зацию – Главный украинский совет (Головну українську раду), который должен был направлять общеукраинские политические акции во время войны. 4 августа Совет одобрил решение о начале формирования легиона украинских сечевых стрельцов¹⁵⁰.

В других регионах Австро-Венгрии украинское национальное движение достигло значительно меньшего размаха, нежели в Восточной Галиции. Однако и там получило развитие национальное движение восточнославянского населения. Так, на Буковине было создано культурное товарищество «Русская беседа» («Руська Бесіда»), активно работали также «Русская школа» («Руська школа») и «Русский народный дом» («Руський народний дім»), политическое товарищество «Русская Рада» («Руська Рада»); были созданы молодежные студенческие организации (например, «Союз», «Молодая Украина» и др.), спортивные организации («Украинский Сокол в Черновцах» и др.), в университете в Черновцах существовали украинские кафедры, а в начале XX в. на Буковине зародились и первые украинские политические партии.

Несомненные успехи украинского движения конца XIX – начала XX вв. не отменяют тот факт, что русофильские идеи также находили своих сторонников. Русофильство имело устойчивые позиции среди русинской интеллигенции и Галиции, и Буковины, и особенно Угорской Руси, в среде которой были популярны идеи о принадлежности русинов к единому русскому племени. В то же время интенсивная мадьяризация, усилившаяся после трансформации в 1867 г. Австрийской империи в Австро-Венгрию, а также усилия венгерских властей по ослаблению русофильских воззрений, приведшие к появлению на рубеже XIX–XX вв. сторонников разработки литературного языка на основе местных диалектов, привели к значительному ослаблению национальных движений среди русинского населения. Такое положение в основном сохранялось вплоть до окончания Первой мировой войны.

Украинское движение к началу Первой мировой войны было представлено политическими силами, по-разному видевшими будущность Украины. В период Первой мировой войны и революции украинское движение радикализировалось, постепенно перейдя от автономистских и федерализационных планов к попыткам установления независимого украинского государства. Следует признать, что одним из лозунгов украинского движения была соборность Украины, т. е. создание государственного организма, который включал бы все этнографические земли как в России, так и в Австро-Венгрии. В то же время украинский вопрос привлекал внимание различных политических сил, не только российских, но и польских, чешских, румынских лидеров, чьи планы построения национальных государств обычно не совпадали с планами украинцев.

В период образования Польского государства выделялись две крупные политические силы, различающиеся разным подходом к проблеме польско-украинских отношений.

Лидером национальных демократов был Роман Дмовский (1864–1939). Он не ограничивался восстановлением польской государственности в ее этнографических границах. «Восточные кресы» он рассматривал как неотъемлемую часть польского государства, поскольку они были «историческим полем нашей национальной экспансии, где польская культура на протяжении нескольких веков достигла больших результатов...»¹⁵¹. Указывая на цивилизационную роль поляков, Дмовский считал, что будущее польское государство «имеет право выйти за пределы польских этнографических пределов в такой мере, чтобы отвечать ценностям исторической Польши и реализовать цивилизационный потенциал большого народа»¹⁵². В своей концепции национальной политики Дмовский исходил из того, что народы «кресов» являются

---

¹⁵⁰ Рубльов О. С. Західноукраїнська інтелігенція у загальнонаціональних політичних та культурних процесах (1914–1939). Київ, 2004. С. 31.

¹⁵¹ Dmowski R. Myśli nowoczesnego Polaka. Lwów, 1907. S. 144–145.

¹⁵² Dmowski R. Pisma. T. V. Polityka polska i odbudowanie państwa. Cz. I. Przed wojną. Wojna do r. 1917. Częstochowa, 1937. S. 24–25.

«этнографическим материалом», не способным к самостоятельному политическому существованию, и потому подлежат ассимиляции¹⁵³.

Р. Дмовский не поддерживал идею федеративной Польши. По его мнению, разделение Польши на автономные части нецелесообразно, поскольку федерация, по его мнению – слабость, а не сила¹⁵⁴, а создание сильного государства предполагает его унитарный моноэтнический характер. При этом он отдавал себе отчет в том, что идея возрождения Польши в границах в 1772 г. была практически невыполнимой и географическим нонсенсом¹⁵⁵. План эндеков был инкорпорационным: сторонники Дмовского призывали инкорпорировать такие украинские земли, как Восточная Галиция, Волынь и Подолье, а в последующем – полонизировать их, превратив Польшу в мононациональное государство. Другие украинские земли, по мнению эндеков, должны были отойти к России, в которой они видели противовес немецкому гегемонизму. Эндеки были сторонниками национальной ассимиляции: их идеология была основана на признании жизнеспособности только этнически «чистых» государств. В политической сфере они выступали за создание польского большинства в сейме и чисто польские правительства.

В противоположность идеям Дмовского, сторонники Юзефа Пилсудского (1867–1935) предполагали создать в Восточной Европе большую и сильную Польшу, возродив ее на федеративных началах. План Пилсудского часто именуется федералистским. Как и Дмовский, Пилсудский также рассчитывал включить в состав польского государства часть бывших территорий I Речи Посполитой. Так, Восточную Галицию сторонники Пилсудского считали исконной польской землей и выступали за ее интеграцию в будущее польское государство.

В теоретическом плане, основываясь на идеях своего соратника Леона Василевского (1870–1936), Пилсудский до момента реальной борьбы за границы возрожденной Польши провозглашал возможность создания некоего литовско-белорусского государства, связанного с Польшей федеративными отношениями. На украинских землях, ранее входивших в состав Российской империи, он также теоретически предлагал помочь создать союзное Польше и независимое от России украинское национальное государство. Федеративный проект был направлен против России, которую Пилсудский считал смертельным врагом Польши. Польское государство, по Пилсудскому, является препятствием для великодержавных планов России. Если же дать России овладеть украинскими землями, то следующим ее шагом будет нападение на Польшу. Следовательно, необходимо было парализовать силы России и отгородить от нее Украину. Вопрос восточных рубежей Польши был важнейшим пунктом политической стратегии Пилсудского, который логично предполагал, что если западные рубежи Речи Посполитой определят путем арбитража державы Антанты, то на восточном направлении все решит метод свершившихся фактов для самого сильного игрока¹⁵⁶. Несмотря на то что история приписывает ему авторство федеративной концепции, Пилсудский никогда ее четко не формулировал, подходя к ней, по существу, очень инструментально. В письме к Леону Василевскому он писал: «Знаешь, мои взгляды в этом отношении заключаются в том, что я не хочу быть ни империалистом, ни федералистом, пока у меня нет возможности говорить об этих делах с какой-то серьезностью – ну и с револьвером в кармане. В связи с тем, что в божьем мире начинают, по-видимому, побеждать болтовня о братстве людей и народов и американские доктринки, я склоняюсь на сторону федералистов»¹⁵⁷.

¹⁵³ *Dmowski R.* Myśli nowoczesnego Polaka. S. 95.

¹⁵⁴ *Engelgard J.* Koncepcje inkorporacyjne Romana Dmowskiego i ruchu narodowo-demokratycznego w latach 1918–1921 // *Archiwum Narodowej Demokracji*. Т. 1. Warszawa, 2013. S. 55–56.

¹⁵⁵ *Dmowski R.* Pisma. Т. III. Dziesięć lat walki. Częstochowa, 1939. S. 5.

¹⁵⁶ См: *Baranowski W.* Rozmowy z Piłsudskim // *Niepodległość*. Т. XVIII. Z. 1. S. 50–51; *Koseski A.* Polityka wschodnia Józefa Piłsudskiego // *Myśl polityczna Józefa Piłsudskiego*. Warszawa, 2007. S. 145.

¹⁵⁷ *Piłsudski J.* List do Leona Wasilewskiego w sprawach polityki wschodniej / 8 kwietnia 1919, Warszawa // *Józef Piłsudski o*

Таким образом, планы наиболее влиятельных польских политиков не предполагали ограничить территорию будущей Польши польскими этническими землями, а предусматривали включить в нее и часть бывших областей I Речи Посполитой. Создание крупного единого (соборного) украинского государства противоречило интересам польской политической элиты, так как в этом случае оно бы включало земли со смешанным населением, такие как Восточная Галиция, где наряду с украинцами проживали поляки. На «кресах» в крупных городах украинское население было в явном меньшинстве, а в сельской местности крупными землевладельцами были в основном поляки.

Чешские лидеры в период образования национального государства воспринимали украинскую проблему, как правило, через призму внешнеполитической стратегии или научного интереса к славянской проблематике. Так, Т. Г. Масарик признавал отличие между малороссами и великороссами, национальное и этнографическое единство малороссов и русинов. Он воспринимал украинский вопрос не только как языковой, но как политический и культурный¹⁵⁸, связывая его решение с демократическими преобразованиями России. Масарик подчеркивал, что в вопросе о том, «являются ли украинцы отдельной нацией или только русским племенем, является ли малорусский (украинский) язык отдельным языком или диалектом русского», эксперты не дают однозначного ответа. Он утверждал, что «украинцы даже в том случае, если бы их язык был только диалектом, могут быть отделены от русских по экономическим, социальным и политическим причинам. Политическая независимость не регулируется только языком»¹⁵⁹. В провозглашении Украинской Радой IV Универсала о независимости УНР он видел проявление антироссийской политики немцев и австрийцев.

К независимой Украине первый президент ЧСР относился негативно, поскольку это могло ослабить Россию – главный барьер немецкой экспансии на Востоке Европы. «Мы признали Украину, когда она III Универсалом провозгласила себя государством, но в рамках федеративной России. Это мы могли принять, исходя из чешской и славянской ситуации... Мы признали Украину как часть России и думали, что Украина еще будет воевать. Но в IV Универсале сказано, что войны не будет, что будет мир, и, в частности, с Австро-Венгрией... Лично я не могу признать самостоятельную Украину вне рамок России как правовое и политическое образование. Это решительно противоречит моему мнению. Разбивать Россию, на мой взгляд, – это просто работать на Пруссию»¹⁶⁰, – считал Масарик.

К Восточной Галиции у чехословацкого руководства после образования независимого государства было особое отношение. Чехословакия не признавала притязаний Польши на Восточную Галицию и даже рассматривала проект образования западноукраинского государства; впрочем, он так и не осуществился¹⁶¹.

У чешских политиков первоначально не было однозначного мнения о включении в состав будущего государства территории карпатских русинов. Так, в 1914 г. Т. Г. Масарик писал: «Включение в пределы Чешского королевства некоторых русских меньшинств в этой (близ Ужгорода) области было бы желательно, так как дало бы повод к провозглашению русского, конечно, литературного, языка официальным наравне с чешским, немецким и польским языками»¹⁶². В то же время, в 1915 г. об этом не шла речь ни в Конституции Славянской империи

państwo i armii. W 2 t. T. 1: Wybór pism. Warszawa, 1985. S. 87.

¹⁵⁸ См.: *Віднянський С. В.* Т. Масарик про Україну і українців // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки. Вип. 4. Київ, 1993. С. 132–147.

¹⁵⁹ *Masaryk T. G.* Nová Evropa: stanovisko slovanské. Praha, 1920. S. 139–140.

¹⁶⁰ *Masaryk T. G.* Slovanské problémy. Praha, 1928. S. 91–92.

¹⁶¹ *Бетлій О.* Украина 1919–1923: пражский проект // Европа: журнал Польского института международных дел. Т. 6. 2006. № 2. С. 120.

¹⁶² Цит. по: *Сератионова Е. П.* Чехословацкая печать о вхождении Подкарпатской Руси в состав ЧСР // Историк-славист: призвание и профессия. К юбилею В. В. Марьиной. М., 2013. С. 31.

К. Крамаржа, ни в меморандумах Масарика. Представленная в марте 1915 г. в Женеве карта будущего чехословацкого государства включала только небольшую часть будущей Подкарпатской Руси¹⁶³. Впрочем, планы изменились в 1918 г. на фоне дестабилизации положения в России и интенсивной деятельности дипломатов по разработке планов послевоенного устройства Европы.

Интерес к украинской проблеме проявили румынские политические деятели, радикально настроенная часть которых выдвинула идею «Большой Румынии», предусматривавшую присоединение значительного количества смежных земель за счет внешнеполитических маневров. Эта концепция основывалась на государственном централизме, контроле над общественностью, борьбе с любыми проявлениями сепаратизма. Вопросы «восточной политики» Румынии разрабатывались И. Нистором. В его трудах обосновывалось «историческое право» Румынии на Покутье, Бессарабию и всю Буковину, сформулированные претензии на Транснистрию¹⁶⁴.

---

¹⁶³ *Магочій П. Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород, 1994. С. 62–63; *Шевченко К. В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М., 2010. С. 109.

¹⁶⁴ *Nistor I.* Die moldauische Ansprüche auf Pokutien: Mit einer Kartenskizze. Wien, 1910; *Nistor I.* Români și Rutenii În Bucovina: Studiu istoric și Statistic. București, 1915; *Nistor I.* Der nationale Kampf in der Bukowina: Mit besonderer Berücksichtigung der Rumänen und Ruthenen historisch beleuchtet. Bukarest, 1918.

§ 2. Мечты и реальность: создание украинских государств на территории бывшей Российской империи

На украинских землях бывшей Российской империи в 1917–1920 гг. власть менялась неоднократно. 7 (20) ноября 1917 г. Центральная Рада провозгласила образование Украинской Народной Республики в федеративном союзе с Россией. Однако отношения между Центральной Радой и большевиками были далеки от идеала. В записке по прямому проводу Н. В. Крыленко 24 ноября (7 декабря) 1917 г. Ленин и Л. Д. Троцкий подчеркивали: «Мы считаем, что... Рада явно и решительно встала на сторону кадетско-корниловской и калединской контрреволюции. Мы за советскую власть в независимой республике Украинской, но не за контрреволюционную калединскую Раду»¹⁶⁵. Совет народных комиссаров в своем манифесте от 3 (16) декабря 1917 г., с одной стороны, признавал УНР и ее право отделиться от России или вступить в договор с Российской Республикой, но с другой – обвинял Центральную Раду в двусмысленной буржуазной политике в отношении Советов и советской власти (отказ созвать краевой съезд украинских Советов, дезорганизация фронта, разоружение советских войск на Украине и т. п.) «Мы обвиняем Раду в том, – говорится в документе, – что, прикрываясь национальными фразами, она ведет двусмысленную буржуазную политику, которая давно уже выражается в непризнании Радой Советов и Советской власти на Украине...»¹⁶⁶. Очевидно, что признание права украинского народа на национальную независимость увязывалось с советским характером государственного образования. Совнарком не желал признавать Центральную Раду, поскольку та не была избрана Всеукраинским съездом Советов. 11–12 декабря в Харькове был созван Первый Всеукраинский съезд Советов, в резолюции которого значилось: «...I Всеукраинский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, признавая Украинскую Республику как федеративную часть Российской Республики, объявляет решительную борьбу пагубной для рабоче-крестьянских масс политике Центральной Рады, раскрывая ее буржуазный, контрреволюционный характер. Съезд будет бороться за самоопределение Украины в интересах рабочих и крестьян, за их господство, за устранение всяких национальных ограничений, всякой национальной вражды и ненависти, за Украинскую рабоче-крестьянскую республику, основанную на тесной солидарности трудящихся масс Украины, независимо от их национальной принадлежности, с трудящимися массами всей России»¹⁶⁷.

На съезде украинские большевики объявили о переходе власти в их руки. Поскольку Центральная Рада не была согласна с таким решением, противостояние вскоре приняло вооруженные формы. Подчиненные большевикам войска начали наступление и к середине января (ст. ст.) 1918 г. захватили власть почти на всей Правобережной Украине.

Однако удержать власть на Украине большевикам оказалось очень трудно. Центральная Рада провозгласила 11 (24) января 1918 г. независимость УНР¹⁶⁸. Переговоры о мире со странами Четверного союза, начавшиеся в декабре 1917 г., придавали борьбе за власть на Украине

---

¹⁶⁵ Ленин В. И. Записка по прямому проводу Н. В. Крыленко 24 ноября (7 декабря) 1917 г. // Ленин В. И. Известные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 222.

¹⁶⁶ Ленин В. И. Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 35. М., 1974. С. 144.

¹⁶⁷ Резолюция I Всеукраинского съезда советов «О самоопределении Украины» // Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик: 1917–1936. Сб. документов. Т. II. М., 1960. С. 16–17.

¹⁶⁸ Одновременно накануне принятия IV Универсала 9 января УНР приняла закон о национальной персональной автономии, по которому национальные меньшинства (великороссы, поляки, евреи) имели право на «самостоятельное устройство своей национальной жизни, которое осуществляется через органы Национального союза, власть которого распространяется на всех его членов, независимо от места их проживания в границах Украинской Народной Республики». – Закон Центральной Рады про національно-персональну автономію 9 січня 1918 р. // Українська Центральна Рада: документи і матеріали: У 2 т. Т. 2. Київ, 1997. С. 99–100.

особую остроту: большевики, стремясь не допустить подписания договора с правительством УНР, пытались овладеть Киевом. Советские войска под командованием левого эсера М. А. Муравьева 26 января (8 февраля) 1918 г. вступили в Киев, официально сообщив о ликвидации последних очагов сопротивления и овладении всеми правительственными зданиями в 10 часов вечера. Большевики рассчитывали на то, что если немцы и заключат «фиктивный договор с мертвецами», то «шила в мешке не утаишь». Однако договор Четверного союза с Украинской Народной Республикой все же был заключен буквально в ночь на 27 января (9 февраля)¹⁶⁹. Германские войска восстановили власть Центральной Рады на Украине.

Советская Россия была вынуждена подписать 3 марта в Брест-Литовске мирный договор с союзниками (Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией). В соответствии с условиями Брестского мира большевики признали независимость УНР, хотя и считали это мерой вынужденной, а существование независимой Украины – лишь результатом внешнеполитических обстоятельств, лишенным каких-либо внутренних обоснований. Украина была занята германскими и австро-венгерскими войсками. В конце апреля 1918 г. к власти на Украине пришел бывший генерал-лейтенант русской армии П. П. Скоропадский, провозглашенный гетманом Украинской Державы¹⁷⁰.

В такой непростой социально-политической ситуации политика по внедрению украинского языка в общественную и культурную жизнь, поддержка украинской культуры в Украинской Народной Республике и Украинской Державе, проводившаяся различными ее правительствами и являвшаяся знаком обретения независимости, приковывала к себе пристальное внимание со стороны различных общественных и политических сил. Такая политика именовалась «украинизацией», восприняв, таким образом, термин, впервые введенный в оборот М. С. Грушевским¹⁷¹.

Особое значение правительства УНР и Украинской Державы придавали статусу украинского языка, который должен был стать языком законодательства, администрации, армии. Основные усилия «незалежных» властей были направлены на введение украинского языка в систему образования (на всех уровнях – от начального до высшего), в издательский процесс (издание газет, журналов, книг, особенно учебной литературы и т. п.), развитие украинского театрального и музыкального искусства, музейного дела и т. п.

Так, уже вскоре после Февральской революции, 18 марта 1917 г., была открыта первая украинская гимназия им. Т. Г. Шевченко в Киеве, которая финансировалась за счет средств украинских деятелей и обществ. Если участники всеукраинских учительских съездов, которые прошли в апреле и августе 1917 г., принимали решения об украинизации школьного образования, то учительские съезды губернского и уездного уровня были далеко не так категоричны, и сторонники украинизации часто оказывались в меньшинстве¹⁷². Министерство народного

¹⁶⁹ *Михутина И. В.* Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством украинской Центральной рады. М., 2007. С. 229–230.

¹⁷⁰ По принятому Центральной Радой закону, «гражданином Украинской Народной Республики считать каждого, кто родился на территории Украины и связан с ней постоянным проживанием и на этой основе выберет себе подтверждение своей принадлежности к гражданам Украинской Народной Республики». – Протоколы засідань Малої Ради 1–2 березня 1918 р. м. Житомир // Українська Центральна Рада: документи і матеріали: У 2 т. Т. 2. С. 173. Гражданином Украинской Державы считались все российские подданные, которые пребывали на Украине во время издания закона в июле 1918 г. Политическая платформа новой власти в сфере национальных отношений, как считают украинские специалисты, основывалась на подходе «без различия национальностей». Закон о национальной персональной автономии был отменен, а соответствующие органы ликвидированы (этот процесс затянулся вплоть до октября 1918 г.). См.: *Липиц Р.* Національна політика Української гетьманської держави (квітень – грудень 1918 р.) // Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 129–130.

¹⁷¹ См. *Верменич Я. В., Бачинський Д. В.* «Українізація»: походження і зміст поняття // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Збірник статей. Вип. 3. Київ, 1999. С. 140–155; «Українізація» 1920-30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 15–19; *Борисенко Е. Ю.* Смысловые и оценочные особенности употребления термина «украинизация» // Между Варшавой, Киевом и Минском. Сборник к 50-летию М. В. Дмитриева. М., 2008. С. 217–224.

¹⁷² *Боровик А. М.* Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.). Чернівці, 2008. С. 35–41.

просвещения УНР в марте 1918 г. пришло к выводу, что «широкие намерения в отношении украинизации не оправдались»¹⁷³.

Большое внимание языковому вопросу уделялось и в правление гетмана. 7 мая 1918 г. Совет министров, рассматривая вопрос о языке судопроизводства, постановил признать, что украинский язык является государственным языком, и все учреждения должны перейти на этот язык. Министерство военных дел постановило все официальное общение перевести на государственный (т. е. украинский) язык, а в учреждениях и частях должны были быть организованы курсы украиноведения. Министерство внутренних дел обязало сотрудников почты, телеграфа и телефонных станций во время исполнения своих служебных обязанностей пользоваться лишь государственным языком. Министерство путей сообщения также объявило о необходимости помнить, что в Украинской Державе государственным языком является украинский. Однако проведение в жизнь украинизации наталкивалось на проблему недостаточного знания украинского языка специалистами, причем государственные учреждения постоянно пополнялись выходцами из великороссийских губерний, отнюдь не стремившимися изучать украинский язык¹⁷⁴.

Проблема кадров стояла очень остро. Скоропадский вспоминал, что спустя несколько дней после переворота к нему явились представители украинских партий и заявили о своей готовности поддерживать гетмана, если он согласится на роль президента республики. Скоропадский же считал это гибельным, поскольку спасти страну можно только диктаторской властью¹⁷⁵. В результате после переворота партии социалистической и национальной ориентации стали в оппозицию к режиму гетмана, и Скоропадский столкнулся с острой кадровой проблемой: «Украинцы все говорят о том, что я пользовался русскими силами для создания Украины, – писал гетман. – Да потому, что одними украинскими силами нельзя было создать ничего серьезного. Культурный действительно класс украинцев очень малочислен. Это и является бедой украинского народа»¹⁷⁶.

Личные убеждения Скоропадского и его окружения, с одной стороны, и «кадровый голод», с другой, обусловили особенности проведения украинизации в период гетманата. Вице-премьер и министр просвещения Н. П. Василенко, известный ученый, член ЦК партии кадетов, подчеркивал, что «ни о какой насильственной украинизации не может быть и речи»: «Я по своим убеждениям абсолютно далек от насильственных методов в сфере культуры»¹⁷⁷. Позднее Скоропадский в своих воспоминаниях писал: государственным языком на Украине должен быть украинский, но он ничего не имел против того, «чтобы со временем оба языка, т. е. русский и украинский, были равноправны». Боязнь некоторых украинцев, что русский язык «затрет» украинский, утверждал гетман, «показывает отсутствие веры в Украину». Однако, пока «положение с языками так остро», «украинский язык будет один»¹⁷⁸.

Тем не менее большое внимание уделялось украинизации в образовательной и культурной сферах. Гетманское Министерство просвещения 22 июля 1918 г. обратило внимание местных органов власти на обязательное введение обучения в начальной школе для украинского населения на украинском языке, а 29 августа было введено изучение украинского языка в школах, где обучение проводилось не на украинском языке, т. е. для школ национальных меньшинств. Наконец, 1 августа Совет министров Украинской Державы гетмана Скоропадского

---

¹⁷³ Там же. С. 47. О дискуссии относительно количества украинских школ в период Центральной Рады см.: Там же. С. 48–53.

¹⁷⁴ *Пиріг Р. Я.* Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси. Київ, 2011. С. 120–123; *Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси.* Київ, 2012. С. 131–132.

¹⁷⁵ *Павло Скоропадський.* Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995. С. 173–174.

¹⁷⁶ Там же. С. 233.

¹⁷⁷ *Пиріг Р. Я.* Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси. С. 90.

¹⁷⁸ *Павло Скоропадський.* Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. С. 258.

установил обязательное изучение украинского языка и литературы, истории и географии Украины во всех средних общеобразовательных и профессиональных школах, духовных и учительских семинариях и институтах. 3 августа гетман утвердил этот закон¹⁷⁹.

В сентябре 1918 г. Совет министров принял закон об объявлении прежних русских высших школ на территории гетманата украинскими государственными вузами. Это университеты Св. Владимира в Киеве, Харьковский, Новороссийский (Одесса), а также технические вузы – Екатеринославский горный, Харьковский технологический и ветеринарный, Киевский политехнический институты. Никаких указаний и предостережений относительно языка преподавания документ не содержал. Впоследствии был принят закон об объявлении Нежинского историко-филологического института князя Безбородко украинским государственным высшим учебным заведением. При Харьковском, Новороссийском университетах и Нежинском институте открывались кафедры украиноведческого направления.

Несмотря на непростые условия, украинским правительствам удалось добиться определенных успехов (особенно Центральной Раде и гетманскому правительству). Создавались украинские школы (только в 1917 г. было открыто 215 так называемых высшеначальных школ, а к концу 1918 г. число украинских гимназий достигло 150). Число периодических изданий на украинском языке достигло в 1917 г. 106 названий и 212 в 1918 г. Что касается книг, то в 1917 г. вышло 747 наименований, в 1918 г. – 1084, 1919 г. – 665¹⁸⁰. В 1918 г. была создана Украинская академия наук. При русских высших учебных заведениях открывались кафедры украиноведения, кроме того, был открыт университет в Каменце-Подольском, историко-филологический факультет в Полтаве, Народный университет в Киеве был преобразован в Украинский государственный университет, была открыта Национальная библиотека, работали несколько национальных театров.

Сущность украинизаторской деятельности Центральной Рады выразил один из ее лидеров известный писатель В. К. Винниченко: «Мы, украинцы, хотели жить и проявлять себя во всех сферах и областях жизни. Мы полагали, что все общественные, политические и социальные учреждения должны быть для народа, а не народ для них. На Украине – народ украинский, поэтому для него, как украинского народа, должны быть все учреждения: правительство, администрация, школа, суд. А также и армия»¹⁸¹.

Украинизация, по мысли ее инициаторов, должна была охватить все стороны жизни общества. Однако условия Гражданской войны не позволили провести все задуманное в полной мере. К тому же большинство украинского населения было озабочено другими, в первую очередь социально-экономическими, проблемами. По сравнению с продовольственной и аграрной проблемами появление украинских школ, книг на украинском языке и кафедр украиноведения казалось второстепенным явлением. На мероприятия по украинизации из-за их ярко выраженного политизированного характера обращали внимание, прежде всего, представители интеллигенции. Настроения русского общества¹⁸² весьма образно зафиксированы в «Белой гвардии» М. А. Булгакова. Естественно, много внимания уделялось новому статусу украинского языка: «... Кто терроризировал русское население этим гнусным языком, которого и на свете не существует? Гетман»¹⁸³, – говорит Алексей Васильевич Турбин. И далее: «Свояч он (гетман. – Е. Б.), ведь он же сам не говорит на этом проклятом языке!»¹⁸⁴. Турбину возражает Леонид Юрьевич Шервинский: «Я должен сказать в защиту гетмана. Правда, ошибки

¹⁷⁹ Боровик А. М. Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.). С. 71.

¹⁸⁰ Рубльов О. С., Ревит О. П. Українські визвольні змагання. 1917–1921 рр. Київ, 1999. С. 89–95, 139–143, 182–185.

¹⁸¹ Винниченко В. Відродження нації. Ч. 1. Київ; Відень, 1920. С. 125–126.

¹⁸² См. подробнее: Борисёнок Е. Ю. Русские об Украине и украинизации 1910-1930-х годов // Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 362–414.

¹⁸³ Булгаков М. А. Белая гвардия // Булгаков М. А. Собр. соч. В 5 т. Т. 1. М., 1992. С. 208.

¹⁸⁴ Там же.

были допущены, но план у гетмана был правильный. О, он дипломат. Край украинский, здесь есть элементы, которые хотят балакать на этой мове своей, – пусть!». Но Турбин с этим не был согласен: «Пять процентов, а девяносто пять – русских!..»¹⁸⁵.

Киевский присяжный поверенный и общественный деятель А. А. Гольденвейзер в своих «Киевских воспоминаниях» упомянул о том резонансе, который вызывало это явление в обществе. Он отмечал, что украинизация «приводила в смущение всех неукраинцев, причастных к школе, науке, адвокатуре. Украинский язык, с которым впоследствии немного свыклись, вызывал аффектированные насмешки; никто не собирался учиться этому языку»¹⁸⁶. Но если действия Центральной Рады по украинизации («борьба против русского языка») мемуарист считал просто «некультурными и вредными», то политика гетмана Скоропадского воспринималась им совершенно по-другому. Если Грушевский и Винниченко, писал Гольденвейзер, боролись за «осуществление мечты всей их жизни», то политика гетмана «с самого начала была совершенно беспринципной». «Единственным постоянным элементом в правительственной программе было угождение немцам, – говорится в „Киевских воспоминаниях“. – Немцы, по-видимому, хотели образования независимой Украины; поэтому гвардейский офицер Скоропадский стал украинским националистом и самостийником... Это был лицемерный, притворный национализм»¹⁸⁷. Украинизационные мероприятия Скоропадского воспринимались Гольденвейзером столь негативно, во-первых, из-за сотрудничества гетмана с врагом Российской империи – Германией. Кроме того, автор воспоминаний не верил в искренность «украинских чувств» бывшего царского генерала, представителя военной элиты Российской империи.

Обострение национальных противоречий в УНР являлось не просто следствием украинизаторских усилий Центральной Рады, Гетманата и Директории, но и отражало характерную для распада имперских структур ситуацию. Общественное мнение разделилось не только по партийно-политическому признаку, но и по национальному: политика украинских правительств изменяла сложившуюся культурно-языковую ситуацию, украинский язык проникал в ранее недоступные для него сферы, что создавало дополнительную социальную напряженность. Русская интеллигенция была встревожена и озабочена новой ролью украинского языка в культурном пространстве Украины, предложенной национальными правительствами. Несмотря на то что Российская академия наук признала самостоятельный статус украинского языка, среди русской интеллигенции по-прежнему была широко распространена точка зрения рассматривать украинский язык как «наречие», а попытки активного внедрения в массовое сознание украинской идентичности вызывали по крайней мере недоумение.

---

¹⁸⁵ Там же. С. 210.

¹⁸⁶ Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 18.

¹⁸⁷ Там же. С. 229.

§ 3. «Украинский вопрос» в геополитике: планы Советской России и Польши (1919–1920 гг.)

Летом и осенью 1918 г., в период существования Украинской Державы гетмана П. П. Скоропадского, усилия украинских большевиков были направлены на концентрацию сил в пролетарских центрах. Однако в конце 1918 г., с окончанием Первой мировой войны, политическая ситуация вновь изменилась. Немецкие и австрийские войска утратили оккупационные функции, чем не преминули воспользоваться украинские политические круги, решившие восстановить Украинскую Народную Республику. В декабре 1918 г. произошел переворот: 14 декабря гетман отрёкся от власти, а 18 декабря в Киеве встречали так называемую Директорию, лидерами которой были известные украинские политические деятели В. К. Винниченко и С. В. Петлюра. Вскоре было даже провозглашено объединение УНР с Западно-Украинской Народной Республикой, образовавшейся после распада Австро-Венгрии.

Практически сразу после установления власти Директории, 1 января 1919 г., был утвержден закон о государственном языке в УНР, по которому украинский язык стал обязательным для употребления во всех правительственных и общественных учреждениях. Министерство народного образования 30 января издало приказ, по которому украинский объявлялся языком преподавания во всех школах Украины, а 5 февраля была подготовлена специальная инструкция, по которой при губернских и уездных комиссариатах образования создавались специальные комиссии для рассмотрения заявлений тех учителей, которые не смогут преподавать на украинском языке. Разрешение не преподавать на украинском языке давалось лишь до конца текущего учебного года (т. е. до 1 июля 1919 г.)¹⁸⁸.

Однако власть Директории также не стала стабильной. Когда ситуация в «украинском вопросе» изменилась, после поражения Германии и начала в ней революции большевики предприняли попытку восстановления на Украине советской власти. «Украина, товарищи, это наш путь к европейской революции»¹⁸⁹, – заявил К. Б. Радек на II съезде КП(б)У в октябре 1918 г. 28 ноября было сформировано Временное рабоче-крестьянское правительство УССР во главе с Г. Л. Пятаковым. 29 ноября советское правительство Украины опубликовало специальный манифест, в котором говорилось о падении власти Скоропадского и оккупантов и переходе власти в руки рабочих и крестьян.

В январе 1919 г. началось наступление большевистских войск на Киев. 4 января В. А. Антонов-Овсеенко возглавил Украинский фронт, наступавший на Левобережье, а уже через два дня, 6 января, Временное рабоче-крестьянское правительство провозгласило образование Украинской Социалистической Советской Республики. В конце января 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство было преобразовано в Совет народных комиссаров, который возглавил Х. Г. Раковский. Наступление завершилось успехом, и 5 февраля 1919 г. большевики были уже в Киеве.

Хотя украинские большевики и отказывали «национальному движению масс» в реальном влиянии среди украинского населения, продвижение Красной армии было обставлено со всеми необходимыми атрибутами в виде создания временных советских правительств. 29 ноября 1918 г. Ленин отправил главкому И. И. Вацетису телеграмму следующего содержания: «С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются областные временные Советские правительства, призванные укрепить Советы на местах. Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей как оккупацию и создает благоприятную атмосферу

---

¹⁸⁸ Боровик А. М. Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.). С. 82.

¹⁸⁹ II съезд КП(б)У. 17–22 октября 1918 г. Протоколы. Киев, 1991. С. 87.

для дальнейшего продвижения наших войск. Без этого обстоятельства наши войска были бы поставлены в оккупированных областях в невозможное положение, и население не встречало бы их как освободителей»¹⁹⁰.

На III съезде Советов УССР в марте 1919 г. была принята Конституция Украинской Социалистической Советской Республики и одобрен курс на укрепление отношений с Советской Россией. Однако провозглашенные большевиками национальные лозунги не мешали им строить планы «полного слияния» УССР и РСФСР. 23 апреля 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) предложило ЦК КП(б)У обсудить вопрос, при каких условиях и в какой форме такое слияние будет проведено¹⁹¹. В июне 1919 г. были приняты два важных решения. Во-первых, было подписано постановление ВЦИК о военном союзе советских республик России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии, которое признавало необходимым «тесное объединение» указанных республик, причем не только объединение военного командования, но и советов народного хозяйства, железнодорожного хозяйства, финансов, комиссариатов труда. Одновременно признавалось независимость всех советских республик¹⁹². Кроме того, при ВЦИК была создана комиссия (Л. Б. Каменев, Н. Н. Крестинский, Х. Г. Раковский, Д. И. Курский) для изучения вопроса о вхождении национальных республик в состав РСФСР¹⁹³. При этом Раковский настаивал на объединении только на началах федеративного устройства при создании единого органа верховного управления в виде Федеративного Совета Республик¹⁹⁴.

Однако разработка объединительных планов вновь была прервана из-за обострившегося положения на фронтах Гражданской войны. В мае 1919 г. белогвардейские войска генерала Деникина, контролировавшие Донбасс, Дон, Кубань и Северный Кавказ, перешли в наступление. Преодолевая сопротивление Красной армии, к концу лета 1919 г. деникинцы оккупировали почти всю Украину, однако удержать власть не смогли, и в результате наступления Красной армии на Украину зимой 1919–1920 гг. Украина была очищена от деникинских войск.

Уже к лету 1919 г. стало очевидным недовольство украинского крестьянства (равно как и в России) большевистской аграрной политикой – экспедициями продотрядов за хлебом; «дикими» реквизициями, проводимыми Красной армией в условиях отсутствия снабжения из центра; введенной 12 апреля продразверсткой на урожай предыдущих лет. По данным А. Грациози, украинские крестьяне стали встречать продотряды криком «Бей жидов и москалей!»¹⁹⁵. Но на Украине не смог найти поддержки и Деникин, благодаря чему большевикам в конце концов удалось здесь закрепиться.

Однако не только недовольство крестьянства и сепаратистские устремления украинских политиков обостряли ситуацию до крайности. Не менее важное значение по-прежнему имел внешнеполитический фактор¹⁹⁶. Деятели УНР, пытаясь обрести опору в своей борьбе с большевиками, вели активный поиск внешнеполитических союзников.

Самое пристальное внимание украинским землям уделяла возвратившая себе государственность в ноябре 1918 г. Польша. Как уже упоминалось, в начале XX в. в польских поли-

¹⁹⁰ Ленин В. И. Телеграмма главкому И. И. Вацетису. 29 ноября 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 37. М., 1969. С. 234.

¹⁹¹ Лозицкий В. С. Политбюро ЦК Компартии Украины: история, особи, стосунки (1918–1991). С. 20.

¹⁹² Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. док. М., 1972. С. 103. См. также: Гросул В. Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М., 2007.

¹⁹³ Волковинський В. М., Кульчицький С. В. Християн Раковський. Політичний портрет. Київ, 1990. С. 187.

¹⁹⁴ Непароков А. П. К единству равных. Культурные факторы объединительного движения советских народов, 1917–1925. М., 1991. С. 94–95; Мельниченко В. Христиан Раковский. Неизвестные страницы жизни и деятельности. Київ, 1992. С. 46.

¹⁹⁵ Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 гг. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. С. 117.

¹⁹⁶ См. подробнее: Борисёнок Е. Ю. Влияние польского фактора на политику большевиков по национальному вопросу (большевики и украинский вопрос в 1917–1923 годах) // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. М., 2009. С. 179–194.

тических кругах активно обсуждался вопрос о путях достижения независимости. Одни главную опасность в деле возрождения Польши видели в Германии, другие – в России. Последние обращали внимание на то, что Россия владеет большей частью земель Польши и бывшей Речи Посполитой. Они были убеждены, что Российской империю ожидает распад, и произойдет он по национальному признаку. В результате на окраинах Российской империи должны были возникнуть независимые государства – своеобразный буфер между Москвой и Варшавой¹⁹⁷.

Подобные взгляды разделял и «временный начальник государства» Ю. Пилсудский. К тому же Пилсудскому не чужды были и экспансионистские устремления¹⁹⁸. Уже в ноябре 1918 г. Польша начала активные военные действия в Восточной Галиции против образованной там Западно-Украинской Народной Республики. Польско-украинская война закончилась в июне 1919 г. победой Польши и оккупацией всей Восточной Галиции польскими войсками.

Свои территориальные претензии Польша стремилась закрепить официально, используя весьма распространенные в Западной Европе антибольшевистские настроения. Как известно, в Германии находила довольно весомую поддержку идея расчленения Российской империи, в частности, образования независимого украинского государства, чем активно пользовались многие политические силы в борьбе за власть на Украине. Поляки же нашли поддержку у Франции. Последняя рассматривала независимое польское государство как щит между русским большевизмом и германской революцией и оказывала активную помощь полякам путем поставок военного снаряжения и посылки военных инструкторов.

В декабре 1918 г. на переговорах с представителем Парижского Польского национального комитета С. Грабским Пилсудский заметил, что восточная граница Польши должна пройти по линии небольших белорусских и украинских рек Улла – Березина – Случь – Горынь – Ушица. Своего ближайшего соратника и участника Парижской мирной конференции Л. Василевского Пилсудский инструктировал таким же образом: восточная граница должна обеспечить вхождение в Польшу железной дороги Дрогобыч – Львов – Ковель – Пинск – Лунинец – Барановичи – Вильно и ее «прикрытие» в виде пояса болот и лесов вдоль Припяти¹⁹⁹.

Все это создавало благоприятные условия для польско-украинского союза на антибольшевистской основе. Первые контакты правительства Украинской Народной Республики с Польшей приходятся уже на конец 1918 – начало 1919 гг. 31 декабря в Варшаву отправилась украинская миссия во главе с профессором В. Прокоповичем, целью которой было добиться помощи Польши в борьбе с большевиками. В свою очередь, поляки также стремились наладить дипломатические контакты с УНР и отправили в январе 1919 г. на Украину специального представителя для проведения консультаций с украинскими политическими кругами²⁰⁰.

Однако достичь соглашения было непросто из-за территориальных противоречий между Польшей и УНР: и те и другие претендовали на Восточную Галицию. Парижская мирная конференция пыталась урегулировать этот вопрос. В конце концов в феврале 1919 г. Совет Десяти Парижской конференции согласился с территориальными претензиями Польши в Восточной Галиции и разрешил ввести туда польские войска для «охраны от большевистских банд». Правящие круги УНР вынуждены были учесть данное обстоятельство. В мае 1919 г. Директория

---

¹⁹⁷ Матвеев Г. Ф. Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 237–238.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Ціхаліраў А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду паслеваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск, 2003. С. 22.

²⁰⁰ Срібняк І. Симон Петлюра на чолі держави та війска. До питання про польско-українські взаємини 1919–1920 рр. // Симон Петлюра та українська національна революція. Збірник праць Другого конкурсу петлюрознавців України. Київ, 1995. С. 142.

одобрила решение о начале мирных переговоров с Польшей. В этом же месяце к Петлюре прибыл специальный представитель Ю. Пилсудского Я. Мазуркевич («Заглоба»)²⁰¹.

1 сентября 1919 г. было заключено прелиминарное соглашение между УНР и Польшей. Положение армии УНР было крайне тяжелым, и Петлюра решил отказаться от западноукраинских земель в обмен на военную помощь. В октябре 1919 г. в Варшаву прибыла дипломатическая миссия УНР, а 2 декабря, без согласия галицийской делегации, миссия УНР подписала украинско-польскую декларацию, в которой признала права Польши на Восточную Галицию²⁰². В начале 1920 г. на территории Польши началось формирование украинских частей.

Отношения же между Польшей и РСФСР складывались крайне сложно. Польское руководство не без оснований подозревало советское руководство в попытках вызвать революцию в Польше, но, с другой стороны, относилось к Ленину и Троцкому как к меньшему злу по сравнению с белым движением и его лозунгом «Единой и неделимой России». Столкновения между польскими и советскими войсками, начавшиеся еще в ноябре 1918 г., вспыхивали на протяжении всего следующего года. Польское руководство отмену большевиками актов царского правительства о разделах Речи Посполитой в Варшаве рассматривало едва ли не как юридическое признание Россией прав Польши на восстановление ее в границах 1772 г., которые оставались недостижимой мечтой всех польских политических формирований с конца XVIII века.

Польша не ответила на предложение Совнаркома РСФСР 22 декабря 1919 г. начать мирные переговоры. Потерпев неудачу в переговорах с поляками, которые не пошли на заключение мира с РСФСР, видя крайнюю заинтересованность Польши судьбой западных окраин бывшей Российской империи, большевистское руководство в Москве решило дополнительно обезопасить себя и прекратило попытки развернуть пропаганду слияния двух советских республик.

В условиях социальной напряженности, недовольства крестьянства украинско-польский союз представлял несомненную опасность для планов большевиков по укреплению своей власти на Украине. Еще осенью 1919 г. желание большевиков добиться «полного слияния» Украины с Россией было крайне велико, о чем свидетельствует проект тезисов о политике на Украине, подготовленный к заседанию Политбюро ЦК РКП(б) 21 ноября 1919 г. Лениным: «Пока – самост[оятельная] Укр[аинская] С[оциалистическая] Р[еспублика], в тесной федерации с РСФСР... п. 2 на Политбюро ЦК РКП(б) 21.XI.19 „принять с указанием, что до созыва украинского съезда Советов Украина и Россия федерируются на основе резолюции ВЦИК и постановления Политбюро от 1.VI.19 г. и что в то же время партийным путем ведется осторожная подготовка планов слияния Украины и России“»²⁰³. Однако уже в этом документе Ленин призывал к величайшей осторожности «в отношении к националистским традициям», считал необходимым «строжайшее соблюдение равенства украинского языка и культуры»²⁰⁴.

В дальнейшем планы, намеченные на заседании Политбюро 21 ноября, были пересмотрены. Большевистское руководство признало необходимым подчеркнуть независимый статус Украинской ССР. Так, 3 декабря 1919 г., когда переговоры деятелей УНР с польскими лидерами шли полным ходом, VIII Всероссийская конференция РКП(б) приняла резолюцию о советской власти на Украине, в которой подчеркивалось: «Неуклонно проводя принцип самоопределения наций, ЦК считает необходимым еще раз подтвердить, что РКП стоит на точке зрения признания самостоятельности УССР»²⁰⁵. Одновременно всем членам партии вменя-

²⁰¹ Там же. С. 143.

²⁰² Гетьманчук М. П. Між Москвою та Варшавою: українське питання у радянсько-польських відносинах міжвоєнного періоду. Львів, 2008. С. 63.

²⁰³ Ленин В. И. Проект тезисов ЦК РКП(б) о политике на Украине. Не позднее 21 ноября 1919 г. // Ленин В. И. Неизвестные документы. С. 306.

²⁰⁴ Там же. С. 306–307.

²⁰⁵ Восьмая Всероссийская конференция РКП(б). Москва. 2–4 декабря 1919 г. Резолюция о советской власти на Украине // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1: 1898–1924. С. 459.

лась обязанность «содействовать устранению всех препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры», «всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план», «превратить украинский язык в орудие коммунистического просвещения трудовых масс»²⁰⁶. 28 декабря 1919 г. В. И. Ленин написал «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным». Лидер большевиков провозгласил, что только украинские рабочие и крестьяне «на своем Всеукраинском съезде Советов» могут решить вопрос о судьбе Украины. Ленин объявил о готовности большевиков пойти на уступки в столь важном вопросе: «...Мы, великорусские коммунисты, должны быть уступчивы при разногласиях с украинскими коммунистами-большевиками и боротьбистами, если разногласия касаются государственной независимости Украины, форм ее союза с Россией, вообще национального вопроса»²⁰⁷.

В сложившейся обстановке такая политика была логичной. Внешнеполитическая ситуация продолжала оставаться весьма напряженной. В начале февраля 1920 г. глава НКВД Г. В. Чичерин сообщал ЦК РКП(б), что, по сообщению французского радио в Варшаве, Польша собралась потребовать независимости Украины (а также Белоруссии, Литвы и Латвии)²⁰⁸. Польские лидеры надеялись, что независимая Украина перейдет под польское влияние. Как подчеркивает И. В. Михутина, об этом ясно говорилось в одном из секретных информационно-политических документов, подготовленном в марте 1920 г. по указанию Пилсудского для командного состава Волинского фронта. Там, в частности, говорилось: «В настоящее время польское правительство намерено поддержать национальное украинское движение, чтобы создать самостоятельное украинское государство и таким путем значительно ослабить Россию, оторвав от нее самую богатую зерном и природными ископаемыми окраину»²⁰⁹.

Между тем переговоры же между Польшей и УНР осенью – зимой 1919 г. стали приносить плоды. Однако польская военная помощь Петлюре была оказана только в следующем году. Осторожная позиция Пилсудского объяснялась наступлением на Москву А. И. Деникина. В этой ситуации вмешательство Польши могло сыграть последнему на руку, что было крайне невыгодно полякам: Деникин не желал признавать независимость Польши и представлял еще большую опасность, чем большевики. В то же время Польша не ответила и на предложение Совнаркома РСФСР 22 декабря 1919 г. начать мирные переговоры.

В этих условиях центральное большевистское руководство вынуждено было отказаться от слияния РСФСР и УССР, сделав ставку на тесный союз между этими двумя республиками. В сложных внешнеполитических условиях такой союз становился весьма актуальным. После поражения Деникина Варшава начала готовиться к решительной схватке. 21 апреля 1920 г. переговорный процесс между УНР и польским правительством завершился подписанием Варшавского договора. Был подписан также секретный протокол с Петлюрой о разделе Украины: Польша признавала его главой независимой Украины, Петлюра отдавал Восточную Галицию. В апреле 1920 г. активизировались военные действия на советско-польском фронте. Польские войска перешли в наступление и в мае захватили Киев, пройдя парадом по Крещатику. Однако захват Киева вызвал небывалый патриотический подъем в Советской России. Одновременно на IV Всеукраинском съезде Советов 20 мая 1920 г. была принята специальная резолюция о государственных отношениях между УССР и РСФСР. Съезд указал, что «УССР, сохраняя

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Ленин В. И. Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 40. М., 1974. С. 42, 45–46.

²⁰⁸ Симонова Т. М. «Прометеизм» в восточной политике лагеря Пилсудского в 1919–1926 годах // Иван Александрович Воронков – профессор-славист Московского университета. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И. А. Воронкова (1921–1983). М., 2001. С. 126.

²⁰⁹ Михутина И. В. Некоторые проблемы истории польско-советской войны 1919–1920 гг. // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 165.

свою самостоятельную государственную конституцию, является членом Всероссийской Социалистической Советской Федеративной Республики...»²¹⁰.

Красная армия перешла в наступление и в июле 1920 г. разгромила польскую группировку на Украине и в Белоруссии. Большевики продолжили наступление, желая превратить войну оборонительную в наступательную революционную. Началось наступление на Варшаву, конечной целью был Берлин. Как вспоминал В. М. Молотов, «Ленин поставил целью использовать навязанную Пилсудским войну с Польшей, чтобы пройти войсками и „прошупать штыком“, не готова ли Германия к началу пролетарской революции»²¹¹. В связи с наступлением Красной армии в Польше руководство РКП(б) считало возможными крупные классовые выступления рабочих как в Польше, так и в Венгрии, Чехословакии, Румынии, Италии²¹². Рассчитывая на «советизацию» Польши, В. И. Ленин готов был пойти и на территориальные уступки. 11 июля 1920 г. министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон потребовал от Советского правительства остановить наступление Красной армии на линии, определенной Верховным советом Антанты в декабре 1919 г. в качестве восточной границы Польши (Гродно – Яловка – Немиров – Брест-Литовск – Дорогобуж – Устилуг – восточнее Грубешова, через Крылов – западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля – до Карпат). Пытаясь «помочь пролетариату и трудящимся массам Польши и Литвы освободиться от их буржуазии и помещиков»²¹³, Ленин отправил 15 июля 1920 г. телеграмму И. С. Уншлихту, в которой говорилось о готовности обеспечить «польским рабочим и крестьянам границу восточнее той, которую дает Керзон и Антанта»²¹⁴. Но расчеты большевиков не оправдались: в своем докладе на IX конференции РКП(б) Ленин признал, что «прошупать готовность Польши к социалистической революции удалось чрезвычайно мало»²¹⁵. Поляки в массе своей восприняли Красную армию не как освободительную и революционную, а как захватническую. Произошло известное «чудо на Висле», Красная армия была отброшена от Варшавы, тысячи красноармейцев были взяты в плен²¹⁶.

Во время переговоров с Польшей советская сторона настаивала на признании независимости и территориальной целостности УССР, БССР и Литвы. 23 сентября 1920 г. ВЦИК принял заявление об основах соглашения между РСФСР и Польшей, в котором говорилось что «в основу мира должно быть, во-первых, положено немедленное торжественное подтверждение как Польшей, так и Россией независимости Украины, Литвы, Белоруссии и признание независимости Восточной Галиции; во-вторых, как Польша, так и Россия должны немедленно официально признать, как форму выражения воли соответствующих наций, те государственные представительные учреждения... кои существуют в каждой из этих стран»²¹⁷. 12 октября 1920 г. был подписан договор о перемирии и прелиминарных условиях мира, согласно которому Польша обязалась признать независимость Белоруссии и Украины.

²¹⁰ IV Всеукраинский съезд Советов. Постановления, резолюция и другие документы съезда. О государственных отношениях между УССР и РСФСР // Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик: 1917–1936. Сб. документов. Т. 2. М., 1960. С. 71–72.

²¹¹ Никонов В. А. Молотов: Молодость. М., 2005. С. 492.

²¹² Телеграмма В. И. Ленина И. В. Сталину о положении в Коминтерне. 23 июля 1920 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 54–55.

²¹³ Телеграмма В. И. Ленина И. С. Уншлихту о плане наступления на Польшу. 15 июля 1920 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. С. 53.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Из доклада В. И. Ленина «Политический отчет ЦК РКП(б)» на IX конференции РКП(б). 22 сентября 1920 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. С. 63.

²¹⁶ См. подробнее: Матвеев Г. Ф., Матвеева В. С. Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011.

²¹⁷ 23 сентября 1920 г. ВЦИК принял Заявление ВЦИК об основах соглашения между РСФСР и Польшей. 23 сентября 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. М., 1959. С. 205.

В этой ситуации для большевистского руководства важно было официально закрепить союз между РСФСР и УССР. VIII Всероссийский съезд Советов 28 декабря 1920 г. и V съезд Советов УССР в феврале 1921 г. утвердили «Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и УССР», в котором подтверждались независимость и суверенность каждой из договаривающихся сторон и одновременно говорилось о вступлении республик в военный и хозяйственный союз. Важнейшие комиссариаты объявлялись объединенными (военный и морских дел, ВСНХ, внешней торговли, финансов, труда, путей сообщения, почт и телеграфа) и предусматривалось их вхождение в состав СНК РСФСР, а СНК УССР должен был иметь своих уполномоченных²¹⁸.

Советско-польскую войну завершил мир, подписанный в Риге в марте 1921 г., по которому Польша получила земли Западной Украины и Западной Белоруссии. Обе стороны признавали независимость Украины и Белоруссии²¹⁹. Специальная статья предусматривала не только воздержание от вмешательства во внутренние дела другой стороны, но и отказ от поддержки организаций, «имеющих целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной, либо покушающихся на ее территориальную целость, либо подготовляющих ниспровержение ее государственного или общественного строя»²²⁰. Одновременно оговаривалось предоставление всех прав, обеспечивающих свободное развитие культуры, языка и выполнение религиозных обрядов русским, украинцам и белорусам, проживавшим в Польше. Со своей стороны, те же права обеспечивались полякам, проживавшим в России, Украине, Белоруссии²²¹.

Таким образом, объявив об образовании Украинской ССР, большевистское руководство, с одной стороны, высказалось в пользу идеи о существовании самостоятельной украинской нации, но, с другой стороны, рассчитывало на дальнейшее слияние Украины и России. Однако сложное внутреннее положение, и прежде всего недовольство крестьянства, а также внешнеполитические расчеты политиков УНР, наложившиеся на активизацию «восточной политики» Польши, заставили большевиков отказаться от первоначальных планов и взять курс не на слияние, а на тесный союз двух республик. Более того, итогом сложной внешне- и внутривосточной ситуации в стране стал курс большевиков на создание «национального облика» УССР.

---

²¹⁸ Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и УССР // Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. док. С. 166–168.

²¹⁹ Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой. 18 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. С. 619.

²²⁰ Там же. С. 622–623.

²²¹ Там же. С. 625–626.

§ 4. Восточная Галиция, Угорская Русь, Северная Буковина и Бессарабия: коллизия национальных интересов

Федеративная концепция Ю. Пилсудского позволяла заключить союз с Петлюрой на антибольшевистской основе. Однако такое взаимопонимание было возможно лишь в том случае, если проект не затрагивал интересы польских лидеров в Восточной Галиции. Эту территорию поляки считали своей и вели решительную борьбу за включение ее в состав Польши.

Осенью 1918 г. нарастающие национальные движения в различных частях империи привели к распаду Австро-Венгрии. 7 октября Регентский совет Королевства Польского опубликовал воззвание «К польскому народу» с требованием создания независимого государства, охватывающего все польские земли с доступом к морю, политически и экономически самостоятельного. Через три дня, 10 октября, польские политики заявили о выходе Галиции из Австро-Венгрии и о вхождении ее в состав польского государства. Однако такое развитие событий не устраивало лидеров украинского движения. 18–19 октября во Львове на собрании украинских депутатов австрийского парламента, галицийского краевого сейма и краевого сейма Буковины, епископата, представителей (делегатов) украинских партий был избран временный украинский парламент – Украинская национальная рада (Українська Національна Рада, УНРада) во главе с Е. Петрушевичем. 18 октября был принят статут (устав) Украинской национальной рады, которая объявлялась «конституантой» (представительским собранием) той части украинского народа, которая живет в Австро-Венгерской монархии, на ее этнографической территории, и в случае, «который сочтет соответствующим», должна решить вопрос о судьбе всех областей, заселенной украинцами, «именем украинского народа австро-венгерской монархии, его правом самоопределения»²²². В прокламации, выпущенной на следующий день, 19 октября, УНРада определила территорию украинской этнографической области в Австро-Венгрии: «Восточная Галиция с границей по Сяну с включением Лемковщины, северо-западная Буковина с городами Черновцы, Строжинец и Серет, украинская полоса северо-восточной Венгрии»²²³.

Польские политики негативно восприняли попытки галичан создать собственное государство. 28 октября была образована Польская ликвидационная комиссия, которая намеревалась взять власть в Галиции. Приезд комиссии во Львов был намечен на 1 ноября. В ответ 1 ноября 1918 г. Украинская национальная рада приняла обращение к украинскому народу, в которых объявлялось, что 19 октября было создано украинское государство на землях бывшей Австро-Венгрии, что украинский народ освобожден «от вековой неволи», и теперь он – «господин своей земли, свободный гражданин украинского государства». Кроме того, объявлялось, что с этого дня, 1 ноября, УНРада взяла власть во Львове и на всей территории украинского государства. Объявлялось также о создании национальных вооруженных сил и передаче австрийско-польской администрации украинцам. Провозглашалось равноправие граждан всех народностей и вероисповедания, а полякам, евреям и немцам предлагалось направить своих представителей в УНРаду. Кроме того, предполагался созыв Учредительного собрания для решения дальнейшей судьбы украинского государства²²⁴.

Конфликт за обладание Восточной Галицией перерос в украинско-польскую войну. Уже 1 ноября украинские вооруженные силы взяли под контроль Львов, а позднее – и другие города Восточной Галиции. Во Львове польские политические партии и общественные организации образовали Польский национальный комитет, который призвал с оружием в руках ответить на

---

²²² Конституційні акти України. 1917–1920: Невідомі конституції України. Київ, 1992. С. 92.

²²³ Там же. С. 93.

²²⁴ Там же. С. 94.

действия украинцев²²⁵. 2 ноября в УНР прибыла польская делегация. Польская сторона предлагала включить в возрожденное польское государство Перемышль, Львов и другие города. Диалога не получилось. 5 ноября УНР вновь обратилась к населению Восточной Галиции, предложив признать за поляками на украинской земле полное равноправие. 9 ноября было объявлено о названии нового государства – Западно-Украинская Народная Республика²²⁶. В тот же день был сформирован Государственный секретариат, а 13 ноября принят Временный основной закон. Однако ситуация для ЗУНР складывалась тяжелая. 21 ноября украинская армия оставила Львов, а правительство ЗУНР переехало сначала в Злочев, потом в Тарнополь, а 3 января 1919 г. – в Станислав²²⁷.

3 января 1919 г. УНРада объявила о своем намерении объединить ЗУНР и УНР в единую суверенную народную республику. 22 января на Софийской площади в Киеве было проведено торжественное объединение двух республик. В состав директории УНР был избран Е. Петрушевич, а ЗУНР стала Западной областью Украинской народной республики.

В Станиславе был принят ряд законов, в том числе закон о созыве Сейма ЗУНР и закон о выборах, по которым депутаты сейма избирались на основе общего без различия пола, равного, прямого, тайного, пропорционального избирательного права. В сейм предлагалось избрать 160 украинцев, 27 евреев, 3 поляков и 6 немцев²²⁸.

3 февраля 1919 г. Украинская национальная рада приняла закон «Об огосударствлении украинских школ», а 14 февраля – закон «Об огосударствлении украинских частных гимназий и женских семинарий», согласно которым все школы – общественные (начальные), средние, гимназии, реальные, и тому подобные, – объявлялись государственными, а учителя – государственными служащими. Языком преподавания становился украинский. Содержавшиеся ранее на общественных средства учителя народных школ также были объявлены государственными служащими, им стали выдавать зарплату²²⁹.

15 февраля 1919 г. был одобрен закон «О применении украинского языка во внутреннем и внешнем управлении государственных властей и правительств, публичных институций и государственных предприятий в Западной области Украинской Народной Республики». Государственным языком объявлялся украинский. В марте было издано распоряжение для чиновников госадминистрации, по которому к службе в государственных органах допускались лишь граждане Украинской Народной Республики, «безукоризненного поведения, которые владеют украинским языком в устной и в письменной речи и не переступили сорокового года жизни». Правда, последнее не касалось действующих служащих²³⁰.

Делопроизводство государственных органов, органов местной власти, государственных предприятий должно было вестись на украинском языке. Впрочем, закон предусматривал и гарантию национальным меньшинствам – свободу употребления родного языка в устной и письменной форме при обращении в правительственные инстанции. Национальным меньшинствам гарантировалось право иметь свои школы и библиотеки, периодические издания, свободно пользоваться родным языком в повседневной жизни.

Языковая политика ЗУНР предусматривала открытие начальных народных школ, причем поляки, евреи и немцы могли открывать собственные школы. Во всех школах было отменено обязательное преподавание немецкого языка, а в неукраинских – с третьего класса вводился как обязательный предмет украинский язык. Польские школы стали превращаться в украин-

²²⁵ Литвин М. Р. Українсько-польська війна 1918–1919 рр. Львів, 1998. С. 53–54.

²²⁶ Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 151.

²²⁷ Там же. С. 152.

²²⁸ Там же. С. 153.

²²⁹ Гай-Нижник П. П., Солдатенко В. Ф. Державотворчий процес в Західноукраїнській Народній Республіці // Нариси історії державної служби в Україні. Київ, 2009. С. 231.

²³⁰ Там же. С. 231–232.

ские. Всего было открыто 30 украинских средних школ, в том числе 20 гимназий, 3 реальные школы, 7 учительских мужских и женских семинарий. Расширялась сеть специальных и профессиональных учебных заведений. Особое внимание уделялось изучению украинского языка, математики, истории, географии Украины²³¹.

Таким образом, языковая и культурная политика ЗУНР была выражена достаточно четко. Был взят курс на преобладание украинского языка в официальной и образовательной сферах, но при этом не предусматривалась ассимиляция неукраинского населения. Поскольку существование украинского государства на западноукраинских землях было кратковременным, программа национализации культурной и общественной жизни не обладала системным характером. Однако можно утверждать, что основы украинизационной политики были разработаны. Такие черты, как внедрение украинского языка и культуры в различные сферы общественно-политической и культурной жизни государства при одновременном обеспечении прав национальных меньшинств, сближали этот курс с советской украинизацией.

Для ЗУНР неудачно складывались военные действия: созданная Украинская галицкая армия не смогла остановить польские войска и 16–17 июля вынуждена была отступить за Збруч. Украинским политикам не удалось урегулировать конфликт и дипломатическим путем. Польские лидеры считали Восточную Галицию своей территорией и активно боролись за включение ее в польское государство. На Парижской мирной конференции активно работало польское дипломатическое представительство, которое до начала апреля 1919 г. возглавлял Р. Дмовский, а затем – И. Падеревский.

29 января 1919 г. Р. Дмовский выступил с речью на Совете Десяти. В представленной им ноте о границах польского государства доказывалось, что Восточная Галиция представляет собой польскую территорию, которая всегда и полностью принадлежала полякам. Впрочем, оговаривалось, что Восточная Галиция представляет исключение, так как временно входила в состав Древней Руси. Предложенная Дмовским территориальная программа предусматривала трактовку Восточной Галиции как составной части Польского государства. Он настаивал, что «русское» население, хотя и составляет 58,6 % (такую цифру приводил Дмовский) от общего числа в восточной части Галиции, все равно составляет меньшинство по сравнению со всем населением Галиции. Численность украинской интеллигенции Дмовский оценивал в 16 тыс. чел., польской – в 465 тыс. чел. Позиция польского представительства была однозначной: украинцы не способны самостоятельно сформировать органы управления и самоуправления²³².

В феврале 1919 г. была создана специальная Комиссия по делам Польши. 28 февраля польская делегация выступила перед Комиссией с очередной нотой. Вступительная часть документа практически повторяла текст ноты Р. Дмовского. Восточная Галиция представлялась в качестве польской территории с преобладающим польским элементом, а украинское национальное движение – как искусственное, созданное благодаря германскому и австрийскому влиянию в этом регионе²³³.

После многочисленных согласований и попыток урегулировать польско-украинский конфликт, 25 июня 1919 г. Совет Десяти на Парижской мирной конференции разрешил Польше оккупировать Восточную Галицию, через несколько дней Р. Дмовский вместе с И. Падеревским подписал от имени Польши Версальский мирный договор.

Несмотря на подписание Версальского договора, украинско-польские переговоры не прекратились. Как уже упоминалось, они с разной интенсивностью длились с конца 1918 г. В конце октября 1919 г. в Варшаве начала работу новая украинская дипломатическая миссия во

²³¹ Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 154; *Литвин М. Р.* Українсько-польська війна 1918–1919 рр. С. 13–14; *Литвин М. Р., Науменко К. Є.* Історія ЗУНР. Львів, 1995. С. 99.

²³² *Зелінський М. В.* Дипломатична діяльність Романа Дмовського у вирішенні «українського питання» на Паризькій мирній конференції (1919–1920) // Чорноморський літопис. 2013. Вип. 8. С. 14–15.

²³³ Там же. С. 15.

главе с министром иностранных дел УНР А. Ливицким. В состав миссии входили три представителя ЗУНР – С. Витвицкий, А. Горбачевский и М. Новаковский²³⁴. Первоначально украинская сторона решила не идти на уступки в вопросе о Восточной Галиции, однако тяжелое положение УНР заставило поднепровцев изменить свои позиции. Как пишет И. В. Михутина, «Ливицкий убеждал галицийских коллег, что Польша предоставит краю национально-территориальную автономию, условия автономии будут вырабатываться с участием украинцев и т. д.»²³⁵. 2 декабря миссия назвала свои условия: западная граница УНР от Черного моря по Днестру, вдоль Збруча и через Волынь. Польше предоставлялась северо-западная часть Волыни и вся Восточная Галиция. Взамен ожидалось признание УНР и заключение соглашений военного, торгового и консульского характера²³⁶. Окончательный договор между правительствами Польши и УНР был подписан в апреле 1920 г., но уже в марте название «Галиция» заменено на «Малая Польша», употреблялся термин «русин», а не «украинец». В декабре 1920 г. были созданы Львовское, Станиславское и Тарнопольское воеводства, которые, в свою очередь, разделялись на уезды.

Деятели УНР еще пытались бороться за международное признание Восточной Галиции на международной арене. В июле 1920 г. было образовано правительство диктатора ЗУНР, пытавшееся найти понимание у британского премьера Д. Ллойд Джорджа. Однако успехов эти попытки не принесли, и 14 марта 1923 г. Совет послов Антанты признал восточной границей Польши границу, установленную Рижским мирным договором.

Ожесточенная борьба за Восточную Галицию негативно сказалась на польско-украинских отношениях. Воспоминания о событиях 1918–1919 гг. накладывали отпечаток и на украинскую, и на польскую общественную мысль. Если часть украинского политического лагеря через несколько лет пришла к мысли о возможности сотрудничества с польскими властями, то другая часть, напротив, постепенно радикализировалась, что привело к укреплению украинского националистического движения. Польские власти столкнулись с необходимостью укрепления своих позиций в восточнославянском регионе, в котором украинские деятели вели борьбу за укрепление украинского национального самосознания среди широких масс населения.

Угорская Русь, входившая в Венгерское королевство, после распада Австрийской империи представляла несомненный интерес для различных политических игроков. Свои претензии на эту территорию с восточнославянским населением заявляли и венгры, и чехи, и украинцы Галиции. Среди самих русинов находились сторонники различных вариантов решения закарпатской проблемы, о чем свидетельствуют обращения образовавшихся осенью 1918 г. русинских народных рад в различных городах края. Так, Ужгородская народная рада обнародовала венгерские предпочтения, рада в Хусте высказалась за присоединение к Соборной Украине, рада в Прешове первоначально вообще обходила стороной вопрос о присоединении русинских земель к какому-либо государству, ссылаясь на право свободного самоопределения и возможность изложить свои требования на мирной конференции. А после объединения Лемковской и Прешовской рады в Карпаторусскую народную раду последняя высказалась за присоединение Подкарпатской Руси и Лемковской Руси к Чехословакии. Сторонники присоединения к России надеялись на восстановление порядка в государстве. Например, в изданной в марте 1919 г. декларации Карпаторусского комитета в Париже говорилось о том, что русский народ составляет большинство населения Галиции, Буковины и Закарпатья и стремится присоединиться к России²³⁷.

---

²³⁴ Дем'янюк О. Й. Волинь та Галичина в українсько-польських стосунках у 1919 р. // Вісн. Нац. ун-ту «Львівська політехніка». Львів, 2007. № 584: Держава та армія. С. 118.

²³⁵ Михутина И. В. Польско-украинский союз 1920 года // Славяноведение. 2011. № 5. С. 16.

²³⁶ Там же. С. 16–17.

²³⁷ Шевченко К. В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М., 2010. С. 122.

Стоит заметить, что после распада Австро-Венгрии правительство созданной Венгерской республики стремилось сохранить довоенные границы, опираясь на провенгерски настроенную часть русинской интеллигенции. Власти Венгрии решили создать народную раду в Будапеште и поручили Оресту Сабову подготовить проект автономной провинции.

10 декабря в 1918 г. О. Сабов созвал народное собрание венгерских русинов. Президиум собрания подготовил проект решения, в котором шла речь о том, что угрорусский народ останется верным своим тысячелетним традициям и Отчизне и желает обеспечения автономии во внутренних делах. Автономия, названная «*Ruszka Krajna*», была образована 21 декабря 1918 г. В законе об образовании автономии указывалось, что русской нации в Венгрии принадлежит право на самоопределение в сфере внутренней администрации, законодательства, школьного образования, культуры, религии, употребления языка²³⁸. Впрочем, разочарование в венгерском проекте наступило довольно рано. А. Волошин увидел в действиях венгерских властей «пустые обещания» и в январе 1919 г. обратился к послу Чехословакии в Будапеште М. Годже с просьбой, чтобы Чехословакии заняла всю русскую территорию под Карпатами. 15 января чехословацкие войска вступили в Ужгород.

Чехословацкий проект был поддержан 31 января Карпаторусской народной радой в Прешове, которая от имени «русского народа, живущего в северных комитатах бывшей Венгрии и южных частях бывшей австро-галицкой провинции», заявила о желании присоединить эти земли к Чехословакии²³⁹. 8 мая 1919 г. на собрании в Ужгороде центральная народная рада, объединившая Прешовскую, Ужгородскую и Хустскую, также высказалась за вхождение в состав Чехословакии²⁴⁰.

Большую активность в решении закарпатского вопроса проявили американские русины. Планы присоединения территории карпатских русинов к России, активно обсуждавшиеся в годы Первой мировой войны, были пересмотрены: нестабильная обстановка в бывшей империи Романовых и приход к власти большевиков не способствовали укреплению позиций сторонников русского варианта решения русинской проблемы.

23 июля 1918 г. в г. Хоумстед была основана Американская народная рада угро-русинов во главе с Г. Жатковичем. Был составлен специальный меморандум президенту США В. Вильсону, в котором предлагались несколько вариантов решения судьбы русинов: образование независимой Карпатской Руси, образование общего государства карпатских, галицких и буковинских русинов, автономия Карпатской Руси в составе Венгрии. Однако Вильсон посоветовал автономию в составе Чехословакии²⁴¹. Жаткович встретился с Масариком, к тому времени прибывшим в США. В результате переговоров 28 октября 1918 г. было достигнуто соглашение о присоединении населенных русинами областей северо-восточной Венгрии к Чехословакии²⁴². Во второй половине ноября 1918 г. был проведен референдум по вопросу вхождения угорских русинов в состав ЧСР. Около 67 % участников высказались за присоединение к ЧСР, 28 % – за присоединение к Украине, по 1 % – за присоединение к Венгрии и большевистской России²⁴³. Некоторые русинские политики во главе с А. Бескидом пытались весной 1919 г. добиться присоединения к Чехословакии не только Угорской Руси, но и Лемковщины, однако эти планы не были поддержаны ни Масариком, ни Жатковичем²⁴⁴.

Между тем 18 января 1919 г. начала работать Сен-Жерменская мирная конференция, создавшая специальную комиссию для рассмотрения чехословацкого вопроса из представите-

²³⁸ Панов А. В. Масарик і Закарпаття. Ужгород, 2010. С. 92–93.

²³⁹ Шевченко К. В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. С. 128–129.

²⁴⁰ Там же. С. 131.

²⁴¹ Там же. С. 115–116.

²⁴² Там же. С. 117.

²⁴³ Там же. С. 119.

²⁴⁴ Там же. С. 124.

лей США, Великобритании, Франции и Италии. 15 мая 1919 г. члены комиссии заслушали министра иностранных дел ЧСР Э. Бенеша, который заявил, что Чехословакия намеревается решить русинский вопрос так же, как и других национальных меньшинств: немецкого, венгерского, польского²⁴⁵.

Бенешу было поручено разработать окончательный проект автономии Подкарпатской Руси. В подготовленном меморандуме «О правовом положении южнокарпатских русинов, территория которых составляет часть территории Чехословацкого государства», отмечалось, что край будет иметь собственный сейм и губернатора, назначаемого президентом, к компетенции губернатора и сейма относятся языковые, образовательные и религиозные вопросы, а в других вопросах высшая власть будет принадлежать министерствам ЧСР со специально созданными отделами, служащие будут назначаться губернатором, высшие служащие – президентом по представлению губернатора, а в Совете Министров ЧСР край будет представлен Министром без портфеля²⁴⁶.

Во время обсуждения меморандума комиссией Бенеш напомнил, что Закарпатье – достаточно слабо развитая территория, и в экономическом, и в культурном плане. Поэтому, перед тем как предоставить реальную широкую автономию, Прага планирует сначала поднять уровень развития Закарпатья и уравнивать его с другими чешскими и словацкими регионами. Предложенный в Меморандуме план был одобрен на заседании Совета министров иностранных дел, причем по предложению члена комиссии Лансинга к нему было прибавлено положение, согласно которому служащие в Подкарпатской Руси должны назначаться по возможности из русинов²⁴⁷. 5 июля 1919 г. была завершена работа над проектом об отношении союзных государств Антанты к Чехословакии и месте в ней Подкарпатской Руси, а 6 августа его принял Совет глав великих держав. Наконец, 10 сентября 1919 г. был подписан Сен-Жерменский договор.

Чехословакия брала на себя обязательство образовать на русинской территории автономную (самоуправляющуюся) единицу под названием Подкарпатская Русь, со своим автономным сеймом, обладающим законодательной властью в языковых, образовательных и религиозных вопросах и в вопросах местного самоуправления. Губернатор области должен был назначаться президентом ЧСР, но должен быть подотчетен русинскому сейму. Чиновники должны были быть по возможности из местного населения. Наконец, русины должны быть представлены в законодательном органе Чехословацкой Республики²⁴⁸. При этом по решению Парижской мирной конференции Пряшевщина административно включалась в состав Словакии, а 14 украинских сел Мармароцины присоединялись к Румынии.

После распада Австро-Венгрии и Российской империи часть их бывших территорий оказались под властью Румынии, в том числе и территории, где проживало восточнославянское население, – Бессарабия и Буковина.

К концу 1917 г. на территории Бессарабии действовали группировки, различающиеся по своим политическим и национальным пристрастиям. По инициативе группы молдавской интеллигенции 21 ноября (4 декабря) 1917 г. был создан краевой орган власти Сфатул Цэрий, который 2 (15) декабря 1917 г. принял решение о создании Молдавской Демократической Республики в составе Российской Федерации. Однако южные уезды края бойкотировали Сфатул Цэрий, не принимало участия в этом движении и население Хотинского уезда. Такое решение натолкнулось на сопротивление советских органов власти, формировавшихся в городах Бессарабии и опиравшихся на Фронтной отдел Исполнительных комитетов советов Румфронта,

---

²⁴⁵ Панов А. В. Масарик і Закарпаття. С. 108

²⁴⁶ Там же. С. 108–110.

²⁴⁷ Там же. С. 111–112.

²⁴⁸ Шевченко К. В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. С. 147.

черноморского флота и одесского округа (Румчерод). Борьбой советских и молдавских органов власти воспользовалась Румыния, начавшая в январе 1918 г. оккупацию края. Согласие на ввод румынских войск в Бессарабию дали посланники Антанты и США в Яссах²⁴⁹.

При этом румынское руководство заручилось поддержкой части политиков из Сфатул Цэрия. 20 декабря 1917 г. Сфатул Цэрий, ссылаясь на беспорядок, возникший при отступлении с Румынского фронта русских частей, принял решение пригласить в Бессарабию румынские войска, несмотря на протесты крестьянской секции²⁵⁰. 24 января (6 февраля) 1918 г. Сфатул Цэрий принял декларацию о независимости Молдавской Республики.

Совнарком РСФСР расценил действия Румынии как военные действия против Российской Республики. Румынские войска встретили отпор со стороны революционизированных частей русской армии и Кишиневского совета, где большинство составляли большевики, однако уже 13 (26) января Кишинев был оккупирован. Сопrotивление румынским войскам продолжалось в восточной и южной Бессарабии, не признававших Сфатул Цэрий. В середине февраля в Бессарабию направились части Красной армии, принимавшие до этого участие в борьбе против Центральной Рады. 5–9 марта 1918 г. было заключено соглашение между Советской Россией и Румынией, по которому последняя в двухмесячный срок обязывалась вывести войска из Бессарабии²⁵¹. Однако после заключения прелиминарного мира с Центральными державами в Буфте (5 (18) марта 1918 г.) Румыния пропустила германские и австрийские войска на Украину и в левобережную Молдавию. Для обоснования своего положения в Бессарабии румынское правительство вновь использовало Сфатул Цэрий. 27 марта 1918 г. Сфатул Цэрий принял акт об объединении с Румынией на правах провинциальной автономии²⁵², чему немало способствовали репрессии румынских сил против политических лидеров, выступавших против присоединения Бессарабии к Румынии.

Украинская Народная Республика также проявляла интерес к Бессарабии, но сложное положение, в котором она оказалась в начале 1918 г., не позволило ей активно вмешаться в события. В III Универсале Центральной Рады Бессарабия не упоминалась, однако после заключения Брестского мира, 14 февраля 1918 г., на заседании Совета министров, во время обсуждения условий будущего мирного договора между УНР и РСФСР, было вынесено предложение: «Вопрос относительно Бессарабии решает Украинская Народная Республика на основании самоопределения наций, по согласованию с Румынией и Бессарабией, после вывода из территории последней войск Совета народных комиссаров»²⁵³.

13 апреля 1918 г. УНР приняла «Заявление Румынскому правительству», в котором осуждалась аннексия Бессарабии Румынией, а также не признавалось решение Сфатул Цэрия о включении всего края в состав королевства. Кроме того, в заявлении звучал призыв к румынскому правительству пересмотреть бессарабский вопрос и дать возможность свободно самоопределиться «всему бессарабскому населению». В документе высказывалась надежда, «что Румынское правительство найдет в Бессарабском вопросе определенную почву для согласия, которое могло бы удовлетворить обе стороны». Заявление подписали Председатель Совета народных министров В. Голубович и министр иностранных дел М. Любинский²⁵⁴.

²⁴⁹ Российско-румынский конфликт вокруг Бессарабии в 1918–1920 гг. // Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 177.

²⁵⁰ Там же. С. 176–177; *Степанюк В.* Государственность молдавского народа: исторические, политические и правовые аспекты. Кишинев, 2006. С. 198–199.

²⁵¹ Российско-румынский конфликт вокруг Бессарабии в 1918–1920 гг. // Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. С. 214–216.

²⁵² Там же. С. 220–221.

²⁵³ Протоколи засідань Ради народних міністрів 14–15 лютого 1918 р. // Українська Центральна Рада: Документи і матеріали. У 2 т. Т. 2. Київ, 1997. С. 167.

²⁵⁴ *Боечко В. Д., Ганжжа О. І., Захачук Б. І.* Формування державних кордонів України, 1917–1940 рр. Київ, 1991. С. 12.

Между тем в Париже 28 октября 1920 г. между Великобританией, Францией, Италией, Японией и Румынией, без участия России и Украины и без проведения плебисцита (референдума), был заключен договор о передаче Бессарабии в состав Румынии.

В Буковине борьба за власть шла между политическими представителями румын и украинцев и завершилась с вмешательством в нее королевской Румынии.

12 октября в Черновцах было созвано совещание четырех украинских партий – национально-демократической, народной, социал-демократической и радикальной. Было решено созвать расширенную конференцию, которая и состоялась на следующий день. Ссылаясь на право на самоопределение, конференция объявила о намерении «вместе со всеми украинцами Австро-Венгрии бороться за свою судьбу»: «Мы хотим в мире и согласии разойтись с нынешним и всегдашним нашим соседом румынским народом... Мы провозглашаем свое право на украинские области Буковины»²⁵⁵.

После этого украинские представители отправились во Львов для того, чтобы принять участие в создании Украинской национальной рады. На совещании УНРады 19 октября было решено поделить ее на две секции – галицкую и буковинскую. Вернувшись в Черновцы, буковинские члены Национальной рады решили расширить свой состав и образовать Краевой комитет. Главой Краевого комитета был избран депутат сейма О. Попович²⁵⁶.

Между тем определило свои позиции румынское сообщество Буковины. 6 октября в Яссах состоялось собрание румынских эмигрантов из Австро-Венгрии, и был создан «Комитет буковинских эмигрантов», выступивший за объединение Буковины и Трансильвании с Румынией.

В свою очередь, украинские лидеры продолжали настаивать на своем видении будущего переустройства Буковины. Различное видение будущего Буковины украинскими и румынскими лидерами привело к тому, что попытки переговоров между ними не привели к успеху. Депутат австрийского парламента Исопескул-Грукул признавал право украинцев только на 4 повета Буковины без Черновцов. Другой депутат А. Ончул отстаивал идею разделения края по этническому принципу, а Черновцы предлагал оставить под совместным контролем. Я. Флондор считал, что вся Буковина должна быть присоединена к Румынии. При этом Исопескул-Грукул, А. Ончул и ряд других румынских политиков отказалась принять участие в собрании 27 октября, которое проводили сторонники Флондора²⁵⁷.

27 октября в Черновцах состоялось народное собрание буковинских румын, объявившее себя учредительным собранием (конституантой) и избравшее Румынский национальный совет Буковины. Собрание постановило: «объединить всю Буковину с остальными румынскими территориями в единое национальное независимое государство и добиваться этой цели в полной солидарности с румынами Трансильвании и Венгрии». При этом собрание высказалось против попыток разрушения целостности Буковины²⁵⁸.

Украинцы приступили к решительным действиям. 3 ноября 1918 г. в Черновцах состоялось Буковинское народное вече, которое провозгласило воссоединение Северной Буковины с Украиной. 5 ноября на совещании Краевого комитета было решено взять власть в Черновцах в свои руки²⁵⁹.

---

²⁵⁵ Добрянський О. Листопад 1918 р. на Буковині. Ще раз про втрачені можливості // Питання історії України: зб. наук. ст. Т. 11. Чернівці, 2008. С. 65; Резолюція конференції всіх українських партій Буковини стосовно права буковинських українців на самовизначення. 1918 р., жовтня, 13. Чернівці // Добрянський О., Старик В. Змагання за українську державність на Буковині (1915–1921 рр.). Документи і матеріали. Чернівці, 2009. С. 169.

²⁵⁶ Добрянський О. Листопад 1918 р. на Буковині. С. 65.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Піддубний І. Румуни Буковини в житті краю: 1848–1918 рр. // Історична панорама. 2010. Вип. 10. С. 35.

²⁵⁹ Добрянський О. Листопад 1918 р. на Буковині. С. 67.

На следующий день было опубликовано обращение Краевого комитета Украинской национальной рады к населению края. Как говорилось в документе, «старая власть пала и необходимо создать новый орган исполнения государственных функций. К сожалению, усилия украинцев этого края установить власть совместно и во взаимопонимании с представителями других наций не привели к успеху и потому создалось невероятное положение анархии...»²⁶⁰. Рада объявила о том, что принимает управление Черновцами и всеми поветами края, в которых украинское население составляет большинство, а в Черновцах берет «под свою защиту» все центральные учреждения. Об этом украинская делегация сообщила краевому президенту (губернатору) графу Й. фон Эцдорфу. Однако тот заявил, что он может передать власть украинцам только вместе с румынами²⁶¹. Переговоры Эцдорфа с Я. Флондором не имели результатов: он не соглашался на раздел Буковины. Тогда губернатор принял решение передать власть над румынской частью Буковины А. Ончулу. В протоколе о передаче власти от украинской стороны подписи поставили О. Попович, М. Спиул, И. Семака, от румынской – А. Ончул. Было опубликовано заявление украинских и румынских национальных комиссаров Поповича и Ончула о взятии власти в Буковине. 7 ноября Попович и Ончул приняли присягу государственных чиновников на верность украинской и румынской власти²⁶². Однако удержать власть ни Попович, ни Ончул не смогли.

Румынский национальный совет обратился к правительству Румынии с просьбой прислать военную помощь для поддержки порядка в Буковине. Инициатива перешла к правительству Румынии, принявшему решение об оккупации Буковины, чтобы прекратить анархию и защитить имущество граждан. Попытка Ончула, отправившегося в Яссы, добиться одобрения румынскими властями произошедших на Буковине перемен провалилась. Провалились и попытки Поповича организовать вооруженное сопротивление румынским войскам.

11 ноября Черновцы были заняты румынами, а вся полнота власти перешла к Румынскому национальному совету (РНС). 28 ноября 1918 г. объединительный съезд Румынского национального совета провел решение о безусловном «присоединении Буковины в ее старых границах до Черемоша, Колачина и Днестра к Королевству Румыния»²⁶³. Украинцы и евреи отказались принимать участие в работе съезда. В результате в составе РНС оказались 74 румына, 7 немцев, 6 поляков, и 13 лояльных к Румынии украинцев²⁶⁴.

Правительство ЗУНР выразило протест против оккупации Буковины, совершенной вопреки принципу самоопределения народов²⁶⁵. Невзирая на это, 18 декабря 1918 г. в Париже было поддержано решение о присоединении Северной Буковины к Румынии. В этот же день румынское правительство издало декрет о воссоединении Буковины с Румынией, который 31 декабря был утвержден королем. 10 августа 1920 г. Севрский мирный договор окончательно зафиксировал вхождение всей Буковины в состав Румынии. Документы, подписанные Румынией в рамках Версальской мирной конференции (Договор между союзными силами и Румынией 9 декабря 1919 г. и Договор между Румынией и Великобританией, Францией, Италией,

²⁶⁰ Звернення Української Національної ради – Крайового Комітету Буковини до населення з закликом підтримати новоутворену владу. 1918 р., листопада, 6. Чернівці // *Добрянський О., Старик В.* Змагання за українську державність на Буковині (1915–1921 рр.). Документи і матеріали. С. 246.

²⁶¹ Офіційне інформаційне повідомлення Української Національної Ради про перебрання державної влади над українською частиною Буковини і Чернівцях. 1918 р., листопада, 6. Чернівці // *Добрянський О., Старик В.* Змагання за українську державність на Буковині (1915–1921 рр.). Документи і матеріали. С. 250.

²⁶² *Добрянський О.* Листопад 1918 р. на Буковині. С. 67–69; Повідомлення про перебіг процесу передавання влади представникам українців та румунів австрійським президентом Буковини О. Ецдорфом. 1918 р., листопада, 6. Чернівці // *Добрянський О., Старик В.* Змагання за українську державність на Буковині (1915–1921 рр.). Документи і матеріали. С. 254.

²⁶³ Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 305.

²⁶⁴ *Губань Р.* Вхідження Бессарабії та Північної Буковини до складу Румунії (історико-правовий аспект) // Наукові записки Інституту законодавства Верховної Ради України. 2014. № 2. С. 7.

²⁶⁵ Там же; *Старик В. П.* Від Сараєва до Парижа. Буковинський Interregnum 1914–1921. Чернівці, 2009. С. 33.

Японией 28 октября 1920 г.), предусматривали, чтобы румынская сторона защищала интересы национальных меньшинств, в том числе и этнических украинцев, которые очутились на ее территории в результате заключения этих соглашений²⁶⁶.

---

²⁶⁶ Рендюк Т. Національна політика королівської Румунії у міжвоєнний період та під час Другої світової війни // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки та знахідки: Міжвід. зб. наук. пр. 2010. Вип. 19. С. 141.

§ 5. Образование СССР и объявление курса на украинизацию

После поражения Красной армии под Варшавой в августе 1920 г. и краха попыток «революционизировать» Польшу большевистское руководство перешло к практическим мерам по реализации планов создания союзного государства. Встал вопрос об оформлении отношений РСФСР с образовавшимися советскими республиками, ставший еще более актуальным в начале 1922 г. в связи с подготовкой к Генуэзской конференции. Народный комиссар по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин 10 января написал секретарю ЦК РКП(б) В. М. Молотову письмо, в котором высказал свою точку зрения на состав советской делегации на будущей конференции. Он подчеркнул, что «в протоколе заседания комиссии по подготовке европейской конференции от 9 января выдвинут чрезвычайной важности вопрос о включении братских республик в РСФСР к моменту конференции»²⁶⁷. По его мнению, «момент достаточно благоприятен для проведения этой очень крупной меры без серьезных международных осложнений», и «на конференции следует поставить державы перед свершившимся фактом». «Если мы на конференции заключим договоры как девять параллельных государств, это положение дел будет юридически надолго закреплено, и из этой путаницы возникнут многочисленные затруднения для нас в наших сношениях с Западом»²⁶⁸, – утверждал глава советской дипломатии.

Сталин, ставший к тому моменту генеральным секретарем партии и изучивший состояние работы и настроения периферийных парторганизаций, настаивал на необходимости немедленного изменения существующего порядка отношений «между центром и окраинами». Сталинский проект признавал «целесообразным формальное вступление независимых Советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым и ограничившись принятием договоров с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее»²⁶⁹. Свои мысли по поводу объединения республик Сталин изложил Ленину в письме от 22 сентября 1922 года. Он оценивал сложившуюся ситуацию как «отсутствие всякого порядка и полный хаос», которые тормозят и парализуют «всякую хозяйственную деятельность в общероссийском масштабе». Сталин предлагал выбрать одно из двух: «либо действительная независимость и тогда – невмешательство центра», либо «действительное объединение Советских Республик в одно хозяйственное целое», т. е. «замена фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик в смысле языка, культуры, юстиции, вну[тренних] дел, земледелия и прочее»²⁷⁰. При этом действовать надо было, как говорилось в письме, быстро: если сейчас «речь идет о том, как бы не „обидеть“ националов; через год, вероятно, речь пойдет о том, как бы не вызвать раскол в партии на этой почве»²⁷¹. Причиной такой спешки было не только удобство администрирования, но и партийно-политические соображения. Сталин указывал на существование среди коммунистов большого числа «социал-независимцев», упорно признававших «слова о независимости за чистую монету» и недовольных централизаторской

---

²⁶⁷ Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 87.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ *Сталин И. В.* Проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками. Не ранее 11 августа 1922 г. // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 103; Из истории образования СССР // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 192–193.

²⁷⁰ Письмо И. В. Сталина В. И. Ленину об определении порядка отношений центра с республиками. 22 сентября 1922 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 78.

²⁷¹ Там же.

политикой ЦК партии, объясняя их появление необходимостью «демонстрировать» в период гражданской войны «либерализм Москвы в национальном вопросе»²⁷².

Сталин настаивал на форсированных сроках образования СССР, указывая, что «через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик». Хотя единая партийная система виделась большевикам мощной объединительной силой, Сталин, по-видимому, опасался раскола партии на национальной почве, тем более что в официальных документах по отношению к советским республикам постоянно фигурировали определения «независимый» и «суверенный». Это давало основания республиканским руководителям требовать выполнения декларируемых принципов²⁷³.

26 сентября 1922 г. состоялась беседа Ленина со Сталиным по вопросу об объединении советских республик. В тот же день Ленин написал письмо членам Политбюро ЦК РКП(б), в котором высказался против идеи Сталина об «автономизации» самостоятельных национальных республик и предложил создать СССР. «По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться»²⁷⁴, – писал Ленин. По настоянию Ленина были внесены уточнения в пункты резолюции. Теперь речь шла не о вступлении в РСФСР, а об объединении в СССР советских республик. «Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, „Союз Советских республик Европы и Азии“»²⁷⁵, – настаивал Ленин. Для него было важным, «чтобы мы не давали пищи „независимцам“, не уничтожали их независимости, а создавали еще новый этаж, федерацию равноправных республик»²⁷⁶. Соответствующие изменения Ленин предлагал внести и в другие пункты предлагаемой Сталиным резолюции. Так, он считал необходимым создание общесоюзного ВЦИКа Союза Советских Республик, а наркоматы продовольствия труда и народного хозяйства не формально подчинить директивам соответствующих наркоматов РСФСР, как предлагал Сталин, а слить их по соглашению ВЦИКов²⁷⁷.

Настаивая на корректировке сталинской резолюции, Ленин руководствовался идеей мировой революции. В первые годы после завоевания власти большевики много говорили о «прямом штурме» бастионов капитализма. По воспоминаниям А. А. Андреева, тогда секретаря ВЦСПС, «Владимир Ильич любил иногда до начала заседания Центрального комитета в кругу собравшихся членов ЦК вслух помечтать с большой уверенностью и надеждой о направлении исторического развития и конечной победе социалистической революции». Ленин подходил с карандашом в руке к карте мира и, указывая на колониальные страны, говорил: «Вот где заключена величайшая сила социализма – в его решающей борьбе с капитализмом; здесь будет нанесено еще одно смертельное поражение империализму»²⁷⁸.

В сталинском плане Ленин видел препятствие на пути объединения пролетариев всех стран в единую семью. С наступлением мировой революции федеральное устройство государства сделает возможным присоединение к этому союзу новых республик²⁷⁹. Большевики все-таки рассчитывали на скорую революцию в Германии. Но вступить та сможет лишь в союз советских республик Европы и Азии, а отнюдь не в РСФСР.

²⁷² Там же. С. 78–79.

²⁷³ Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 269.

²⁷⁴ В. Ленин – Л. Каменеву. 26 сентября 1922 г. // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 111.

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Там же. С. 111–112.

²⁷⁸ Никонов В. А. Молотов: Молодость. С. 629.

²⁷⁹ Там же. С. 657.

Ленинский проект «федерализации» одержал победу, однако влияние Сталина на процесс государственного строительства в национальной области было неизменным и весьма значительным. Как и предлагал генсек, самостоятельный статус был оставлен лишь за некоторыми наркоматами (юстиции, внутренних дел, земледелия, просвещения, охраны здоровья и соцобеспечения). Без сомнения, Сталин не оставил попыток претворить в жизнь свою идею о замене «фиктивной независимости» на «внутреннюю автономию республик», пытаясь таким образом возместить ограничение самостоятельности «независимых республик».

В данном случае Сталин действовал как практический политик, ставя во главу угла удобство администрирования и крепость создаваемого образования. Взгляды Ленина же явились выражением широко распространенной в этот период веры в грядущую – причем почти незамедлительно – мировую революцию. Действительно, революции в Германии в ноябре 1918 г., в Венгрии в марте 1919 г. давали на это, казалось бы, все основания. Правда, поведение польских рабочих и крестьян в 1920 г. не укладывалось в готовую схему, но к 1923 г. в Германии интенсивно готовилась новая революция.

В данной ситуации становится понятным не только принцип создания СССР, но и лозунги большевистской национальной политики, призванные революционизировать пролетарские массы соседних (и не только соседних) государств. Сталин в своих работах подчеркивал значение внешнеполитического аспекта. Если в 1921 г. указывалось лишь на «коренное улучшение отношений Турции, Персии, Афганистана, Индии и прочих восточных окраин к России»²⁸⁰, то двумя годами позже речь шла о необходимости «расшевелить, революционизировать» «восточные колониальные и полуколониальные страны», видящие в СССР «знамя освобождения»²⁸¹.

30 декабря 1922 г. на I съезде Советов СССР был принят «Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик». Республикам полагалось иметь свои бюджеты, которые являлись бы составными частями общесоюзного бюджета, при этом перечень доходов и размеров доходных отчислений, идущих на образование бюджетов союзных республик, должен был определять ЦИК Союза²⁸². Устанавливалось единое союзное гражданство, учреждались флаг, герб и государственная печать СССР, признавалось право свободного выхода союзных республик и необходимость внесения изменений в конституции республик в соответствии с договором.

После образования СССР встал вопрос о национальном облике советских республик. С одной стороны, внешнеполитическая угроза со стороны Польши еще далеко не отпала, и контакты польских спецслужб с украинской военной эмиграцией вызывали серьезную озабоченность в Москве²⁸³. С другой стороны, в интересах развития мировой революции стоило продемонстрировать внимательное и эффективное решение национального вопроса в СССР.

Утративший формально силу польско-украинский военно-политический союз продолжался еще не менее года. Несмотря на то что Рижский договор предусматривал отказ сторон

---

²⁸⁰ Сталин И. В. Октябрьская революция и национальная политика русских коммунистов // Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. статей и речей. С. 88–89.

²⁸¹ Сталин И. В. Заключительное слово по организационному отчету ЦК на XII съезде РКП(б) 19 апреля 1923 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 237.

²⁸² Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик // Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик: 1917–1936. Сб. документов. Т. 3. М., 1960. С. 18–22.

²⁸³ Из воспоминаний Андрея Евлампиевича Гречко: «На VII Всеукраинском съезде Советов делегация Каменец-Подольской губернии внесла запрос правительству Украины, какие меры принимает правительство против панской Польши, которая проводит против Украины так званую (так в тексте. – Е. Б.) политику булавочных уколов, забрасывая на нашу территорию разные банды. После запроса председательствовавший на съезде товарищ Петровский предоставил слово делегату съезда Г. И. Котовскому. Подходя к трибуне, сделав саблей кавалерийский салют, сабля словно сияние закружилась поверх головы товарища Котовского, а Котовский в форме Красного казачества, очень крепкий и крупный человек, в упор посмотрев в ложу, где находился польский консул, и, обернувшись к президиуму, громко потребовал: „Прикажите, и моя конница, не замочив копыт в Збруе (так в тексте. – Е. Б.), прочит панов и покажет ему красного казака“». – ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 308. Л. 11.

от поддержки враждебных друг другу организаций на своей территории, из интернированных украинцев при содействии польских спецслужб были созданы отряды. Целью их было вторжение на Украину, чтобы поднять там восстание. Это и произошло в октябре-ноябре 1921 года. Хотя первоначальные планы польских спецслужб потерпели неудачу, лагеря для интернированных военнослужащих УНР просуществовали в Польше до 1924 года²⁸⁴. По данным польских государственных регистрационных органов, общая численность украинской эмиграции в конце 1920 г. составляла 43 тыс. человек²⁸⁵. При этом в Польше нашли пристанище и многие украинские политики. На границе не прекращались вооруженные инциденты с участием проникавших с территории Польши бандитских формирований. Между Москвой и Варшавой велась продолжительная дипломатическая переписка со взаимными обвинениями в нарушении условий договора²⁸⁶.

Одновременно Варшава стремилась превратить временную оккупацию Восточной Галиции в официально признанное вхождение региона в состав II Речи Посполитой. 15 февраля 1923 г. Польша обратилась в Совет послов с данным вопросом, сославшись на соответствующую статью Версальского мирного договора, по которой США, Великобритания, Франция, Италия и Япония оговорили за собой право определить границу Польши на востоке²⁸⁷. Политический комитет Совета министров Польши в своем постановлении от 10 марта 1923 г. констатировал: «Польская республика никогда и ни под каким условием не откажется от своих полных суверенных прав на всю территорию б. Галиции, так как это было бы для нее равносильно лишению государства элементарных основ существования и обороноспособности»²⁸⁸. Дипломатические усилия Польши увенчались успехом, и 14 марта в Париже Совет послов стран Антанты признал за ней все права верховной власти над территориями, границы которых были определены Рижским мирным договором. Советская сторона пыталась протестовать. 13 марта (накануне принятия решения Советом послов) правительство УССР приняло ноту правительствам Франции, Великобритании и Италии, в которой решительно возражало против любого решения судьбы территорий, непосредственно граничащих с Украиной, без его участия. В ноте указывалось, что в Восточной Галиции «3/4 населения составляют украинцы», что ее оккупация польскими властями и войсками является актом насилия, и население «всеми средствами сопротивляется новому насилию над его правами и свободами»: «Отказ украинского населения принять участие в выборах, толпы украинцев и других галичан, перебегающих на территорию соседних с Польшей государств, чтобы не подвергнуться набору в польские войска, частичные восстания, охватившие целые районы Восточной Галиции, – все это свидетельствует о решительном протесте Восточной Галиции против аннексионистской политики Польши»²⁸⁹.

Между тем оставалась довольно сложной и внутривосточная ситуация в стране Советов. По оценке ГПУ, на Украине был активен политический бандитизм. «Переходящие на Украину и частью в Гомельскую и Брянскую губернии банды из Польши и Румынии терроризируют партработников и готовят восстание, предполагаемое на 1 июня или 10 июля, ко времени жатвы, – говорилось в обзоре политэкономического состояния СССР за апрель-

²⁸⁴ Матвеев Г. Ф. Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период. С. 240–241.

²⁸⁵ Троцицкий В. П. Міжвоєнна українська еміграція в Європі як історичне і соціально-політичне явище. Київ, 1994. С. 20.

²⁸⁶ См. подробнее: Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. II: 1921–1924. М., 1944. С. 88–140, 263, 742, 774, 805–809.

²⁸⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 6: 20 ноября 1922 г. – 31 декабря 1923 г. М., 1962. С. 615.

²⁸⁸ Постановление Политического комитета Совета министров Польши 10 марта 1923 г. // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 4: Апрель 1921 – май 1926. М., 1966. С. 221.

²⁸⁹ Нота Правительства УССР Правительствам Франции, Великобритании, Италии 13 марта 1923 г. // Документы внешней политики СССР Т. 6: 20 ноября 1922 г. – 31 декабря 1923 г. С. 224–225.

май 1923 г. – На состоявшемся в Тарлове съезде представителей всех банд присутствовали: Петлюра, Тютюник, генерал Янченко, англичане и французы, причем последние обещают подвезти бандитам через Польшу 500 000 комплектов обмундирования, а англичане – амуницию и боеприпасы»²⁹⁰. Особенно активно банды действовали в Волынской, Подольской, Киевской, Екатеринославской, Харьковской и Полтавской губерниях. Всего же на Украине весной 1923 г., как говорилось в отчетах ГПУ, было 57 банд²⁹¹.

В этой ситуации решение национального вопроса в только что созданном СССР приобрело особую актуальность. После I съезда Советов Союза ССР встал вопрос о сосуществовании народов в созданном многонациональном государстве. Этот вопрос должен был решить XII съезд партии в апреле 1923 г. Доклад по 6-му пункту повестки дня «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» сделал И. В. Сталин. Прежде всего, генсек подчеркнул международное значение правильного разрешения национального вопроса в Советском Союзе. На СССР смотрят «как на опытное поле», и установление братских отношений между народами будет иметь «притягательную силу», а Союз станет «знаменем освобождения», примером для подражания²⁹². Внутреннее же значение национального вопроса, согласно Сталину, связано с большим удельным весом «ранее угнетенных национальностей», которые «занимают наиболее нужные для хозяйственного развития районы и наиболее важные с точки зрения военной стратегии пункты»²⁹³. К тому же в связи с введением нэпа возвращаются две силы – великорусский шовинизм и шовинизм местный²⁹⁴. Поэтому большевики имеют дело «с вопросом об установлении правильных взаимоотношений между пролетариатом бывшей державной нации, представляющим наиболее культурный слой пролетариата всей нашей федерации, и крестьянством, по преимуществу крестьянством ранее угнетенных национальностей»²⁹⁵.

Преодолеть основные негативные факторы («великорусский шовинизм, фактическое неравенство наций и национализм местный») Сталин предлагал тремя средствами. Первое из них заключалось в том, чтобы «принять все меры к тому, чтобы Советская власть в республиках стала понятной и родной, чтобы Советская власть была у нас не только русской, но и межнациональной». Для этого Сталин предлагал, чтобы «не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс, чтобы они функционировали в условиях, соответствующих быту данного народа»²⁹⁶. Второе средство для «безболезненного изживания наследия, полученного от царизма и от буржуазии», – совершенствование органов управления, т. е. создание такой конструкции комиссариатов в Союзе, «которая бы дала возможность по крайней мере основным национальностям иметь своих людей в составе коллегий и которая создала бы такую обстановку, когда нужды и потребности отдельных республик безусловно удовлетворялись бы»²⁹⁷. Наконец, третье средство Сталин видел в создании в составе высших центральных органов такого, «который служил бы отражением нужд и потребностей всех без исключения республик и национальностей»²⁹⁸.

Решения XII съезда положили официальное начало проведению так называемой политики коренизации партийного и советского аппаратов в национальных республиках. Предпри-

²⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 177. Л. 195.

²⁹¹ Там же. Л. 196.

²⁹² *Сталин И. В.* Заключительное слово по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 25 апреля 1923 г. // *Сталин И. В. Сочинения.* Т. 5. М., 1947. С. 238.

²⁹³ Там же. С. 238.

²⁹⁴ Там же. С. 239.

²⁹⁵ Там же. С. 240.

²⁹⁶ Там же. С. 257.

²⁹⁷ Там же. С. 258.

²⁹⁸ Там же. С. 258.

нятый большевистским руководством курс на коренизацию предполагал существенное изменение социальной и культурной жизни национальных республик. Прежде всего, речь шла о выдвижении представителей «коренной национальности» на руководящие партийные и советские посты, преследующем цель создания национальной советской партийной элиты.

Помимо этого, большевистская политика была ориентирована на расширение сферы применения украинского языка. Правовые акты существенно изменили статус украинского языка, не просто «легализовав» его, но предоставив ему даже определенное преимущество. По справедливой оценке О. А. Остапчук, «политика украинизации стала самым масштабным языковым экспериментом, продемонстрировав возможности активного воздействия на языковые процессы, причем как внешние, связанные с функционированием языков, так и внутренние, затрагивающие глубинные основы языка»²⁹⁹.

Таким образом, коренизация была ориентирована на подготовку национальных кадров и их выдвижение на руководящие посты, что закладывало основу для формирования этнической республиканской элиты, включавшей, помимо партийных функционеров и управленцев, представителей научной и творческой интеллигенции. Как справедливо замечают украинские специалисты, в результате украинизации изменилась мотивация использования украинского языка: если раньше она носила в основном культурный характер, то теперь присутствовал и политический аспект³⁰⁰. Действительно, национальная принадлежность стала одним из условий успешной карьеры. Чтобы занять определенную должность или положение, следовало знать украинский язык, а еще лучше – быть украинцем по происхождению. Все это приводило к тому, что формирующаяся бюрократия, фактически монополизировавшая право на подбор кадров низшего и среднего звена республиканского аппарата управления, приобрела национальный характер.

* * *

После распада Российской империи и Австро-Венгрии «украинский вопрос» оказался в центре внимания различных политических сил, выработывавших собственные программы переустройства постимперского пространства. Лидеры украинского движения сделали попытку создать независимое государство и изменить существующую этнокультурную ситуацию путем проведения политики украинизации. Для них проблема государственного строительства была тесно связана с вопросом о статусе украинского языка, который представлялся одной из определяющих черт самостоятельной украинской нации. Именно поэтому украинские деятели основное внимание уделяли языковой и образовательной политике возникших украинских государств. Однако существование УНР, ЗУНР, Украинской Державы оказалось недолговечным: земли с украинским населением оказались в поле стратегических расчетов новых национальных государств, и в результате они оказались в составе межвоенных Польши, Чехословакии и Румынии. Версальская система предусматривала защиту интересов национальных меньшинств, однако на практике национальные правительства отнюдь не торопились выполнять взятые на себя обязательства и тем более реализовывать политику автономизации украинских земель.

Между тем украинское государственное образование было создано в рамках федеративного советского государства, причем большевистским руководством под влиянием ряда внутренних и внешних факторов был предпринят курс на украинизацию. С одной стороны, большевики постоянно говорили о праве наций на самоопределение, о равноправии украинского языка и культуры, с другой стороны, надеялись на тесное сосуществование украинской и рос-

---

²⁹⁹ На путях становления украинской и белорусской нации: факторы, механизмы, соотнесения. М., 2004. С. 210.

³⁰⁰ «Українізація» 1920-30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 184.

сийской республик. В этой ситуации внешний фактор оказывал весьма ощутимое влияние на формирование стратегической линии большевистского руководства в национальном вопросе. Весной – осенью 1919 г., пока Парижская мирная конференция активно обсуждала проблемы восточных границ Польши, а польско-украинский конфликт был далек от своего урегулирования, большевики ориентировались на временный характер созданной Украинской ССР и дальнейшее ее присоединение к РСФСР. Однако когда на рубеже 1919–1920 гг. Польша окончательно избрала активный вариант своей восточной политики, ситуация для большевиков в корне изменилась: они реально опасались утратить Украину в случае активных действий II Речи Посполитой и намеревались предотвратить такую угрозу умелыми действиями в сфере национальной политики. Украина должна была стать образцовой советской республикой, привлекающей симпатии западноукраинского населения. Большевики вынуждены были поддержать лозунг независимого украинского государства, конечно, в единственно приемлемой для них советской форме. Дальнейшие их шаги вольно или невольно были направлены на придание этому государственному образованию, национальному по форме, соответствующего содержания.

Глава 2

Украинская проблема в межвоенный период и методы ее решения в политике Польши, Чехословакии, Румынии (1920 – середина 1930-х гг.)

§ 1. Украинская политика Польши: национальная или государственная ассимиляция

Межвоенная Польша была страной многонациональной. Программа первой польской переписи 1921 г. содержала пункт о национальности или «народной принадлежности» жителей и их вероисповедании. Однако из программы переписи 1931 г. этот показатель был исключен: регистрировали родной язык и конфессию жителей³⁰¹. Польские власти предпочитали использовать термины «русины», «русинский», «русский» («*rusini*», «*rusiński*», «*ruski*») вместо «украинцы» и «украинский»³⁰². Следует учитывать, что многие украинцы из районов со смешанным населением объявляли своим родным языком польский³⁰³. Так, удельный вес украиноязычного населения во всей Галиции в 1931 г. составил 33,9 %, греко-католиков – 39,2 %. Численность греко-католиков с польским языком составила в 1931 г. 487 тыс. человек, римо-католиков с украинским языком – 25,5 тыс. человек³⁰⁴.

В целом по переписи 1931 г. в Польше насчитывалось 14 % населения, считавшего родным украинский и русинский языки. При этом на Волыни они составляли 68 % населения, во Львовском воеводстве – 34,1 % населения, в Станиславском – 69 %, в Тарнопольском – 45,5 %³⁰⁵. Украинское население проживало в основном в сельской местности, обычно его часть в городском населении не превышала 35 %. Во Львове в 1931 г. из 312 тыс. жителей было 50 тыс. украинцев (16 %) ³⁰⁶.

Добиваясь международного признания на Парижской мирной конференции, 28 июня 1919 г. Польша подписала в Версале договор с основными союзными державами (США, Великобритания, Франция, Италия и Япония), по которому брала обязательства в отношении национальных меньшинств. Все польские граждане независимо от расы, языка или религии должны были быть равными перед законом и могли пользоваться всеми гражданскими и политическими правами, в том числе свободно употреблять любой язык в частных или коммерческих делах, в религиозных делах, в прессе, в публикациях любого рода или на публичных собраниях. В городах и поветах, где значительное число граждан пользовалось другим языком, нежели польский, польское правительство должно было регулировать вопросы народного просвещения и обеспечивать в школах обучение на родном языке³⁰⁷.

Буквально накануне подписания в Риге мирного договора с РСФСР и УССР, который также предусматривал защиту прав украинцев, проживавших в Польше, 17 марта 1921 г. была

---

³⁰¹ Кабузан В. М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. М., С. 362.

³⁰² Mironowicz E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu państwoczo-polskiego. Białystok, 2007. S. 188–189.

³⁰³ Кабузан В. М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. С. 362.

³⁰⁴ Там же. С. 363.

³⁰⁵ Ольховский С. В. Основные тенденции развития украинского национального движения в межвоенной Польше // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4. С. 272.

³⁰⁶ Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси. Київ, 2012. С. 265.

³⁰⁷ Гаврецька М. Е. Правовий режим української мови за конституційними актами Республіки Польща (Другої Речі Посполитої) // Часопис Київського університету права. 2013. № 2. С. 48–49.

принята Конституция Польши. В основном законе подчеркивалось, что государство, в первую очередь, было создано для защиты интересов каждого человека, гарантировалось обеспечение широких свобод для экономической, политической, национальной и культурной деятельности граждан. Конституция содержала формальные гарантии национальным меньшинствам (сохранение национального языка и свободного развития собственной культуры, свободного использования языка в учебных заведениях и т. п.)³⁰⁸.

26 сентября 1922 г. польским сеймом был принят закон «Об основах общего воеводского самоуправления и в частности воеводств Львовского, Тарнопольского и Станиславского». В документе говорилось, что власти, в том числе судебные, использовавшие во внутреннем производстве польский язык, обязаны были отвечать на заявления сторон на их языке, то есть по-польски или по-русински. Власти самоуправления самостоятельно определяли язык внутреннего делопроизводства. Язык преподавания в школах, которые содержались одной из палат воеводского сеймика, определялся той же палатой. Воеводские законы и различные решения должны были оглашаться на польском и русинском языках. Законы, распоряжения и другие государственные акты должны были издаваться в воеводствах также и на русинском языке³⁰⁹.

Статьями закона не предусматривалось создание при министерстве по делам религии и образования специального департамента по делам греко-католической церкви и украинской школы, который возглавил бы украинец, как это предполагалось в проекте закона о воеводской автономии, опубликованном в сентябре 1922 г. в газете «Діло»³¹⁰.

Следует отметить, что выделение Львовского, Тарнопольского и Станиславского воеводств в законе о воеводском самоуправлении было не случайным. Уровень национального самосознания восточнославянского населения в восточных регионах Польши был различным. Так, в Восточной Галиции большое развитие получило украинское национальное движение, свидетельством чему было стремление к созданию собственного украинского государства после распада Австрийской империи. Иная ситуация сложилась на Волыни и Полесье, которые входили ранее в состав Российской империи. Устойчивое национальное самосознание не признавалось отличительной чертой местного населения. Так, по результатам переписи 1931 г. 700 тысяч жителей Полесья указали «тутейший» язык в качестве родного³¹¹. Активной деятельности украинских общественных и политических организаций на Волыни, в отличие от Восточной Галиции, в начале 1920-х гг. не наблюдалось.

Между тем украинское национальное движение в 1920-1930-е гг., базой которого были восточногалицийские земли, приобрело значительный размах и состояло из политических организаций различной направленности. Социалистическое крыло было представлено Украинской социал-радикальной партией и Украинской социал-демократической партией, консервативно-христианское направление – Украинским национальным обновлением и Украинским католическим союзом. Праворадикальные позиции занимала Организация украинских националистов (ОУН), образованная на базе Украинской военной организации (УВО) в 1929 г. Леворадикальные позиции занимала Коммунистическая партия Восточной Галиции (с 1923 г. – Коммунистическая партия Западной Украины).

Ведущие позиции в национальном движении занимало центристское Украинское национально-демократическое объединение (УНДО), которое вышло на политическую арену в 1925 г. На учредительном съезде этой структуры во Львове 11 июля 1925 г. говорилось, что главной задачей УНДО является объединение украинской нации в Польше в политическую организацию, говорилось также о национальном единстве всего украинского народа и стремлении

³⁰⁸ Dziennik Ustaw. RP 1921. Nr 44. Poz. 267.

³⁰⁹ Dziennik Ustaw. RP 1922. Nr 90. Poz. 829.

³¹⁰ Гаврецька М. Е. Правовий режим української мови за конституційними актами Республіки Польща (Другої Речі Посполитої). С. 49–50.

³¹¹ Ольховський С. В. Основные тенденции развития украинского национального движения в межвоенной Польше. С. 273.

к созданию соборного независимого украинского государства на всех украинских землях. На съезде 19–20 ноября 1926 г. политическая платформа партии была несколько изменена: смягчалось негативное отношение к Польше – из программы был исключен пункт о невозможности юридического признания польской власти на западноукраинских землях, зато выдвигался лозунг самоуправления³¹². УНДО стремилось активно добиваться прав для украинцев, но исключительно мирным путем, в первую очередь парламентским, объединение имело большое влияние в образовательных учреждениях и кооперативном движении, издавало собственную прессу, в первую очередь газету «Діло». Члены УНДО стояли во главе крупных культурных и хозяйственных организаций: «Просвиты», «Родной школы», «Ревизионного союза украинских кооперативов», «Центробанка» и др.

Сильные позиции в украинском национальном движении занимала греко-католическая церковь. Митрополит Галицкий А. Шептицкий оказывал финансовую поддержку УНДО. Многие униатские священники сотрудничали с Организацией украинских националистов. Станиславский епископ Г. Хомишин принимал активное участие в создании в середине 1920-х гг. партии «Украинское национальное обновление». А. Шептицкому и Г. Хомишину принадлежало 80 % уставного капитала самого большого украинского банка – ипотечного банка «Дністр», формально контролировавшегося членами УНДО³¹³.

Впрочем, помимо украинского, на территории Восточной Галиции по-прежнему присутствовало и русофильское движение³¹⁴. В 1919 г. возникла Галицко-русская народная организация, отличавшаяся пророссийскими и пропольскими симпатиями. В 1923 г. организация раскололась. Правые образовали Русскую народную организацию (РНО), требовавшую автономию русским землям в Польше. В 1928 г. РНО была преобразована в Русскую селянскую (крестьянскую) организацию. Для РСО были характерны прорусские, православные, антипольские и антиукраинские взгляды³¹⁵.

Значительную роль в общественно-политической жизни играла образованная в 1919 г. в Станиславе Коммунистическая партия Восточной Галиции (КПВГ). Одни лидеры КПВГ были сторонниками объединения с Коммунистической рабочей партией Польши, другие же всячески противились этому процессу, одновременно отстаивая лозунги борьбы за объединение западноукраинских земель с Советской Украиной. В 1923 г., после того, как Совет послов Антанты признал за Польшей все права верховной власти над территориями, границы которых были определены Рижским мирным договором, вопрос об отношении двух партий был решен. В сентябре 1923 г. II съезд Коммунистической рабочей партии Польши принял ряд документов, в которых речь шла о борьбе с политикой национального угнетения. Партия признавала: «Народам, силой включенным в состав Польского государства, третируемым и угнетаемым, II съезд КРПП гарантирует поддержку польских трудящихся масс в борьбе этих народов за национальное освобождение и за право свободно решать свою судьбу»³¹⁶. Речь шла о «полной национальной свободе украинцев» и их праве «на соединение с братьями, находящимися по другую сторону пограничных столбов»³¹⁷, на «объединение с трудящимся народом Советской Украины»³¹⁸.

³¹² Давидюк Р. П. Еволюція національно-демократичного руху на Волині у 20-х рр. XX ст. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. 2012. Вип. 23. С. 206.

³¹³ Федевич К. К. Галицькі українці у Польщі 1920–1939 (Інтеграція галицьких українців до Польської держави у 1920-1930-ті рр.). Київ, 2009. С. 56–59.

³¹⁴ См., напр., схему организаций: Moklak J. Łemkowszczyzna w Drugiej Rzeczypospolitej: Zagadnienia polityczne i wyznaniowe. Kraków, 1997. S. 44.

³¹⁵ Матвеев Г. Ф. Русинский вопрос в Чехословакии и Польше в межвоенные годы // Карпатские русины в славянском мире: актуальные проблемы. Материалы международного научного круглого стола. М.; Братислава, 2009. С. 97.

³¹⁶ Обращение II съезда Коммунистической рабочей партии Польши ко всему трудовому народу // Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны. Материалы и документы. М., 1955. С. 62.

³¹⁷ Там же.

После этого Коммунистическая партия Восточной Галиции была переименована в Коммунистическую партию Западной Украины (КПЗУ), деятельность которой распространялась на территорию Волыни, Полесья, Подляшья, Холмщины. КПЗУ присоединилась к КРПП на правах автономной части. Западноукраинские коммунисты выдвинули лозунг воссоединения западноукраинских земель с Советской Украиной путем социалистической революции в Польше. В январе 1924 г. ЦК КПЗУ выпустило обращение к рабочим и крестьянам Западной Украины, в котором говорилось: «II съезд КРПП еще раз показал, что революционный польский пролетариат не только не хочет притеснять пролетариат других народов, но залогом своего освобождения считает освобождение трудящихся других народностей. Съезд указывает им прямую дорогу к соединению со своими братьями-пролетариями, которых империалистическая буржуазия разделила границей»³¹⁹. В 1924 г. польские власти запретили деятельность компартии, ее члены ушли в подполье.

В 1926 г. по инициативе КПЗУ была создана партия «Сельроб» («Українське селянсько-робітничє соціалістичне об'єднання»), целью которой была борьба за социализм, за «равные права для всех граждан, независимо от пола, расы, национальности и религии, за полную свободу слова, совести, печати, за свободу собраний и организаций, профсоюзов работающих сел и городов, за свободу забастовок»³²⁰. Раскол КПЗУ повлиял и на деятельность Сельроба. Осенью 1927 г. партия раскололась, часть ее членов создала организацию Сельроб-левица, которая поддерживала политическую линию Сталина и Кагановича, проводимую в УССР. В мае 1928 г. состоялось объединение расколотых групп под названием Украинское крестьянско-рабочее социалистическое единство (Сельроб-единство) и принята декларация единства. Сельроб-единство стояло на позициях КП(б)У.

В первые годы после включения западноукраинских земель в состав Польши, несмотря на включенные в мартовскую конституцию положения о правах национальных меньшинств, украинские партии Галиции демонстрировали непримиримое отношение к властям. Практически все эти партии, за исключением небольшой организации «хлеборобов», призывали к бойкоту переписи населения в 1921 г. и выборов в парламент в ноябре 1922 года. Подобная позиция заставила польские власти обратить особое внимание на «украинский вопрос». Принятые законодательные акты должны были составить сильную основу для национальной политики польского государства. Но, как отмечает Г. Ф. Матвеев, «предложенная в 1921 г. Польше модель демократии не имела под собой прочного фундамента, обществу еще только предстояло научиться жить в условиях непрерывного консенсуса между устремлениями отдельных социальных и национальных групп населения. Без этого власть становилась инструментом реализации интересов не общества в целом, а отдельных партий...»³²¹.

В течение 1923–1926 гг. в правительственных коалициях доминировали эндеки. Несмотря на закреплённый в конституции многонациональный характер государства, национальные демократы сохранили свою приверженность созданию государства только для этнических поляков³²². Правые партии и центристы придерживались концепции национальной ассимиляции, т. е. фактически полонизации меньшинств. Сторонники Пилсудского и левые партии были приверженцами концепции государственной ассимиляции, т. е. готовы были обеспечить

---

³¹⁸ Пролетариат Польши – руководитель и защитник интересов всей нации // Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны. Материалы и документы. С. 52.

³¹⁹ Відозва ЦК КПЗУ до трудящих з закликом боротися за воз'єднання Західної України з Радянською Україною. Січень 1924 р. // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. У 2 ч. Ч. 2. Київ, 1997. С. 43.

³²⁰ *Пиріг М.* Становлення та організаційні принципи діяльності Українського селянсько-робітничого соціалістичного об'єднання (Сельроб) у 1926–1928 роках // Мандрівцев. 2013. № 4. С. 32.

³²¹ Польша в XX веке: Очерки политической истории. М., 2012. С. 136–137.

³²² Там же. С. 137.

национальным меньшинствам свободу культурного и экономического развития в обмен на политическую лояльность Польше³²³.

Политика польских властей первой половины 1920-х гг. преследовала цели инкорпорации украинского населения в польской среде. Прежде всего, предпринимались усилия для предотвращения влияния на украинское население приверженцев советской идеи: после 1923 г. часть украинского общества видела в УССР силу, способную реализовать идею соборной государственности: советофильство стало одной из ведущих тенденций общественной жизни середины 1920-х гг.³²⁴ Нерешенный национальный вопрос в Польше создавал благоприятные условия для пропаганды польских и западноукраинских левых партий, активно поддерживаемых советским руководством. Кроме того, в начале 1920-х гг. как на территории Польши, так и на территории Советской Украины действовали партизанские и диверсионные отряды. В 1924 г. польскими властями был учрежден Корпус пограничной охраны, началось обустройство границы для борьбы с партизанским движением в украинских и белорусских землях, которое поддерживали советские республики.

Кроме того, правительство стремилось усилить польское присутствие на украинских землях, для чего туда были направлены польские военные и гражданские колонисты («осадники»), пользовавшиеся финансовыми субсидиями правительства. В июле 1919 г. сейм одобрил принципы проведения аграрной реформы, а через год утвердил соответствующий закон, предусматривавший парцелляцию государственных земель, части помещичьих земель и др. Если в центральных воеводствах II Речи Посполитой норма земли, которая не подлежала принудительному выкупу, составляла 60-180 гектаров, то для восточных – до 400 гектаров. С сентября 1919 г. по июнь 1920 г. на 69 тыс. гектаров земли Восточной Галиции были поселены 12 тыс. польских семей (около 60 тыс. человек). В декабре 1920 г. были приняты законы, предусматривавшие заселение военными колонистами земель Волынского воеводства и передачу в бесплатное пользование до 45 гектаров земли бывшим военным. Эти вновь созданные хозяйства нельзя было ни продавать, ни передавать другим лицам без разрешения правительства в течение 25 лет.

К январю 1923 г. на восточных землях Польши поселилось 16 тыс. польских семей, которые прибыли из Западной Галиции, привлеченные выгодными условиями, государственными кредитами и другими льготами. 4 марта 1923 г. сейм временно прекратил военную колонизацию, а 20 июня 1924 г. принял закон, который давал право покупать землю «на кресах» не только полякам, но и лицам других национальностей, при условии, что они «не были наказаны за преступления перед польским государством». В итоге землю в юго-восточных территориях Польши получили 75 % поляков и 25 % украинцев. Одобренный 28 декабря 1925 г. сеймом закон об аграрной реформе предусматривал продолжение политики колонизации «на кресах». В целом за 1919–1929 гг. было создано свыше 77 тыс. польских хозяйств (600 тыс. га земли)³²⁵.

Важное значение для восточнославянского населения имела языковая политика польских властей. В 1924 г. были приняты так называемые «кресовые законы», определившие принципы организации школьного дела в Польше и правила использования языков в различных организациях. 31 июля польский сейм утвердил законы «О языке государственной и местной администрации», «О языке судов, прокурорских органов и нотариата», «О некоторых постановлениях в организации школьного дела». Действия законов распространялись на Львовское, Станиславское, Тарнопольское и Волынское воеводства. Инициатор школьного закона, министр по делам религии и образования С. Грабский заявил, что так называемые

---

³²³ *Ольховский С. В.* Основные тенденции развития украинского национального движения в межвоенной Польше. С. 276.

³²⁴ *Соляр І. Я.* Радянофіліство у Західній Україні // Український історичний журнал. 2009. № 1. С. 55–56.

³²⁵ *Вербова О. С.* Аграрна політика польської держави міжвоєнного періоду та українське питання // Науковий вісник Національного лісотехнічного університету України: зб. наук.-техн. пр. Вип. 18. Львів, 2008. С. 128–130.

«кресовые законы» обусловлены признанием того факта, что, «во-первых, Речь Посполитая является польским государством, во-вторых, что в границах Речи Посполитой нет ни одного лоскутка земли или национальности, принудительно присоединенной к польскому государству»³²⁶.

На территории Польши государственным языком объявлялся польский, он использовался государственно-административными органами и органами самоуправления, учреждениями связи и на железнодорожном транспорте. Представители национальных меньшинств имели право пользоваться родным языком в общении с государственными и административными органами, вести документацию в учреждениях местного самоуправления позволялось двумя языками. Школьный закон предусматривал плебисцит родителей учеников о языке обучения. Преподавание украинского языка вводили в школе лишь тогда, когда община насчитывала не менее 25 % украинского населения и если родители не менее 40 учеников подавали соответствующие просьбы-декларации. Однако в том случае, когда набиралось 20 учеников, родители которых хотели учить детей государственным польским языком, то такая школа становилась двуязычной. Во всех других случаях школы переходили на польский язык обучения. Для открытия средних школ с украинским языком требовали декларации от родителей 150 учеников³²⁷. Организацией и проведением школьных плебисцитов занималось общество «Родная школа» под руководством центрального и местных комитетов УНДО, причем объединение фиксировало названия населенных пунктов, где местная власть сопротивлялась сбору деклараций и утверждению подписей³²⁸.

Несмотря на предпринятые активистами украинского движения усилия, после принятия этого закона резко сократилось число национальных школ, что, естественно, вызывало недовольство среди украинцев. Еще в 1923 г. была закрыта украинская мужская гимназия во Львове, а затем были превращены в двуязычные учебные заведения женские учительские семинарии в Перемышле и Львове. Кроме того, польские власти стремились переселить учителей-украинцев из Восточной Галиции в Западную и в центральные районы Польши. За несколько лет из Восточной Галиции было перемещено 1,5 тыс. учителей-украинцев, а 2,5 тыс. уволено с работы³²⁹. На территории Западной Украины в 1935 г. в целом среди учителей было 77,7 % поляков, 21,67 % украинцев, 0,03 % немцев, 0,6 % евреев³³⁰. В 1924/1925 учебном году в Львовском, Станиславском и Тарнопольском воеводствах было 2568 польских школ, 2151 украинских и 9 двуязычных. В 1929/1930 учебном году на территории этих воеводств стало 2189 польских школ, 648 украинских и 1793 двуязычных³³¹. Почти треть украинских детей вообще оставалась вне школы: в 1931 г. в восточных регионах свыше 38 % жителей старше 10 лет было неграмотным³³².

Болезненным оставался вопрос об украинском университете. Закон о самоуправлении 1922 г. предусматривал открытие украинского (русинского) университета, однако польские власти чрезвычайно осторожно подходили к этому вопросу и не торопились принимать окончательное решение. В польском сейме и правительстве существовало несколько проектов, предлагавших различные пути разрешения вопроса об украинском университете: создать уни-

³²⁶ *Нагірняк А. Я.* Особливості антиукраїнської політики Польської влади в Галичині у 1920-х рр. // Вісник Національного університету «Львівська політехніка»: збірник. Вип. 652: Держава та армія. Львів, 2009. С. 113.

³²⁷ *Мосійчук Т.* Боротьба УНДО з утравкізацією освіти в Галичині // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 23. Львів, 2013. С. 467.

³²⁸ Там же. С. 469–470.

³²⁹ *Гетьманчук М. П.* Між Москвою та Варшавою: українське питання у радянсько-польських відносинах міжвоєнного періоду. Львів, 2008. С. 241.

³³⁰ Там же. С. 243.

³³¹ *Mironowicz E.* Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. Białystok, 2007. S. 144.

³³² *Калакура О. Я.* Поляки в етнополітичних процесах на землях України у XX столітті. Київ, 2007. С. 266.

верситет с украинским языком обучения в Станиславе, перенести в Польшу Украинский университет из Праги, организовать курсы для украинской молодежи при Варшавском университете, образовать соответствующий институт при Львовском университете или же перенести идею его создания в Ягеллонский университет в Кракове³³³.

Политика в области образования вызывала возмущение украинской общественности. «Не будет преувеличением сказать, что именно борьбе за язык и школу мы обязаны враждебности к Польше и полякам со стороны украинской молодежи, которая на территории Восточной Малой Польши охвачена враждебными настроениями на 100 %»³³⁴, – считали специалисты из отдела национальностей польского МВД. Для польских властей ситуация обострялась тем, что деятели украинского движения внимательно следили за происходящими на Советской Украине событиями. Д. Левицкий, глава УНДО, в феврале 1925 г. в газете «Діло» признавал: «Как демократы, мы были, есть и будем противниками всякой диктатуры и, в частности, никогда не примиримся с основами большевистского режима, опирающегося фактически на диктаторское господство одной официальной партии. <...> Но фиксируя факты, мы не можем видеть одни из них и пренебрегать другими. И потому мы утверждаем всем давно известный и никем не оспариваемый факт, что на Советской Украине растет, крепнет и развивается украинская национальная идея, и вместе с ростом этой идеи – чуждые рамки фиктивной украинской государственности наполняются родным содержанием подлинной государственности»³³⁵.

После переворота Ю. Пилсудского в мае 1926 г. политика польского правительства по национальному вопросу подверглась корректировке. При этом национальная политика санации отличалась и от федералистской программы периода становления независимого государства. Как считает польский историк Е. Миронович, Ю. Пилсудский, хотя и выражал симпатию к украинцам, был убежденным сторонником интеграции всех земель польского государства, а уступки в интересах национальных меньшинств признавал потенциальным источником роста сепаратистских настроений³³⁶.

По словам российского ученого С. В. Ольховского, основная линия национальной политики была направлена на реализацию программы государственной ассимиляции, приоритет отдавался концепции государственного солидаризма, предполагающей верховенство государственных интересов над интересами граждан, независимо от их национальной принадлежности. Декларация об уважении к правам национальных меньшинств соседствовала с допущением силовых действий по отношению к лицам, замеченным в антигосударственной деятельности³³⁷.

Новые тенденции проявились в появлении на ответственных постах политиков, выступавших не только за силовое, но и за мирное урегулирование польско-украинских отношений – Тадеуша Голувко и Генрика Юзевского. Голувко принимал самое активное участие в разработке новой концепции восточной политики Польши. По поручению Ю. Пилсудского он курировал создание «прометейских» организаций. В конце 1925 г. в Париже была создана организация «Прометей», идеологи которой придерживались антисоветской риторики, говорили о

---

³³³ Гетьманчук М. П. Між Москвою та Варшавою: українське питання у радянсько-польських відносинах міжвоєнного періоду. С. 243–244.

³³⁴ Цит. по: Гаврецька М. Е. Правовий режим української мови за конституційними актами Республіки Польща (Другої Речі Посполитої). С. 50.

³³⁵ Ще про наше становище до Радянської України // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. С. 55.

³³⁶ Mironowicz E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. S. 141–142.

³³⁷ Ольховский С. В. Основные тенденции развития украинского национального движения в межвоенной Польше. С. 276–277.

порабощенных большевистской Россией народах, об их праве на свободное развитие, о создании национальных суверенных государств и т. п.³³⁸

В 1928 г. руководство прометейским движением перешло к Экспозитуре № 2 II Отдела Генерального штаба Польши, специально созданной для консолидации антисоветских усилий разрозненных эмигрантских организаций. В конце 1928 г. в Варшаве был создан клуб «Прометей» – Лига порабощенных народов России: Азербайджана, Дона, Карелии, Грузии, Идель-Урала, Ингрии, Крыма, Коми, Кубани, Северного Кавказа, Туркестана и Украины. Перед руководством этой организации была поставлена задача воспитания эмиграции и польских граждан в духе идей прометеизма³³⁹.

Наконец, в 1930 г. Совет министров издал распоряжение о создании в Варшаве Украинского научного института. В институте было создано три отделения – украинской экономической и общественной жизни, украинской политической истории и истории украинской культуры, истории церкви. Помимо изучения украинской истории прошлых веков, институт занимался и актуальными проблемами, изучая положение Украины в Советском Союзе. Таким образом, создание института, с точки зрения польских властей, способствовало противодействию советской идеологической кампании и соответствовало лозунгам «прометеизма»³⁴⁰.

Идеологи прометеизма стремились проводить внутреннюю политику таким образом, чтобы при условии сохранения собственной национальности у меньшинств сформировалось чувство принадлежности к польскому государству. Необходимо было так объединить украинские земли с Польшей, чтобы в случае создания «независимой» Украины над Днепром это не привело бы к изменению границ. При этом осуществление подобной программы возлагалось на местную администрацию. Как заявил министр внутренних дел генерал К. Млодзяновский на заседании Совета министров Польши 18 августа 1926 г., национальный вопрос зависит от эффективности управления на местном уровне, а не от смены политического устройства государства³⁴¹.

Во внутренней политике Польши в этот период четко проявился региональный подход к украинской проблеме – в воеводствах применялись различные методы национальной политики. Волынь стремились изолировать от Восточной Галиции – региона, где сильные позиции занимало украинское движение вообще и украинское националистическое в частности.

В Восточной Галиции польские власти стремились прежде всего бороться с радикальным украинским движением. В ОУН в полном составе вошел Союз украинской националистической молодежи, что привело к структурному оформлению молодежного подразделения в ОУН («Юнацтво»)³⁴². Наряду с массовой пропагандой ОУН активно проводила акции саботажа, бойкоты, акты индивидуального террора. Летом 1930 г. боевики УВО-ОУН осуществили ряд поджогов имущества польских помещиков, диверсионных актов на линиях телефонной и телеграфной связи. В течение июля 1930 г. было проведено 11 акций саботажа, в августе – 54, в сентябре – 101, в октябре – 22³⁴³.

Ю. Пилсудский решил силой подавить украинское националистическое движение при помощи карательной операции полиции и армейских подразделений. Приказ об «умиротворе-

---

³³⁸ *Комар В. Л.* Концепція прометеїзму в політиці Польщі (1921–1939 рр.). Івано-Франківськ, 2011. С. 125–126. См. также: *Симонова Т. М.* Именем революции: мир и счастье – на штыках // *Родина*. 2000. № 10. С. 59–62; *Симонова Т. М.* Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 // *Новая и новейшая история*. 2002. № 4. С. 47–63.

³³⁹ *Комар В. Л.* Концепція прометеїзму в політиці Польщі (1921–1939 рр.). С. 155.

³⁴⁰ См.: *Портнов А. В.* Наука у вигнанні: Наукова і освітня діяльність української еміграції в міжвоєнній Польщі (1919–1939). Харків, 2008. С. 155–186.

³⁴¹ *Комар В.* Українське питання в політиці Польщі (1926–1939) // *Український історичний журнал*. 2001. № 5. С. 121–122.

³⁴² *Юрик Ю.* Протистояння ОУН і Польської держави (1929–1935 рр.) // *Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. Вип. 13*. Київ, 2005. С. 379–380.

³⁴³ *Гриців М.* Пацифікація 1930 р. і судова система Другої Речі Посполитої // *Український визвольний рух: наук. зб. Вип. 15*. Львів, 2011. С. 33–34.

нии» маршал отдал 1 сентября. Акция проводилась с 16 сентября по 30 ноября 1930 г. и охватила 450 сел в 16 поветах Львовского, Тарнопольского и Станиславского воеводств. Разгрому подверглись украинские культурные общества, были закрыты три украинских гимназии, проведены многочисленные аресты, в том числе украинских депутатов сейма, всего аресту подверглось 1739 украинцев, 1143 из них обвинили в террористической и антигосударственной деятельности, было изъято около 2,5 тыс. единиц огнестрельного оружия³⁴⁴.

События 1930 г. негативно сказались на польско-украинских отношениях и привлекли внимание международных организаций. Украинские политические и общественные круги неоднократно пытались апеллировать к львовскому и тарнопольскому воеводам, к Президиуму Совета министров, к МВД, Министерству юстиции, Министерству вероисповеданий и образования³⁴⁵.

Активно действовала Организация украинских националистов, пытавшаяся поднять вопрос на международном уровне. Использовались контакты с журналистами разных стран. Например, журналист «Манчестер Гардиан» Ф. А. Войгт опубликовал 21 ноября 1930 г. статью о пацификации, которая имела резонанс в британских общественных кругах. ООН обратилась также к правительственным организациям разных стран. Так, 21 декабря 1930 г. руководство украинских националистов отправило меморандумы о положении украинцев в Восточной Галиции в министерства иностранных дел 27 государств. В документах речь шла о нарушении Польшей международных обязательств по отношению к украинцам, в частности, в результате проведения «пацификации»; содержалось требование расследовать приведенные факты специальной комиссией и обязать польское правительство возместить украинцам нанесенные убытки³⁴⁶.

16 декабря 1930 г. депутаты британского парламента обратились к генеральному секретарю Лиги Наций с просьбой провести расследование. В Лиге Наций был создан специальный комитет для рассмотрения положения украинского национального меньшинства в Польше. Польские дипломаты ссылались на необходимость защиты от террористических актов украинских националистов. В январе 1932 г. комиссия приняла окончательное решение прекратить рассмотрение дела.

В конце лета 1931 г. польское правительство объявило программу налаживания польско-украинских отношений. Речь шла о реформе самоуправления (дать возможность украинцам Галиции выбирать своих представителей в органы местного самоуправления), возобновить деятельность закрытых в 1930 г. украинских гимназий в Тарнополе, Рогатине и Дрогобыче с возможностью их преобразования в средние технические школы в рамках образовательной реформы на территории всей Польши; оказывать государственную финансовую помощь украинским кооперативам, занимающимся сбытом продовольственных товаров; легализовать украинское молодежное спортивное общество «Великий луг» в обмен на его подконтрольность польской армии. В качестве первого шага объявлялось об освобождении из заключения украинских парламентариев³⁴⁷.

---

³⁴⁴ Польша в XX веке: Очерки политической истории. С. 200.

³⁴⁵ Савченко О. О. Польські репресії проти народу Галичини у 30-х рр. XX ст. // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». 2010. № 670. С. 148-149. См. также: Комунікат українських політичних партій Західної України у зв'язку з пацифікацією 1 жовтня 1930 р. // Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в XX столітті. Документи і матеріали. Т. 1. Кн. 2: 1929-1939. Івано-Франківськ, 2014. С. 98-99; Пастирський лист греко-католицького духовенства з осудом саботажів ОУН та пацифікації 13 жовтня 1930 р. // Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в XX столітті. Документи і матеріали. С. 100-101; Промова посла Михайла Галушинського в польському сеймі в справі пацифікації 20 січня 1931 р. // Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в XX столітті. Документи і матеріали. С. 142-148.

³⁴⁶ Гавришко М. Заходи ОУН на міжнародній арені у справі «пацифікації» в Галичині у 1930 р. // Український визвольний рух. Зб. 19. Львів, 2014. С. 182-186.

³⁴⁷ Федевич К. К. Галицькі українці у Польщі. 1920-1939 рр. (Інтеграція галицьких українців до Польської держави у 1920-1930-ті рр.). С. 130-131.

Польско-украинского соглашения было решено достичь при опоре на УНДО. В 1931 г. состоялось несколько тайных встреч польских и украинских политиков, однако конкретных договоренностей достигнуто не было³⁴⁸. Ситуация обострилась после убийства членами ОУН в Трускавце 29 августа 1931 г. сторонника соглашения между УНДО и правительством Т. Голувко. Впрочем, идея нормализации польско-украинских отношений пропагандировалась на страницах созданного в 1932 г. Экспозитурой № 2 II Отдела ГШ «Польско-украинского бюллетеня» («*Biuletyn Polsko-Ukraiński*»). Главным редактором издания стал В. Бончковский. Журнал печатал статьи антисоветского содержания, объединяя на этой основе украинцев и поляков, разделявших концепцию прометеизма³⁴⁹.

Между тем обострение польско-украинских отношений привело к популяризации идей украинского национализма среди украинской молодежи. В первой половине 1930-х гг. часть отделений перешедшей в подполье запрещенной украинской молодежной организации «Пласт» влилась в «Юнацтво» – молодежную структуру ОУН. Например, так были реорганизованы отделения «Пласта» в Кременце в 1931 г.³⁵⁰

Другое украинское молодежное спортивное общество, «Великий Луг», согласилось подчиниться Главному управлению по физическому воспитанию и военной подготовке, подконтрольному Военному министерству Польши. Негласную поддержку при этом оказали УНДО и греко-католическая церковь. Последние не афишировали свою позицию, поскольку боялись обвинений в пособничестве польской власти. Реальное сотрудничество «Великого Луга» с польской армией началось в декабре 1932 г., когда были организованы курсы для руководителей «Луга» по физическому воспитанию и спортивным играм, руководителем которых стал поручик польской армии Шопиньский. Стоит заметить, что такое сотрудничество проводилось при активном участии украинской военной эмиграции из Восточной Украины. Октябрьский номер «Польско-украинского бюллетеня» позитивно оценил сотрудничество «Великого Луга» с Главным управлением по физическому воспитанию и военной подготовке, подчеркивая, что «Луг» якобы стал средоточием молодых украинских патриотических элементов, которые отворачиваются от ОУН³⁵¹.

Между тем ОУН сосредоточилась на индивидуальном терроре и экспроприационных актах. В 1933 г. была проведена так называемая «школьная акция». Решение о ее проведении было принято на конференции украинских националистов в Берлине в июне 1933 г., а основной ее размах пришелся на ноябрь–декабрь. Акция была направлена против «ополячивания украинских школ», поскольку «борьба против польского духа в школах – это борьба за воспитание украинской молодежи в украинском духе». В распространяемых листовках содержался список предлагаемых действий – молиться только по-украински, снимать польские гербы, портреты, надписи, не позволять «преподавать учителям на польском языке, ни вообще в польском духе»: «Пусть украинская молодежь уже сызмальства учится бороться с врагами Украины»³⁵².

15 июня 1934 г. в центре Варшавы боевиком ОУН при активном участии С. Бандеры был смертельно ранен министр внутренних дел Б. Перацкий. Через два дня, 17 июня, Ю. Пилсудский издал декрет «О лицах, угрожающих безопасности, спокойствию и общественному порядку», предусматривавший заключение в специальные лагеря не по суду, а в администра-

---

³⁴⁸ *Комар В. Л.* Концепція прометеїзму в політиці Польщі (1921–1939 рр). С. 272.

³⁴⁹ Там же. С. 274, 276.

³⁵⁰ *Юрик Ю.* Протистояння ОУН і Польської держави (1929–1935 рр.). С. 380–381.

³⁵¹ *Федевич К. К.* Галицькі українці у Польщі. 1920–1939 рр. (Інтеграція галицьких українців до Польської держави у 1920-1930-ті рр.). С. 140, 144, 152–153.

³⁵² Листівка ОУН до батьків українських школярів із закликом до захисту української школи // Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в ХХ столітті. Документи і матеріали. Т. 1. Кн. 2: 1929-1939. С. 219.

тивном порядке людей, не совершивших преступления, но неугодных режиму. Лагерь был создан в местечке Береза-Картузская в белорусском Полесье³⁵³.

Таким образом, в Восточной Галиции польскому руководству не удавалось предотвратить сепаратистские устремления среди украинского населения и добиться его интеграции в единое сообщество путем национальной или государственной ассимиляции. Несколько иные подходы были продемонстрированы властными структурами на Волыни.

---

³⁵³ Польша в XX веке: Очерки политической истории. С. 211–212.

§ 2. Г. Юзевский и «волынский эксперимент»

Проводимый в этом регионе эксперимент был связан с именем волинского воеводы Г. Юзевского, уроженца Киева, выпускника университета Св. Владимира, товарища министра внутренних дел Украинской Народной Республики в 1920 г.

Для программы налаживания польско-украинских отношений Волянь, казалось бы, подходила как нельзя лучше. Как отмечают исследователи, аграрный характер волинского общества и неширокий уровень активного сознательного включения населения в политический процесс создавали условия для превращения этой территории в арену борьбы «за привлечение сторонников как для пропольских, так и антипольских политических сил»³⁵⁴. Суть своей «волинской программы» Юзевский разъяснил на съезде депутатов и сенаторов Волини 20 августа 1928 г., который состоялся в Луцке. Предложенная воеводой Юзевским политика сотрудничества поляков и украинцев на Волини имела целью снятие польско-украинских противоречий и создание условий для сосуществования обоих народов в рамках польской государственности: о какой-либо украинской автономии речь не шла. При этом воевода не исключал в будущем возможность расширения «волинского эксперимента» на остальную территорию «восточных кресов» – на восточные воеводства Польши (Виленское, Новогрудское, Полесское, а также часть Белостокского воеводства). Руководители именно этих воеводств собрались по инициативе Юзевского в начале декабря 1929 г. в Луцке. На совещании волинский воевода говорил о тесной интеграции Волини с Речью Посполитой и о мерах, реализация которых привела бы к радикальному изменению характера польско-украинских взаимоотношений на Волини³⁵⁵.

По мнению Юзевского, украинское движение Волини, учитывая государственные интересы Польши, имело один существенный изъян – сильное галицийское влияние. «Обстоятельством немалого веса, – заметил он, – было непосредственное соседство Волини с Восточной Галицией, с миром другим, нежели Волянь, но также польско-украинским. Там господствовал другой уклад, австрийские традиции и воинственный польский и украинский национализм»³⁵⁶. Юзевский, таким образом, ясно сформулировал присущий польской межвоенной украинской политике регионализм, выразившийся в создании так называемого «сокальского кордона» (от местечка Сокаль на галицийско-волинской границе). Граница должна была препятствовать проникновению украинского движения на Волянь из Восточной Галиции, не допустить роста влияния как ОУН и КПЗУ, так и украинских политических организаций умеренного толка.

При этом следует учесть, что советское руководство уделяло большое внимание ситуации на Западной Украине. Политбюро ЦК КП(б)У в конце 1925 г. признало необходимой работу среди «украинских национальных групп и мелкобуржуазных партий» Западной Украины в направлении их ориентации на советскую Украину и СССР, постановило поддерживать политические течения и группы, которые «не идут на соглашение с правительствами и с активными, враждебными СССР капиталистическими силами Западной Украины»³⁵⁷. В середине 1920-х гг. советник полномочного представительства СССР в Варшаве М. Лебединец активно работал над разработкой программы финансовой помощи западным украинцам со стороны УССР, причем главное внимание уделялось Волини, Полесью, Холмщине и Подляшью – Галиция

³⁵⁴ Бондаренко Е. В. «Волинская программа» Г. Юзевского: сущность и проблемы реализации (1928–1938 гг.) // Право и политика. 2014. № 6. С. 850.

³⁵⁵ Крамар Ю. В. Українсько-польські взаємовідносини на Волині у міжвоєнний період (за документами Державного архіву Волинської області) // Архіви України. 2013. № 3. С. 120–121.

³⁵⁶ Цит. по: Калищук О. До проблеми сокальського кордону (за матеріалами міжвоєнної преси) // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність: Зб. наук. пр. Вип. 21. Львів, 2012. С. 355.

³⁵⁷ Соляр І. Я. Радіофіліство у Західній Україні. С. 59.

«как-то спасается, потому что издавна приобрела определенные методы борьбы...»³⁵⁸. Проект предполагал выделение средств на развитие школ – Лебединец составил смету на 17 700 долларов США в год на развитие средних школ, 42 000 долларов в год на развитие начальных школ, 4800 долларов в год – для помощи «домашним» учителям, 10 800 – на поддержку украинского педагогического общества «Родная школа»³⁵⁹.

Лебединец предлагал также оказать помощь «Просвите» – восьми ее ячейкам, существовавшим на Волыни, Холмщине, Полесье и Подляшье, планировал поддержку строительства «Народных домов». Был разработан также план помощи кооперативному движению Западной Украины: минимальная сеть крестьянско-рабочей кооперации должна была состоять из 9 новых кооперативных банков в Холме, Кобрине, Ровно, Ковеле, Дубно, Тарнополе, Станиславе, Львове, Перемышле, которые бы занимались кредитованием сельскохозяйственной и потребительской кооперации. Эти кооперативы, как считал Лебединец, создали бы экономическую почву для «Сельроба»³⁶⁰.

Предложения Лебединца не были уникальными: в 1920-е гг. советские дипломатические представительства в Польше много внимания уделяли работе с украинской общественностью. Активно действовал первый советник полпредства СССР в Варшаве Ю. М. Коцюбинский, руководивший всей украинской советской работой в 1927–1930 гг., связи с местными украинскими научными и культурными организациями налаживало львовское консульство. Советофильские настроения части украинской общественности в середине 1920-х гг., которые использовало советское и партийное руководство Советской Украины, с одной стороны, и активизирующаяся деятельность украинских националистов, с другой, весьма беспокоили польские власти. В такой ситуации и был предпринят так называемый «волынский эксперимент» Юзевского.

В сентябре 1931 г. волинский воевода разработал секретный документ, направленный потом министру внутренних дел Польши. В нем содержались конкретные предложения относительно тактики постепенного отграничения северо-восточных земель от галицких воеводств. «Нынешняя политическая ситуация на Волыни, – отмечал Юзевский, – учитывая соседство с Восточной Малопольшей, обязывает осуществить определенные шаги, что, с одной стороны, предотвратили бы распространение террористических выступлений, а с другой – подчеркнули бы политическую отдельность Волыни». Юзевский подчеркивал: «Отрезая Волынь от Восточной Малопольши, я отворачивался от Львова – центра польской культуры и польской интеллектуальной жизни, ячейки украинской галицкой мысли, города чрезвычайно привлекательного. Львова *semper fidelis*. Я отрекался от Львова как столицы Волыни. В тогдашней ситуации Львов не имел что рассказать Волыни, а польская и украинская ментальность Галиции могли волинскую жизнь лишь отравлять»³⁶¹.

Стоит отметить, что воевода рассматривал в качестве важного отличия Волыни православие. Юзевский был сторонником украинизации православной церкви на Волыни, что дало бы возможность, с одной стороны, противодействовать русскому влиянию, а с другой – формировать лояльное отношение украинского православного населения к польской государственности. Украинизацию православной церкви проводило Общество им. митр. Петра Могилы, которое было создано в 1931 г. Украинским парламентским представительством Волыни. Юзевский содействовал назначению некоторых пригодных для «волинского эксперимента» церковных иерархов: Луцкого викарного епископа Волынской епархии Поликарпа (Сикорского) в 1932 г., в 1934 г. – назначению на Волинскую кафедру архиепископа Гроднен-

---

³⁵⁸ Там же. С. 64.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ Там же. С. 64–65.

³⁶¹ Цит. по: *Калишук О.* До проблеми сокальського кордону (за матеріалами міжвоєнної преси). С. 356.

ского Алексея (Громадского), секретарем Духовной консистории тогда стал И. Власовский³⁶². При Юзевском из епархиальных органов были устранены противники украинизации, стали проводиться меры по внедрению украинского языка в церковную жизнь (проповеди на украинском языке, обучение Закону Божию в школах на украинском языке и т. п.)³⁶³.

К концу 1937 г. из 687 храмов Волынской епархии украинский язык употреблялся в Богослужение совершалось или исключительно на украинском языке (124 храма), или поочередно (40 храмов), или периодически (126 храмов), а в 99 храмах богослужение проводилось на церковнославянском, но чтение Священного писания, молитв «Отче наш» и «Символа веры» – на украинском, в 26 – на церковнославянском языке с украинским произношением³⁶⁴.

Цель «волынского эксперимента» состояла в выработке у украинцев чувства принадлежности к польскому государству, воспитании лояльных граждан при помощи их политической ассимиляции. Наибольшую опасность для этого эксперимента составляло украинское движение, поэтому немало усилий направлялось на ликвидацию тех украинских организаций, центр которых располагался в Восточной Галиции. Преследованиям подвергались УНДО, УСРП, Сельроб, кооперативы Ревизионного союза украинских кооперативов во Львове. В октябре 1930 г. полиция осуществила аресты известных деятелей УНДО, руководителей украинского кооперативного движения на территории Луцкого и Ровенского поветов. Власти Волынского воеводства запретили деятельность культурно-просветительных обществ («Просвита», «Родная школа» и др.), общественных («Союз Украинок») и военизированных организаций («Сечь», «Луг», «Сокол» и др.), было запрещено также распространение украинских книг и периодических изданий, выходивших в Восточной Галиции.

Так, в 1928–1929 гг. в Волынском воеводстве насчитывалось 640 ячеек «Просвиты», которые объединяли 16 700 членов. С назначением воеводы Юзевского на Волынь административные репрессии в отношении «Просвиты» усилились. Только в 1928 г. было ликвидировано 318 ячеек общества. В том же году «Просвита» вынуждена была прекратить свое существование в Ровенском, Ковельском и Дубновском поветах, а в следующем – во Владимирском повете. К середине 1930-х гг. администрация Г. Юзевского ликвидировала большинство ячеек «Просвиты» на Волыни. В 1935 г. их осталось лишь семь³⁶⁵.

В 1931 г. на политической арене Волыни появилась новая организация пропольской ориентации – Волынское украинское объединение (ВУО), созданное по инициативе и при финансовой поддержке волынской администрации. Юзевский осуществлял свою программу при помощи как самой ВУО, так и связанных с ним общественных («Просвитянских хат», «Родных хат», «Селянских хоров ВУО») и кооперативных организаций (кооперативный союз «Гурт», чьи подразделения появились в конце 1933 г. по инициативе местной власти). Ведущие деятели ВУО принадлежали к украинской политической эмиграции, к той ее части, которая была связана с Украинской народной республикой.

Лагерь УНРовской эмиграции на Волыни, склонявшийся к проправительственной позиции, активизировал свою деятельность после переворота Ю. Пилсудского 1926 года. По распоряжению польского правительства от 18 ноября 1927 г. было разрешено свободное перемещение и проживание эмигрантов в восточных воеводствах. Волынский воевода, уроженец Киева, со многими деятелями УНР был знаком еще со времен Директории. Юзевский отмечал: «Немалую роль играли объединения петлюровцев, прежних министров УНР, полити-

³⁶² Вишиванюк А. Украинизаторские процессы в Православной церкви в межвоенной Польше // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014 № 4 (32). С. 176.

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ Там же. С. 178–179.

³⁶⁵ Крамар Ю. В. Українсько-польські взаємовідносини на Волині у міжвоєнний період (за документами Державного архіву Волинської області). С. 121–122.

ческих деятелей. Они стали постоянно проживать на Волини»³⁶⁶. Газета «Волинське слово» писала: «Надднепрянцы, поселившись на Волини, органично вошли в местную жизнь. Они основывали кооперативы, кооперативно-хозяйственные курсы, активно занимались просветительством, читали лекции, организовывали национальные праздники, – словом нырнули с головой в общественную работу»³⁶⁷. Эмигранты из Поднепровской Украины П. Певний, С. Тимошенко, С. Скрипник, Н. Маслов и другие приняли активное участие в создании ВУО. Первым главой партии стал П. Певний³⁶⁸.

Тесное сплочение Волини с Польшей Юзевский понимал не только как процесс взаимного проникновения двух культур, но и как «насыщение украинских национальных черт побегими польской [культуры]»³⁶⁹. Поэтому важную роль воеводская администрация отводила смешанным по своему составу организациям («Волинский союз сельской молодежи», кооперативный союз «Гурт», «Общество сельскохозяйственных организаций и кружков»), членами которых были и поляки, и украинцы. По замыслу воеводы, эти организации должны были охватить весь спектр общественно-политической жизни воеводства, начиная от территориального самоуправления, молодежных организаций, сельскохозяйственных обществ, польско-украинских кооперативов и заканчивая региональной парламентской группой Беспартийного блока сотрудничества с правительством. Правда, как отмечают исследователи, невзирая на многочисленные декларации воеводы, украинцы не набрали большого количества мест даже в территориальном самоуправлении, где на протяжении 1930-х гг. увеличилось представительство поляков³⁷⁰. В 1931 г. в органах самоуправления городов Ровно, Луцка и Ковеля было представлено 60,4 % поляков, 18,6 % украинцев, 10,1 % евреев, 10 % русских, 0,3 % чехов, 0,5 % немцев³⁷¹.

Большое значение придавалось школьному образованию. Реализуя программу польско-украинского сближения, Юзевский отдавал предпочтение польским школам с обязательным изучением украинского языка. В конце 1930-х гг. такой тип школ доминировал в структуре волинской начальной школы. У воеводы вызывала опасение возможность увеличения числа украинских школ путем проведения плебисцитов. Юзевский считал, что украинцы используют опросы для раздувания конфликта на кресах. В полицейских отчетах и других документах плебисциты расценивались как «украинская националистическая акция», а местные чиновники не стремились проводить на Волини повторные опросы, которые инициировало в 1932 г. общество «Родная школа» из Львова. Как свидетельствует отчет самого воеводы, в 1932 г. школьные плебисциты должны были состояться в 742 школах, а состоялись – в 120, результаты же были признаны лишь в В 1933 г. плебисциты не проводились, хотя таких школ было 869, поэтому и остались на Волини лишь четыре частных украинских школы. В то же

³⁶⁶ Цит. по: *Давидюк Р.* Від угодовства до автономізму: чинники і складові розколу унерівського політичного табору Волині у другій половині 1930-х років // *Europa Orientalis: Studia z Dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich.* 2012. № 3. С. 68; См. также: *Юзевський Г.* Замість щоденника // «Роде наш красний...» Волинь у долях краян і людських документах. Т. 2. Луцьк, 1996. С. 196.

³⁶⁷ Цит. по: *Давидюк Р.* Від угодовства до автономізму: чинники і складові розколу унерівського політичного табору Волині у другій половині 1930-х років. С. 68–69; См. также: *Балыбо А.* «Ми» і «ви» в українській нацполітиці // *Волинське слово.* 1937. № 8. С. 4.

³⁶⁸ *Давидюк Р.* Від угодовства до автономізму: чинники і складові розколу унерівського політичного табору Волині у другій половині 1930-х років. С. 69.

³⁶⁹ *Панасюк В.* «Волинська політика» воевод Г. Юзевського та А. Гавке-Новака 1928–1939 років: проблеми україно- та німецькомовної освіти // *Етнічна історія народів Європи: зб. наук. пр. Вип. 16.* Київ, 2004. С. 126.

³⁷⁰ *Крамар Ю. В.* Українсько-польські взаємовідносини на Волині у міжвоєнний період (за документами Державного архіву Волинської області). С. 122–123.

³⁷¹ *Макарчук С. А.* Етносоціальне розвиток і національні відносини на западноукраїнських землях в період імперіалізму. Львів, 1983. С. 160; *Нагорнюк О. М.* Трансформація російсько-єврейських відносин на Західній Волині в 1920-х–1930-х рр. // *Матеріали міжнародної науково-практичної конференції «Євреї в Україні: історія і сучасність».* Збірник наукових праць. Житомир, 2009. С. 310–311.

время волынские чехи имели 13 своих национальных школ, русские – 5, евреи – 57, немцы – 66³⁷².

Стоит также иметь в виду, что учителя на Волыни были преимущественно поляками из Малой Польши и Познанского воеводства. В 1932/1933 учебном году во всех типах школ на Волыни работало 3446 учителей, и лишь 451 (13,1 %) были украинцами, 128 (3,7 %) были русскими, а 2795 (81,1 %) составляли поляки. Что же касается начальных украинских школ на Волыни, то на протяжении десяти лет их количество оставалось неизменным, едва достигая 0,4 % – 8 частных начальных школ, а государственных не было совсем. В общей структуре волыньских школ доминировали польские школы с украинским языком как предметом преподавания – 40,9 % (853), польские – 26,6 % (555), двуязычные – 24,9 % (520)³⁷³. В 1937/1938 учебном году на Волыни было лишь 8 школ с украинским языком обучения (0,4 % от общего количества начальных школ)³⁷⁴.

Политика Юзевского не удовлетворила ни украинцев, ни поляков. Его пытались убить советские агенты в 1932 г., украинские националисты – в 1934 г., польские националисты – в 1942 г., польские коммунисты – в 1943 г., а гестапо – в 1944 г.

Эндеки обвиняли Юзевского в уничтожении польских общественных институций. Однако речь шла не столько об уменьшении польского влияния в воеводстве, сколько о росте украинского. «Волыньский эксперимент» Юзевского в определенной степени был откликом на советскую политику украинизации. Образование Украинской ССР, признание украинцев самостоятельной нацией, отличной от русской, проведение протекционистской политики в отношении украинского языка и культуры и возвращение украинской советской элиты не могло не привлечь внимания и польской, и западноукраинской общественности. «Волыньский эксперимент» был рассчитан в том числе и на противодействие советской украинизации: создание УССР, в которой украинцы занимали положение «коренной национальности», привлекало внимание украинской общественности в Польше, многие украинские деятели решились принять участие в советском национальном строительстве и переехали на Советскую Украину. Юзевский, со своей стороны, также использовал украинскую эмиграцию – из лагеря сторонников УНР. Поскольку украинцы оказались по обе стороны польско-советской границы, советская национальная политика играла на руку геополитическим расчетам большевистского руководства по «собираанию» украинских земель. Юзевский стремился убедить волынян, что в условиях польского государства возможно не только мирное сосуществование поляков и украинцев, но также их активное сотрудничество.

Однако если в советском варианте украинизация представляла собой целенаправленный курс политики правительства по полному преобразованию облика бывших украинских земель Российской империи, то волыньский вариант демонстрировал ограниченное применение украинизационных принципов. Как писал сам Юзевский, «бубнят временами о денационализации поляков, что означает украинизацию. Можно ли представить себе явление украинизации в общественно-политической и государственной ситуации на Волыни в 1935 г. на территории, охваченной деятельностью польского государственного аппарата?»³⁷⁵.

В отличие от большевиков, Юзевский отнюдь не предполагал объединения всех земель с украинским населением в какое-либо целостное административное образование, где украинцы выступали бы в роли «коренной» национальности со всеми вытекающими из этого послед-

³⁷² *Панасюк В.* «Волинська політика» воевод Г. Юзевського та А. Гавке-Новака 1928–1939 років: проблеми україно- та німецькомовної освіти. С. 127.

³⁷³ Там же. С. 129.

³⁷⁴ *Крамар Ю. В.* Українсько-польські взаємовідносини на Волині у міжвоєнний період (за документами Державного архіву Волинської області). С. 123.

³⁷⁵ Звіт волинського воеводи 1936 р. // Сивіцький М. Історія польсько-українських конфліктів. У 3 т. Т. 1. Київ, 2005. С. 206.

ствиями. Кроме того, намерение Юзевского украинизировать православную церковь также отличало «волынскую программу» от советской украинизации. Большевицское руководство заявило о своей готовности придать советской республике национальный облик и бороться с великорусским шовинизмом, а Юзевский был сторонником взаимного проникновения двух культур. Если большевики в 1920-е гг. взяли курс на создание системы образования на украинском языке, т. е. образовательных учреждений всех уровней с преподаванием по-украински, то Юзевский был сторонником лимитированного внедрения украинского языка в школьную систему, отдавая предпочтение польским школам с преподаванием украинского языка и двуязычным учебным заведениям.

Большевики при помощи своей образовательной политики и системы выдвижения национальных кадров возвращали украинскую советскую элиту. На Волини такой последовательной политики не велось, подготовка лояльных польскому государству украинских кадров давала сбой. Так, подготовку национальных кадров вел среди прочих и Кременецкий лицей, при котором был открыт в 1932 г. народный университет в Михайловке. В Михайловке работали курсы по подготовке сельских общественных деятелей, которые должны были пропагандировать идеи польско-украинского сотрудничества. Однако поставленные перед руководством народного университета цели достигались с большим трудом. Так, одна из слушательниц, А. Стегнивна, высказала руководителю Народного университета Г. Юршовой свое мнение о польско-украинском сотрудничестве: «Я не могу себя переубедить. Я их ненавижу и не могу смотреть на это дело иначе. Они все одинаковы, это все наши враги... таких, как я, много, и все мы взаимно ненавидим. В университете на каждом курсе господствовало мнимое согласие. Подчеркиваю, мнимое, так как настоящего не было. Я жила с ними и видела, что всегда образовывались два лагеря, польский и украинский»³⁷⁶.

На Волини, невзирая на превентивные мероприятия со стороны полиции, наблюдались тревожные для властей тенденции к укреплению позиций украинских националистов. Первая ячейка ОУН на Волини была создана в 1930 г. в Ковеле. Если в 1931 г. государственная полиция зафиксировала всего две акции оуновцев, то в 1932 г. – 16, а в 1933 г. – уже свыше В результате ячейки ОУН были созданы в каждом повете воеводства³⁷⁷. Распространение влияния украинского национализма на Волини привело к печальным последствиям – «волынскому резне» в период Второй мировой войны.

Не удавалось искоренить и влияние коммунистической идеологии, хотя уровень советофильских настроений в западноукраинском обществе постепенно снижался, особенно после распространения сведений о голоде в УССР 1932–1933 гг. Но даже к осени 1934 г. Волинская и Холмская окружные партийные организации КПЗУ насчитывали в своих первичных ячейках около 1600 членов. Это было вдвое больше, чем численность членов ОУН на Волини (790 человек)³⁷⁸.

Таким образом, политика властей была направлена на укрепление позиций польского этнического элемента в Восточной Галиции и Волини. Стремясь добиться полного инкорпорирования данных территорий в состав единого польского государства, варшавские политики тем не менее не могли не учитывать сильные позиции украинского движения в Восточной Галиции, причем последние стремились распространить свое влияние на все территории, где, по их мнению, проживало украинское население. В этих условиях с согласия Ю. Пилсудского волинский воевода Г. Юзевский решил провести эксперимент, взять инициативу в свои руки и внедрить на Волини, где в момент присоединения к Польше сильного украинского движения

---

³⁷⁶ Витяг з листа к. слухачки Аделі Стегнівни до Галіни Юршової, керівника Народного університету в Михайлівці Дубнівського повіту на Волині // *Сивіцький М.* Історія польсько-українських конфліктів. Т. 1. С. 199.

³⁷⁷ *Ленартович О.* Формування організаційної структури та діяльність українського націоналістичного підпілля на Волині у 1930-х рр. // *Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. Вип. 19 (2).* Київ, 2010. С. 170–174.

³⁷⁸ *Гудь Б.* Українсько-польські конфлікти новітньої доби: етносоціальний аспект. Харків, 2011. С. 346.

не наблюдалось, собственные пропольски настроенные украинские организации. Можно считать, что отдельные элементы украинизационной политики в мероприятиях Юзевского имели место, однако системного претворения в жизнь украинизации на Волыни не произошло.

Политика польских властей в отношении «украинского вопроса» была направлена на жесткое пресечение любых форм сепаратизма при благосклонном отношении к готовым сотрудничать украинским политическим и общественным организациям. Главной задачей Варшавы была ассимиляция, причем ее формы – национальная или государственная – зависели во многом от позиции политических группировок и различных ведомств. Ассимиляторские усилия правительства ярко проявились в попытке укрепить влияние польского языка при помощи образовательной политики, а пример Волыни демонстрировал попытку добиться польско-украинского сотрудничества при помощи введения украинского языка в польских школах. Как справедливо указывает Г. Ф. Матвеев, языковые законы должны были обеспечить национальным меньшинствам доступ «ко всем областям деятельности на всей территории страны, а не только в регионах их проживания», тем более что в Восточной Галиции и на Волыни проживали поляки, евреи, немцы, чехи, причем поляки и евреи доминировали в городах³⁷⁹.

Однако попытки налаживания польско-украинских отношений иногда воспринимались в качестве необоснованной уступки и вызывали волнения среди части польского населения и армии, что в немалой степени было связано с весьма распространенным в польском обществе нежеланием решать украинский вопрос. Приверженцами украинского движения ассимиляционная политика властей воспринималась как наступление на национальные права украинцев и вызывала бурную реакцию со стороны радикально настроенной его части. Интеграционная политика властей зачастую не приносила ожидаемых результатов также из-за особенностей социальной структуры украинского населения: основная его масса принадлежала к бедным слоям и поэтому просто не могла воспользоваться теми благами, которые могло им предоставить гимназическое образование. Экономическое же положение страны не позволяло вкладывать значительные средства в социальные и культурные проекты, в том числе и в «волынский эксперимент» Юзевского: если в 1926 г. в ряде отраслей экономики Польши и наметилось оживление, то экономический кризис, начавшийся в 1929 г., заставил сокращать финансирование многих начинаний.

---

³⁷⁹ Матвеев Г. Ф. Русинский вопрос в Чехословакии и Польше. С. 104.

§ 3. Советская украинизация в восприятии украинцев Польши

Проводимый большевиками коренизационный курс вызвал пристальное внимание украинцев за рубежом УССР. Этому объективно способствовало привлечение части западно-украинской интеллигенции, готовой к сотрудничеству с советской властью, к украинизации в УССР. Чтобы придать авторитетность и полновесность своим украинизаторским усилиям, украинское руководство позволило еще в 1924 г. возвратиться на родину М. С. Грушевскому. С его помощью украинское партийное руководство демонстрировало внешнюю серьезность своих намерений в деле строительства национальной культуры и вносило раскол в ряды убежденных противников советской власти, прежде всего в эмигрантской среде.

В 1926 г. вернулся на Украину известный географ С. Л. Рудницкий, а в 1927 г. – признанный специалист по международному и государственному праву, истории юриспруденции М. М. Лозинский³⁸⁰. Вообще в период украинизации на родину вернулось немало галичан, особенно представителей творческой интеллигенции и инженерно-технических работников. Украинские специалисты А. С. Рублев и Ю. А. Черченко полагают, что речь шла о десятках тысяч выходцев из Западной Украины³⁸¹. В одном из писем М. С. Грушевский писал, что в УССР из Галиции переехало около 50 тыс. человек, некоторые с женами и семьями, молодые люди, мужчины³⁸². Много галичан работало в аппарате Наркомпроса Украины. В Укрнауке работали М. И. Яворский, К. И. Коник, М. Л. Баран; ученым секретарем Наркомпроса были А. И. Бадан-Яворенко, а затем И. М. Зозуляк; личным секретарем Скрыпника был галичанин Н. В. Ерстенюк³⁸³.

Немало галичан было среди писателей, художников, артистов. Активно работал Союз революционных писателей «Западная Украина», объединивший около 50 литераторов и художников, выходцев из Западной Украины. До 1929 г. этот союз возглавлял С. М. Семко-Козачук, который в 1927–1929 гг. был также ректором Киевского института народного просвещения. В 1929 г. после возвращения из Канады союз возглавил М. Ирчан. Активными членами этой организации были В. Атаманюк, В. Гжицкий, Л. Дмитерко, Д. Загул, М. Гаско, В. Касьян, М. Козорис, Ф. Малицкий, М. Марфиевич, Я. Струхманчук, И. Ткачук и другие. Руководство союза располагалось в Харькове, а филиалы работали также в Киеве, Днепропетровске, Одессе³⁸⁴. Среди актерской группы Государственного драматического театра «Березиль» также были уроженцы западноукраинских земель А. Бучма, И. Гирняк, М. Крушельницкий, С. Федорцева³⁸⁵.

В целом до конца 1920-х годов украинизация позитивно оценивалась и в западноукраинском обществе, и в украинской эмиграции. Она воспринималась как частичное осуществление национальных устремлений. Как отмечало львовское «Діло», «при всей ограниченности теперешних украинизационных попыток, они имеют определенно позитивное значение». Украинизация, отмечалось далее, свидетельствует о силе украинского национального движения: «осуществление наших национальных идеалов реализуется хотя и медленным, но уве-

---

³⁸⁰ Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20-50-ті роки ХХ ст. Київ, 1994. С. 33, 37.

³⁸¹ Там же. С. 28.

³⁸² Там же.

³⁸³ Там же. С. 42.

³⁸⁴ Там же. С. 31.

³⁸⁵ Там же. С. 32.

ренным шагом»³⁸⁶. По мнению газеты, события в Советском Союзе вообще и в УССР в частности вызывают большую заинтересованность у западных украинцев, «которые знают очень хорошо, что судьба и будущее соборной украинской нации зависит от политических достижений и социально-экономического роста и культурного развития украинских масс там, на широких пространствах Большой Украины»³⁸⁷.

На настроения западноукраинской общественности оказали влияние два произошедших друг за другом события 1923 г.: признание Советом послев Антанты юридических прав Польши на Восточную Галицию и провозглашение в СССР курса на коренизацию. Как писал западноукраинский журналист и общественный деятель И. Кедрин-Рудницкий, украинское советофильство имело различные психологические и политические основания: «Огорчение после проигрыша освободительной войны-революции и поиск нового выхода из ситуации; глубокие чувства к родному краю, тоска по нему и поиск аргументов, которыми можно было бы оправдать перед самими собой и своими земляками свое возвращение на Украину под большевистской оккупацией; у галичан – ненависть к Польше, которая как будто автоматически говорила им смотреть на Россию, связывала политическое русофильство со сменой отношения к новой – большевистской власти на Украине; безграничная наивность, которая диктовала веру в то, что „большевики изменились“ и что это „изменение“ позволяет всем украинцам доброй воли работать в области культуры для блага Украины; просто бесхребетность, приспособленчество и жизненный оппортунизм, которые говорят людям идти по пути наименьшего сопротивления...»³⁸⁸.

При общем положительном настрое широких слоев западноукраинского населения различные политические силы восприняли украинизацию по-разному. Позитивно оценила переход к украинизации Коммунистическая партия Западной Украины, что было вполне естественно ввиду ее теснейшей идейной и материальной зависимости от ВКП(б). Советофильских позиций придерживалась Западноукраинская национальная революционная организация (ЗУНРО), образовавшаяся в середине 1925 г. в результате раскола УВО. В ее состав вошли сторонники президента ЗУНР Е. Петрушевича. Основной акцент ЗУНРО делала на борьбе против польского государства и украинцев-полонофилов. В 1928 г. в «Українському революціонері» появился цикл статей о Советской Украине. В них говорилось, что на место Российской империи пришел Советский Союз, в котором УССР является украинским государством, «а не какой-то русской, московской или, как некоторые говорят со злобой, большевистской колонией»³⁸⁹. Украинская партия труда, созданная в 1927 г., также отмечала, что Советская Украина является достижением освободительной борьбы украинского народа, осуществлением его стремлений, основой для достижения политической цели украинского народа, добиться которой можно будет путем «перестройки этого государства и объединения с ним прочих украинских земель»³⁹⁰.

Украинская социал-демократическая партия на страницах своего еженедельника «Вперед» также отзывалась об украинизации одобрительно, тогда как Украинская радикальная партия (УРП), переименованная в 1926 г. в Украинскую социалистическую радикальную партию (УСРП), расценила политику большевиков как тактический шаг, рассчитанный на закрепление власти над стремившейся к независимости Украиной. В партийном печатном органе – газете «Громадська думка» – помещалось много перепечаток из советской прессы об украи-

³⁸⁶ Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20-50-ті роки ХХ ст. С. 19–20.

³⁸⁷ Редакційна стаття у львівському щоденнику «Діло» «Інавгураційний виступ – з нагоди вступу на посаду консула СРСР у Львові Ю. Лапчинського 7 червня 1928 р.» // Україна – Польща 1920–1939 рр.: З історії дипломатичних відносин УССР з Другою Річчю Посполитою: Документи і матеріали. Київ, 2012. С. 345.

³⁸⁸ Кедрин І. Життя – події – люди. Спомини і коментарі. Нью-Йорк, 1976. С. 97.

³⁸⁹ Соляр І. Я. Радянофільство у Західній Україні // Український історичний журнал. 2009. № 1. С. 56–57.

³⁹⁰ Там же. С. 57.

низации, в комментариях к ним подчеркивалось отсутствие реальной политической автономии УССР, финансовая зависимость Харькова от Москвы. Газета отмечала также рост политической сознательности и силы «украинского трудящегося народа, его стремления к полной независимости от Москвы», что и вынудило большевиков пойти на уступки и ввести украинизацию³⁹¹. Так, в резолюции съезда партии в феврале 1925 г. отмечалось, что «тактика украинизации московских комиссаров» была вынужденной, обусловленной борьбой украинского крестьянства и рабочего класса, ее цель – «найти легкую дорогу к украинским крестьянам и их труду», а не передача власти украинским крестьянам и рабочим. В резолюции говорилось также о закреплении «реакционной власти в руках кучки московских коммунистов и маскирующихся под украинскую окраску чужаков»³⁹².

Украинское национально-демократическое объединение в своей оценке украинизации сначала отмечало ее позитивное значение в деле продвижения украинской советской государственности к полной независимости, однако позднее стало называть украинизацию формальной и пропагандистской и полагало использовать ее в чисто тактических целях для укрепления украинского национального сознания. Так, тезис об украинской советской государственности как этапе к полной государственной независимости Украины был включен в платформу УНДО. В обращении ЦК партии к населению от 12 июля 1925 г. говорилось, что партия не может одобрить существующий на Советской Украине диктаторский режим, однако признает Советскую Украину важным этапом украинской государственности и верит, что под напором сознательных украинских масс эта государственность будет способствовать осуществлению всеобщих устремлений украинской нации. В программу партии, одобренную в ноябре 1926 г., этот тезис не был внесен, но в резолюции говорилось, что украинский народ в Польше ориентируется на ту национальную силу и те национальные успехи, которые растут над Днепром³⁹³.

В мае 1927 г., после того, как широкую огласку получило «дело Шумского», появилась специальная брошюра УНДО по поводу отношения к УССР. Коммунистическая власть на Украине, по мнению партии, не являлась национальной, коммунистическая партия управляет Украиной при помощи силы, дерусификации пролетариата не проводится, а украинизация носит формальный характер. В то же время УНДО признавало, что своей постановкой национальной проблемы в международном масштабе коммунисты скрепляют чувство единства в украинском народе. Поэтому украинизация представляет ценность для западноукраинского общества: она давала возможность развиваться украинскому национальному самосознанию³⁹⁴.

Решительно негативную оценку давали украинизации украинские консервативные круги. Например, идеолог украинского монархизма В. Липинский суть украинизации видел в стремлении большевиков навязать под прикрытием украинского языка свои «московско-интернациональные политические устремления». В своих «Письмах к братьям-хлеборобам» (1924) он выступал против порожденных украинизацией иллюзий о «давлении снизу» украинской национальной стихии. Инициатором украинизации, по мнению Липинского, был «полуграмотный слой современных „верных малороссов“, который стремится всеми силами в коммунистическую власть» и «думает, что „украинский язык“ прикроет его примитивную некуль-

³⁹¹ Чумак В. М. Ставлення західноукраїнських політичних партій і організацій до політики українізації в УСРР у 1920-х – на поч. 30-х рр. // Наукові записки Інститута політичних і етнонаціональних досліджень. 2001. Вип. 13: Схід і захід України: проблеми єднання. С. 188–189.

³⁹² Українська радикальна партія про радянську владу на Україні // Національні процеси в Україні: історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. С. 54.

³⁹³ Чумак В. М. Ставлення західноукраїнських політичних партій і організацій до політики українізації в УСРР у 1920-х – на поч. 30-х рр. С. 189–190; см. также: Програма і резолюції другого народного з'їзду Українського національно-демократичного об'єднання // Українська суспільно-політична думка в ХХ ст. У 3 т. Сучасність, 1983. Т. 2. С. 172–183.

³⁹⁴ Там же. С. 190–191; см. также: Мудрий В. Наше відношення до Радянської України: Відбиток з «українського національного календаря». Перемишль, 1927.

турность»³⁹⁵. Другой представитель консервативного направления в украинском движении, В. Кучабский, в работе 1925 г. «Большевизм и современные задачи украинского Запада» подчеркивал, что украинизация инициирована «сверху» и доказывает «не нашу силу, а наше бессилие»; задача украинизации, белорусизации и т. п. – остановить кристаллизацию «немосковских наций» в политические, свести их к уровню «культурных наций». Цель украинизации – свести украинский народ к уровню национально-пассивной этнографической массы, которая сохранит не только свой устный, но и письменный язык. Полонизация не в силах уничтожить украинскую нацию, писал Кучабский, «она может лишь внести коррективы в украинско-польское этнографическое размежевание». Большую опасность представляет советская политика: как писал Кучабский, «„украинизирующий“ большевизм уничтожает сам чувство индивидуальности украинской нации, замещая его чувством интернациональной солидарности». Поэтому, считал Кучабский, украинский Запад должен бороться с ориентацией на Советскую Украину и стать центром всеукраинского государства³⁹⁶.

Непримиримые позиции в отношении Советской Украины и ее национальной политики занимали и украинские националистические организации, рассматривавшие украинизацию в качестве средства деморализации нации. Один из теоретиков украинского национализма Ю. Вассиян назвал украинизацию «дьявольски разумным шагом», который наносит удар по наиболее чувствительному месту «самовлюбленного украинского сентиментализма», поскольку дает ему «его дорогую культуру». Сведение культуры к быту ведет к культурной зависимости от политического врага³⁹⁷.

---

³⁹⁵ *Литинський В.* Листи до братів-хліборобів. Про ідею і організацію українського монархізму. Нью-Йорк, 1954. С. 446–447; *Чумак В. М.* Ставлення західноукраїнських політичних партій і організацій до політики українізації в УСРР у 1920-х – на поч. 30-х рр. С. 191–192.

³⁹⁶ *Кучабський В.* Большевизм і сучасні завдання українського Заходу. Національно-політичні замітки. Львів, 1925. С. 64–65, 118–125; см. також: *Кучабський В.* Большевизм і сучасні завдання українського Заходу // Українська суспільно-політична думка в ХХ ст. Т. 2. С. 107; *Чумак В. М.* Ставлення західноукраїнських політичних партій і організацій до політики українізації в УСРР у 1920-х – на поч. 30-х рр. С. 192.

³⁹⁷ *Чумак В. М.* Ставлення західноукраїнських політичних партій і організацій до політики українізації в УСРР у 1920-х – на поч. 30-х рр. С.

§ 4. «Дело Шумского» на Советской Украине и реакция украинских коммунистов в Польше

В Украинской ССР активное проведение украинизации началось после назначения на пост генерального секретаря ЦК КП(б)У верного приверженца Сталина Л. М. Кагановича весной 1925 г. Однако уже вскоре появились и недовольные темпами ее проведения. Активный сторонник украинизации, нарком просвещения УССР А. Я. Шумский считал, что генеральный секретарь КП(б)У уделяет этому вопросу незаслуженно мало внимания, придает украинизации формальный характер. Особую озабоченность Шумского вызывала роль пролетариата УССР в решении национального вопроса: «Имея полную возможность обеспечивать свои культурные запросы по-русски, русские рабочие должны в то же время принимать активное участие и в украинском общественно-культурном строительстве»³⁹⁸. По мнению Шумского, украинизация пролетариата на Украине способствовала бы «смычке» его с крестьянскими массами и нейтрализации воздействия на эти массы «буржуазной интеллигенции». Кроме того, Шумский считал явно недостаточными темпы украинизации партии, обращал внимание на низкую численность украинцев в партии.

Весной 1926 г. вопрос об украинизации активно обсуждался ЦК КП(б)У. Украинское Политбюро обращалось к этому вопросу сначала 19 марта³⁹⁹, а затем 2 апреля⁴⁰⁰. Эти заседания показали, что единого мнения по поводу дальнейшей украинизации нет. Каганович был против принудительной украинизации пролетариата, что вызывало яростные возражения Шумского⁴⁰¹. Каганович подчеркивал: «Мы не можем насильственно украинизировать русских рабочих». Украинское политбюро 2 апреля единогласно утвердило это положение. Шумский не соглашался: он считал, что эта формулировка окажет негативное воздействие на политику украинизации⁴⁰², в связи с чем решил апеллировать к Сталину. 20 апреля 1926 г. Сталин принял делегацию КПЗУ, в составе которой был и Шумский⁴⁰³. В личной беседе с генеральным секретарем (по словам Сталина, она длилась «часа два с лишним») украинский нарком высказал свое недовольство положением на Украине и предлагал исправить положение с помощью кадровых перестановок. Шумский настаивал, что «украинизация идет туго, на украинизацию смотрят как на повинность, которую выполняют нехотя, выполняют с большой оттяжкой», «рост украинской культуры и украинской интеллигенции идет быстрым темпом, что ежели мы не возьмем в руки этого движения, оно может пойти мимо нас», и предлагал провести украинизацию «прежде всего в рядах партии и среди пролетариата». Свои кадровые предложения Шумский обосновывал тем, что во главе движения «должны стать такие люди, которые верят в дело украинской культуры, которые знают и хотят знать эту культуру, которые поддерживают и могут поддерживать нарастающее движение за украинскую культуру»⁴⁰⁴. Шумский предлагал заменить Кагановича на В. Я. Чубаря, а председателем украинского Совнаркома сделать Г. Ф. Гринько⁴⁰⁵.

---

³⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 21, 30.

³⁹⁹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 85. Л. 25.

⁴⁰⁰ Там же. Л. 36–37.

⁴⁰¹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 137.

⁴⁰² Васильев В. Політичне керівництво УРСР і СРСР: динаміка відносин центр-субцентр влади (1917–1938). Київ, 2014. С. 150.

⁴⁰³ Панчук М. І. «Націонал-ухильництво». Анатомія проблеми // Маршрутами історії. Київ, 1990. С. 221–222; На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). М., 2008. С. 24.

⁴⁰⁴ Сталин И. В. Тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У // Сталин И. В. Сочинения. Т. 8. М., 1948. С. 149–150.

⁴⁰⁵ Там же.

Сталин решил сыграть роль «третейского судьи» и направил 26 апреля 1926 г. письмо «Л. М. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У». Московскому генсеку не было резонансов Политбюро, в роли главы украинской парторганизации ему был необходим именно лично преданный Каганович. Это обстоятельство сыграло решающую роль в судьбе Шумского.

Сталин подверг резкой критике его позицию, особенно требование украинизировать пролетариат. «Нельзя заставить (здесь и далее выделено Сталиным. – Е. Б.) русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком – украинский, – писал Сталин. – Это противоречит принципу свободного развития национальностей»⁴⁰⁶. В этом же письме было указано на «теневые» стороны «нового движения на Украине за украинскую культуру и общественность»: «Тов. Шумский не видит, что при слабости коренных коммунистических кадров на Украине это движение, возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы за отчужденность украинской культуры и общественности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы против „Москвы“ вообще, против русских вообще, против русской культуры и ее высшего достижения – против ленинизма»⁴⁰⁷.

Сталин предупреждал членов Политбюро ЦК КП(б)У, что увлекаться украинизацией нельзя и что она должна носить прежде всего большевистский, советский характер. «Прав т. Шумский, утверждая, что руководящая верхушка на Украине... должна стать украинской. Но он ошибается в темпе. <...> Он забывает, что чисто украинских кадров не хватает пока для этого дела»⁴⁰⁸.

Шумский счел необходимым разъяснить свою позицию на состоявшихся 12-го и 15 мая 1926 г., через три недели после появления упомянутого письма, заседаниях Политбюро ЦК КП(б)У. «У нас был недавно съезд партии, и там никто даже не говорил на украинском языке», – возмущался Шумский. «А почему они не выступали? – задавал он вопрос и тут же отвечал на него: – Потому, что они в партии забиты, загнаны и составляют меньшинство даже арифметическое, не говоря уже о влиянии. Потому, что в партии господствует русский коммунист, с подозрительностью и недружелюбием, чтобы не сказать крепче, относящийся к коммунисту-украинцу»⁴⁰⁹.

Горячность Шумского не могла не вызвать негодования его коллег по партийной верхушке, большинство из которых были русскими по происхождению или пользовались в быту исключительно русским языком. К тому же члены Политбюро ЦК КП(б)У прекрасно отдавали себе отчет в возможных последствиях «ошибок Шумского». В условиях ожесточенной внутрипартийной борьбы в центре, опасаясь обвинений в создании очередного «уклона» или оппозиции, они решительно отмежевались от «эсеровского прошлого» наркома просвещения: «... Наше расхождение с т. Шумским по вопросу о вовлечении украинских работников заключается в том, что тов. Шумский и его единомышленники часто склонны понимать под украинскими работниками только украинцев по национальности, и то не всех, а фактически – людей, имеющих стаж пребывания в национал-социалистических партиях (так в тексте. – Е. Б.) в прошлом, да и то лишь в том случае, если эти люди разделяют... ошибки тов. Шумского...»⁴¹⁰.

Позиция Шумского подверглась беспощадной критике. Особо ожесточенный спор произошел на закрытой части заседания пленума 6 июня 1926 г. Под давлением большинства ЦК

---

⁴⁰⁶ Там же. С. 151.

⁴⁰⁷ Там же.

⁴⁰⁸ Там же. С. 152.

⁴⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 22–23.

⁴¹⁰ Письмо членов Политбюро ЦК КП(б) Украины И. В. Сталину об обвинениях, выдвигаемых А. Я. Шумским, в адрес украинского руководства. Позднее 12 мая 1926 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. М., 2005. С. 400.

он вынужден был согласиться с тем, что «ошибки имели место»⁴¹¹. Шумский был вынужден заявить, что его предложение снять Кагановича являлось ошибочным, и предложил выразить ему доверие⁴¹². В конце концов пленум подтвердил полномочия Политбюро и генерального секретаря ЦК КП(б)У Кагановича, выразив им «полное политическое и товарищеское доверие»⁴¹³.

Шумский был отправлен в распоряжение ЦК ВКП(б) в Москву, что послужило причиной осложнения в отношениях между ВКП(б) и Коммунистической партией Западной Украины (КПЗУ). На мартовском пленуме ЦК КП(б)У 1927 г. член ЦК КПЗУ К. А. Саврич (Максимович) заявил, что не видит принципиального расхождения Шумского с линией ЦК КП(б)У и поэтому не согласен с решениями об отзыве Шумского с Украины. К тому же, подчеркнул Максимович, нельзя упускать из виду и то, что Шумский с первых дней революции был одним из активных руководителей борьбы против украинского национализма за власть рабочих и крестьян на Украине, что к нему приковано внимание не только партии, но и «целой страны по обеим сторонам границы». Отъезд Шумского с Украины, по мнению Максимовича, мог быть использован «националистическими кругами с целью дезориентации» и вербовки «неустойчивых элементов под флаг фашизма УНДО – Пилсудского»⁴¹⁴.

Расширенный пленум ЦК КПЗУ, который состоялся в том же месяце, в своем постановлении хотя и признал последние постановления ЦК КП(б)У «в целом правильными», однако столь же правильным расценил и выступление на пленуме ЦК КП(б)У Максимовича, поскольку счел, что это выступление нельзя рассматривать как несогласующееся с линией КП(б)У в национальном вопросе: Максимович высказал только свою точку зрения на целесообразность отъезда Шумского из УССР⁴¹⁵. Большинство западноукраинских коммунистов во главе с Васильковым, Турянским, Максимовичем сочли действия ЦК КП(б)У отклонением от ленинской линии в национальном вопросе, которая была намечена XII съездом РКП(б). Эти «отклонения» выразились в торможении темпов украинизации, недооценке значения украинизации пролетариата, формализме, кампании против «бывших» (боротьбистов и укапистов), а также таких лучших представителей украинских коммунистов, как Шумский и Гринько. Все это расценивалось как ослабление украинизационной политики и усиление влияния великодержавного и националистического уклонов в партии⁴¹⁶.

На этой почве в 1927 г. и произошел первый конфликт между руководством КПЗУ и КП(б)У, переросший в идеологическую кампанию и приведший к расколу в КПЗУ. 14 мая 1927 г. Политбюро ЦК КП(б)У обсудило сложившуюся ситуацию. Н. А. Скрыпник предложил обратиться в Коминтерн: «Коммунистический Интернационал обязан обратить внимание на то, что происходило на территории Коммунистической Украины»⁴¹⁷. Скрыпника волновали появившиеся статьи в зарубежной печати (немецкой, польской, украинской) о том, что «ведется борьба Москвы против Украины, что откомандирование тов. Шумского с Украины означает поход Москвы против Украины»⁴¹⁸. Г. И. Петровский также высказал опасение, что «дело, связанное с тов. Шумским, при том остром международном положении, которое грозит

⁴¹¹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 107. Л. 57 об.

⁴¹² Там же. Л. 59 об.

⁴¹³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 209. Л. 1.

⁴¹⁴ Максимович К. Заява на березневному Пленумі ЦК КП(б)У 1927 р. // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. С. 113–114.

⁴¹⁵ Постанова пленуму ЦК КПЗУ // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. С. 116–117.

⁴¹⁶ См. Сливка Ю. Ю. Сторінки історії КПЗУ. Львів, 1989. С. 21–92; Чумак В. Ставлення західноукраїнських політичних партій і організацій до політики українізації в УСРР у 1920-х – на поч. 30-х рр. С. 186–187.

⁴¹⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2479. Л. 4.

⁴¹⁸ Там же.

нам военной схваткой, нашими врагами в других странах могут быть использованы... против нас»: «...представьте себе положение на случай войны по всей польской границе в Галиции и других местах, коммунисты будут настроены против нас... это в высшей степени опасно для интересов мировой революции и для нашей страны»⁴¹⁹.

16 мая 1927 г. ЦК КП(б)У принял резолюцию «о позиции ЦК КПЗУ в национальном вопросе». В этом документе подчеркивалось, что «ЦК КП(б)У все время ставит себе целью давать товарищескую идейную и всяческую материальную помощь КПЗУ»⁴²⁰. В том числе ЦК КП(б)У указывал на «крайнюю необходимость усилить работу среди рабочих для устранения возможного отрыва от пролетарской базы», указывал также на «угрозу обратного влияния... мелкого мещанства на нестойкие и невыдержанные в идейном отношении элементы самой КПЗУ». Отказавшись отмежеваться «от мелкобуржуазного националистического уклона т. Максимовича», пленум ЦК КПЗУ тем самым «оказывает идейную помощь этим националистическим уклонам», «становится сам на путь того уклона, и таким путем образовывается единый фронт националистического уклона в области украинского национального вопроса»⁴²¹. ЦК КП(б)У, говорилось в резолюции, сочло необходимым обратиться к Коминтерну.

3-8 июня 1927 г. состоялся пленум ЦК КП(б)У, на котором были рассмотрены проблемы национального строительства на Украине, позиция Шумского и линия ЦК КПЗУ. На пленуме Скрыпник заявил: «Даже в 1926 году... когда Шумский резко противопоставил свои заявления линии партии, нам удалось совместной работой, долгой товарищеской работой в комиссиях прийти к такой резолюции, к которой мог присоединиться т. Шумский. Однако это не удалось. Были попытки найти пути группового противопоставления внутри партии КП(б)У со стороны т. Шумского. Они не нашли никаких последствий внутри нашей партии. <...> Не найдя себе почвы на Украине в рядах нашей партии, т. Шумский попробовал найти себе почву за пределами нашей партии в рядах другой коммунистической организации, ища себе поддержку со стороны коммунистической партии Западной Украины»⁴²². Пленумом ЦК КП(б)У был принят ряд документов: заявление ЦК КП(б)У в исполком Коминтерна, в котором речь шла об опасности украинского националистического уклона в рядах КП(б)У; резолюцию «О линии национальной политики КПЗУ»; обращение к ЦК КПЗУ.

Нажим на западноукраинских коммунистов принес свои плоды. На состоявшемся этим же летом IV съезде Коммунистической партии Польши (КПП) делегация КПЗУ выступила с заявлением, в котором признала, что «выступление представителя ЦК КПЗУ, кандидата в члены ЦК КП(б)У тов. Максимовича на пленуме ЦК КП(б)У, выражавшее сомнение в целесообразности перемещения тов. Шумского за пределы Украины, по существу является прикрытием националистических уклонов тов. Шумского»⁴²³. Делегация подчеркнула, что «самым решительным образом осуждает выступление т. Максимовича».

Давление, оказываемое на коммунистов Западной Украины, привело к конфликтам в КПЗУ и в конечном счете к ее расколу. Часть членов ЦК КПЗУ решила отмежеваться от так называемого «большинства». В КП(б)У были направлены письма от обеих сторон со взаимными обвинениями. 4 ноября 1927 г. в Политбюро ЦК КП(б)У поступило заявление «меньшинства» с разъяснением своей позиции по отношению к остальной части западноукраинских коммунистов: «Товарищи из большинства... констатировали, что национальная „ошибка“ не имела никакого влияния на партию. Как в действительности состоялось дело, можно представить на нескольких примерах... Так, член секретариата ЦК КПЗУ Гавзнер так агитировал своих

---

⁴¹⁹ Там же. Л. 11.

⁴²⁰ Резолюция ЦК КП(б) Украины о позиции компартии Западной Украины в национальном вопросе. 16 мая 1927 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918-1933. С. 494.

⁴²¹ Там же. С. 494-495.

⁴²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 9. Л. 53а.

⁴²³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2485. Л. 36.

товарищей: „Украинизация? Что за украинизация, где украинизация, какая может быть украинизация, если Президент Украины Петровский не знает украинского языка, если 20 ячеек в Одессе высказались за украинизацию оперы, а одна за русскую <...> национальная политика КП(б)У такая же, как при царизме. Что за уклон? Какой уклон? Уклона не было и нет, а что поссорился еврей Каганович с украинцем Шумским, то украинцу обязаны были приписать уклон...“⁴²⁴.

«Большинство» также решило высказаться. В Политбюро ЦК КПП и ЦК КП(б)У 16 ноября 1927 г. поступило письмо от Р. В. Турянского. Узнав, что «гг. Александер и Сухий клеветают на руководство КПЗУ в недопустимой для всякого честного коммуниста форме, и не имея возможности созвать по этому делу специальное заседание Политбюро ЦК КПЗУ», Турянский заявил: «1. Считаю недопустимым явлением, чтобы за спиной политбюро ЦК КПЗУ меньшинство тенденциозно и фальшиво информировало КП(б)У о делах КПЗУ, собирая в свой арсенал „доказательства и аргументы“ – всякие легенды вроде высказываний тов. Гавзнера об Одесской опере и еврее Кагановиче, который вышвырнул украинца Шумского и т. д. – я с возмущением отвергаю, как обыкновенную клевету. 2. Утверждаю, что в письме меньшинства ЦК КПЗУ нет ни одного упрека, который опирался бы на факты, а сознательная фальсификация действительного положения вещей»⁴²⁵. Турянский просил «прекратить демагогию и поклепы меньшинства на ЦК КПЗУ»⁴²⁶.

Через несколько дней, 25 ноября, Политбюро ЦК КП(б)У вновь решило обсудить ситуацию, сложившуюся в западноукраинской компартии. Скрыпник предлагал «выправить» ситуацию, исключив из КПЗУ Максимовича, Василькова и Турянского, «чтобы обеспечить действительное руководство» и «устранить нетвердые элементы»⁴²⁷. Политбюро в Харькове приняло решение «немедленно снять тов. Василькова совсем с работы в КПЗУ и даже в Коминтерне, а также снять с работы в КПЗУ тов. Турянского. Что касается тов. Максимовича – категорически запретить ему иметь какую-либо связь с ЦК КПЗУ, считая необходимым, чтобы ЦК КПЗУ исключило тов. Максимовича из состава ЦК»⁴²⁸. Состоявшийся в феврале 1928 г. IX пленум ИККИ охарактеризовал группу Василькова-Турянского как выражающую «политические настроения верхушки мелкой буржуазии, кулачества и мелкобуржуазной националистической интеллигенции»⁴²⁹.

Тем временем кампания против «шумскизма» набирала обороты. На пленуме ЦК КП(б)У 12–16 марта 1928 г., обсудившем раскол КПЗУ, Каганович заявил, что сила Шумского – «это сила куркульства и мещанства, глубоко враждебных нам элементов»⁴³⁰. 18 марта 1928 г. Шумский, вместе с Гринько и Максимовичем, подписал письмо в редакцию «Правды», в котором осуждался раскол КПЗУ. В письме говорилось: «У каждого из нас были и есть некоторые разногласия с ЦК КП(б)У в области практического проведения национальной политики на Украине. Но мы решительно отвергаем наличие таких разногласий, которые давали хотя бы малейшее оправдание расколу или поднятой теперь группой Василькова-Турянского недопустимой кампании против политической линии КП(б)У в национальном вопросе»⁴³¹.

⁴²⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2455. Л. 56.

⁴²⁵ Там же. Л. 64.

⁴²⁶ Там же. Л. 65.

⁴²⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2479. Л. 51.

⁴²⁸ Там же. Л. 79.

⁴²⁹ Из протокола № 9 (Особый № 9) заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 9 февраля 1928 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919-1943. Документы. М., 2004. С. 505.

⁴³⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 108. Л. 10.

⁴³¹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 171.

Однако это Шумскому не помогло, разоблачительная кампания продолжалась. Письмо от 18 марта не опубликовали. Началась долгая история с внесением «редакционных поправок»⁴³². В июне 1928 г. Шумский даже обратился к Бухарину как главному редактору газеты «Правда» и попытался высказать свое несогласие с последними изменениями. Если я подпишусь под присланным текстом, писал Шумский, то это будет означать, что «я признаю правильным весь тот устный и письменный поток шельмования моего партийного имени, который с благословения ЦК КП(б)У ширится по Украине»⁴³³. Однако «каяться» Шумскому пришлось не раз. Так, 19 декабря 1929 г. он направил заявление в ИККИ, ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У с признанием ошибочной его позиции в вопросе украинизации⁴³⁴.

Однако прощать Шумского украинское руководство не собиралось. 21 апреля 1928 г. Каганович писал Сталину и Молотову о своем твердом убеждении в том, что «Шумский, Гринько, Максимович являются фактически их (т. е. „Васильковского, Турянского и К^о“. – Е. Б.) Политбюро, который руководит ими отсюда»⁴³⁵. Как бы ни старался Шумский осудить раскол КПЗУ, его позиция в отношении темпов и направления политики украинизации стала причиной конфликтной ситуации. Раскол КПЗУ в 1927–1929 гг. ослабил ее влияние на Западной Украине. Следующий кризис КПЗУ произошел в 1933 г. и был связан с разногласиями, возникшими в отношении коллективизации и корректировки украинизации. В 1938 г. КПЗУ по решению Коминтерна прекратила свое существование.

Как мы видим, А. Я. Шумский предпринял попытку активизировать процессы украинизации в республике в благоприятный для этого период: назначенный на пост генерального секретаря ЦК КП(б)У Л. М. Каганович не склонен был продолжать выжидательную политику своего предшественника Э. И. Квиринга и сразу же продемонстрировал свою готовность жестко выполнять указания XII съезда РКП(б). Однако Каганович хорошо понимал, что административный нажим можно применять далеко не ко всем слоям общества: принуждение чиновников не могло иметь столь неблагоприятных для власти последствий, как это могло быть при принудительной украинизации социальной опоры партии – рабочего класса. Шумский же в своем стремлении ускорить процессы украинизации не только критиковал темпы коренизации партийного и советского аппаратов, но и желал распространить их на русские пролетарские слои населения, не считаясь с тем, что активные действия украинизаторов вызывали у них недовольство. Сталинское же руководство при определении темпов политики украинизации вынуждено было учитывать и реакцию населения самой УССР, и реакцию своих оппонентов внутри партии, и реакцию различных политических сил вне Советского Союза, прежде всего в Восточной Галиции.

---

⁴³² См.: Из протокола № 26 (Особый № 25) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 24 мая 1928 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919-1943. Документы. С. 528–529.

⁴³³ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 180.

⁴³⁴ Там же. Л. 199.

⁴³⁵ Там же. Л. 163.

§ 5. Украинская политика Чехословакии и Румынии

Политика чехословацкого руководства в отношении подкарпатских русин существенно отличалась от политики Польши в отношении Восточной Галиции и Волыни. 18 ноября 1919 г. был объявлен подготовленный руководством ЧСР генеральный статут. В документе речь шла о правовом положении и территориальных границах русинской области в составе Чехословакии. Окончательное решение языкового вопроса возлагалось на русинский сейм, при этом подчеркивалась предпочтительность введения народного языка в школах в качестве языка обучения и использования его в качестве официального. Как указывает К. В. Шевченко, на содержание статута оказал влияние Т. Г. Масарик, который еще в октябре 1919 г. изложил свои соображения по поводу политики в отношении Подкарпатской Руси: «...Масарик указывал на необходимость „предотвратить не только великорусскую, но и украинскую пропаганду. Это будет возможно в том случае, если языковой вопрос будет решен путем введения народного (малорусского) языка в школы в качестве языка преподавания, а также в качестве официального языка вообще. <...> В старших классах средних школ при необходимости может изучаться и великорусский язык. Было бы жаль, если бы русины не использовали культурное богатство русской литературы, в основном переводной“. Примечательно, что значительная часть данного пассажа из документа, направленного Масариком правительству, практически дословно вошла в третий раздел Генерального статута, посвященный вопросам языка, разумеется, без упоминания о том, что планируемая чехословацким президентом поддержка „народного языка“ была нужна Праге прежде всего в качестве средства нейтрализации не только великорусской, но и украинской пропаганды»⁴³⁶.

Международные обязательства в отношении национальных меньшинств и Подкарпатской Руси были отражены и в конституции ЧСР, которая была принята 29 февраля 1920 г. Впрочем, следует признать, что предусмотренный конституцией сейм Подкарпатской Руси так и не был созван за все время существования Первой Чехословацкой Республики.

Одновременно с конституцией Чехословацкой Республики был принят закон «О принципах языкового права», языковые права национальных меньшинств были затем конкретизированы специальным правительственным постановлением в феврале 1926 г. Государственным языком республики становился «чехословацкий язык». В округах, где не менее 20 % населения составляли граждане, которые пользовались другим языком, государственные органы, учреждения и суды должны были принимать запросы населения и отвечать на них, помимо государственного языка, также и на языке соответствующего национального меньшинства. Предусматривалось также создание школ, где языком обучения мог быть не государственный язык, а язык национального меньшинства⁴³⁷.

Закон не определял язык Подкарпатской Руси и оставил окончательное решение этого вопроса на рассмотрение местного сейма. Между тем это был очень важный вопрос, поскольку напрямую был связан с проблемой национально-культурного самоопределения местного населения. Чехословацкое правительство использовало наименования «Rusin», «rusínský», «podkarpatoruský»⁴³⁸.

В Подкарпатской Руси в 1921 г. проживало 604,6 тыс. человек, из них 62 % русинов, 17,2 % венгров, 13,4 % евреев, 3,3 % – чехов и словаков, 1,8 % немцев, 2,3 % – других национально-

---

⁴³⁶ Шевченко К. В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М., 2010. С. 150.

⁴³⁷ Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси. Київ, 2012. С. 287; Шевченко К. В. Славянская Атлантида. С. 155.

⁴³⁸ Магочій П. Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород, 1994. С. 168.

стей⁴³⁹. Чехословацкие власти приостановили мадьяризацию русинского общества, характерную для периода венгерского правления. Однако, учитывая значительное количество венгерского населения в регионе, потенциальной угрозы политической стабильности региона, власти постоянно высказывали опасения, что мадьяронская интеллигенция еще не полностью утратила свое влияние.

Среди русинской элиты существовали различные подходы к проблемам национальной идентификации и языкового строительства. В межвоенный период в Подкарпатской Руси имело место русофильское течение, имевшее давние традиции в крае, и украинофильство, представленное как местными интеллектуалами, так и эмигрантами из Восточной Галиции, оказавшимися в ЧСР после падения ЗУНР. Постепенно ряды эмиграции пополнили граждане бывшей Российской империи. В 1921 г. был создан Украинский общественный комитет (Український Громадський Комітет, УГК), по данным которого в начале 1922 г. число украинских эмигрантов в ЧСР достигло 20 тыс. человек. Постепенно в Чехословакии появились представители различных украинских политических течений. При этом, по данным УГК, среди украинских эмигрантов выходцы из Галиции составляли 40,9 %⁴⁴⁰. Украинские эмигранты организовывали различные организации, культурно-просветительские общества, научные и учебные центры (Украинский свободный университет, Украинская педагогическая академия им. М. Драгоманова, Украинский институт общественных наук в Праге, Украинское историко-философское общество, Украинское педагогическое общество и др.). В Подкарпатской Руси украинские эмигранты активно включились в культурно-просветительскую работу среди русин, способствовали усилению украинофильского течения в регионе.

Впрочем, настроения в русинском обществе украинофильской и русофильской ориентацией не исчерпывались. Как отмечает К. В. Шевченко, в Подкарпатской Руси в рамках русофильского движения постепенно выкристаллизовывалось русинофильское течение, ориентированное на русинскую идентичность как отличную от русской и украинской⁴⁴¹. И русофилы, и украинофилы, предлагавшие различные модели этнонациональной идентичности⁴⁴², создавали свои политические структуры, общественные и культурные организации, прессу, на страницах которой велись ожесточенные споры по языковой проблематике. В условиях значительно различающихся местных диалектов встал достаточно сложный вопрос: на какой язык следует ориентироваться: на русский литературный язык, какой-либо территориальный вариант украинского языка (западноукраинский или центрально-восточноукраинский) и как соотносить их с живой разговорной речью русин (например, ориентироваться на украинскую фонетическую орфографию или этимологическое правописание).

Проблемой толкования «народного языка» занялось созданное чехословацким правительством в декабре 1919 г. совещание с участием известных ученых-лингвистов. В протоколе заседания говорилось, что в вопросе языка необходимо в первую очередь учитывать мнение местных деятелей. Однако свое мнение чехословацкие специалисты высказали достаточно ясно. По их мнению, «местный диалект не должен быть поднят на уровень литературного языка; вместо этого в качестве языка преподавания необходимо принять литературный украинский язык с этимологическим правописанием». Также подчеркивалось, что «осознание связи с русским языком не должно стираться, поэтому рекомендуется обучение русскому

---

⁴³⁹ Закарпаття в етнополітичному вимірі. Київ, 2008. С. 261.

⁴⁴⁰ Даниленко О. Українська еміграція в Чехословаччині (1920-і роки): соціокультурний аспект // Етнічна історія народів Європи. Вип. 10. С. 38–39.

⁴⁴¹ Шевченко К. В. Русины в поисках идентичности: борьба русофилов и украинофилов в Подкарпатской Руси в 1920-е годы // Величие и язвы Российской империи: международный научный сборник в честь 50-летия О. Р. Айрапетова. М., 2012. С. 549.

⁴⁴² См. подробнее: Дронов М. Ю. Роль Греко-католической церкви в формировании этнонациональной идентичности русин-нов Словакии (1919–1938). Дисс... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2013. С. 40–68.

языку, а также словацкому и чешскому языку, в высших учебных заведениях». На заседании ученые приняли решение о том, что в качестве языка преподавания в Подкарпатской Руси необходимо принять литературный украинский язык с этимологическим правописанием: немедленно ввести незнакомую русинам украинскую фонетическую письменность было невозможно⁴⁴³.

В принятом после заседания специальном распоряжении министерства о литературном языке в Подкарпатской Руси говорилось, что «создавать искусственно новый славянский литературный язык для населения Карпатской Руси было бы не только трудно, но с точки зрения научной полностью ошибочно и с нашей точки зрения и славянской политики нежелательно». Далее подчеркивалось: местное русинское наречие «есть, безусловно, наречие малороссийское», поэтому «следует признать литературным языком местного населения литературный язык малороссийский, который употребляют его ближайшие соседи и соплеменники, то есть галицкий украинский язык». Признание литературного украинского языка языком обучения в Подкарпатской Руси облегчит организацию и деятельность школ, поскольку можно будет использовать книги и учителей из Галиции. В то же время в заключительном пункте рекомендаций утверждалось: чтобы русины не теряли сознания того, что они «как украинцы принадлежат к большому русскому народу», в средних школах необходимо изучать русский язык наряду с чешским и словацким⁴⁴⁴.

Разделение русинской интеллигенции на противоборствующие лагеря – украинофильский и русофильский – отразилось и на языковой ориентации учителей Подкарпатской Руси. Когда украинский филолог из Галиции И. Панкевич по поручению министерства просвещения ЧСР подготовил базовый учебник грамматики, вокруг него разгорелись жаркие споры. Учебник, впервые изданный в 1922 г., задумывался как переходная форма к украинскому фонетическому алфавиту, ориентировался на местные диалекты и использование традиционного этимологического алфавита как более привычного для местного населения. Учителя-русофилы критически отнеслись к грамматике Панкевича за то, что она «отходит от литературного русского языка», предпочитая использовать грамматику А. Волошина и грамматику Е. Сабова (последняя была утверждена министерством в качестве учебника только в 1936 г.⁴⁴⁵). Впрочем, учебник Панкевича не устроил и радикально настроенную украинскую интеллигенцию. Они обвиняли Панкевича в том, что он якобы пытался создать из подкарпатских русинов отдельный народ путем составления искусственного языка⁴⁴⁶.

Картина общественной и политической жизни в Подкарпатской Руси носила сложный характер. Так, здесь действовали как общегосударственные партии, организовывавшие здесь свои партийные филиалы, так и местные, автономные партии. В межвоенной Подкарпатской Руси популярностью пользовалась Коммунистическая партия Чехословакии (в 1924 г. на парламентских выборах в Подкарпатской Руси партия получила 39,4 % голосов, в 1925 г. – 30,8 %, в 1929 г. – 15,2 %, в 1935 г. – 24,4 %). Аграрная партия получила на выборах 1924 г. 6,4 % голосов; в 1925 г. – 14,2 % голосов; в 1929 г. – 29,1 % и в 1935 г. – 19 % голосов избирателей. Автономный земледельческий союз, опиравшийся на русофильское культурно-просветительское общество им. А. Духновича, на выборах 1924 г. получил 8,4 % голосов, в 1925 г. – 11,6 %, в 1929 г. – до 18,2 %, в 1935 г. – 13,9 % голосов избирателей⁴⁴⁷.

⁴⁴³ Шевченко К. В. Культурно-национальная политика властей Чехословакии в русинском вопросе в 1920-е годы // Карпатские русины в славянском мире: актуальные проблемы. Материалы международного научного круглого стола. М.; Братислава, 2009. С. 136, 138.

⁴⁴⁴ Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 300–301.

⁴⁴⁵ Пушкаш А. И. Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. М., 2006. С. 123.

⁴⁴⁶ Стряпко І. О. Роль української політичної еміграції у розвитку освіти на Закарпатті 1919–1939 рр. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2014. Вип. 39. С. 132.

⁴⁴⁷ Шевченко К. В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. С. 163.

В Подкарпатской Руси в различные временные промежутки действовало свыше тридцати автономных политических организаций, среди которых были русофильские, украинские, венгерские, еврейские, немецкие⁴⁴⁸. Активно работали Автономный земледельческий союз, Русская народная партия, Венгерская христианско-социалистическая партия, Социал-демократическая партия Подкарпатской Руси и др. Кроме того, существовали общественные организации, среди которых выделялись общество «Просвита» и «Общество им. А. Духновича».

Учредительное собрание культурно-просветительного общества «Просвита» в Подкарпатской Руси состоялось 9 мая 1920 г. в Ужгороде. Инициаторами были сторонники украинского направления в крае. Организационная структура украинской общественной организации «Просвита» на 1937 г. включала, кроме центрального органа в Ужгороде, 13 филиалов и 234 читальни, 135 театральных кружков, 94 хора, 44 спортивных молодежных организации, 12 духовых оркестров. В течение 1920–1937 гг. общество издало 150 книг общим тиражом 450 тыс. экземпляров⁴⁴⁹.

«Русское культурно-просветительское общество им. А. Духновича» являлось наиболее влиятельной русофильской культурно-просветительской организацией. Непосредственно к организации общества приступили 22 марта 1923 г. на народном конгрессе в Мукачево. Общество издавало русскоязычную литературу, внедряло в школах учебники на русском языке, проводило литературные конкурсы, открывало памятники и т. п. В середине 1930-х гг. общество имело 315 общественных читален и насчитывало 21 тыс. постоянных членов («Просвита» – 223 читальни и около 15 тыс. членов)⁴⁵⁰.

Кроме этих организаций существовали также и партии со слабо развитым структурно-организационным аппаратом (Карпаторусская немецкая партия, Земледельческая автономная партия, Русское народное объединение и др.)⁴⁵¹, и общественные организации, по своей структуре и числу членов менее крупные, чем «Просвита» или «Общество им. Духновича» (например, «Женский союз», «Пласт», «Общество карпаторусских студентов», «Педагогическое товарищество» и др.). По официальной статистике, в январе 1926 г. в Подкарпатской Руси существовали 158 общественных организаций с разнообразными направлениями деятельности: культурно-образовательных, профессиональных, творческих, национальных, хозяйственных, кредитных⁴⁵².

Отношение к русофильскому и украинофильскому движениям в Подкарпатской Руси среди чехословацких политиков было различным. Лидер национально-демократической партии К. Крамарж был известен своими русофильскими взглядами, однако национальные демократы в межвоенной Чехословакии не оказывали серьезного влияния на политику в Подкарпатской Руси. Сочувствие украинскому национальному движению выражали социал-демократы, коммунисты и некоторые аграрии, позднее пересмотревшие свое отношение к украинофилам. Так, за активную проукраинскую политику Праги высказывался Я. Нечас, в первой половине 1920-х гг. курировавший вопросы Подкарпатской Руси в канцелярии президента: к Чехословакии, «окруженной со всех сторон врагами, из всех соседей по-дружески относятся только украинцы...»⁴⁵³. При этом местная организация Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) в середине 1920-х гг. четко заявила о своем видении национального вопроса в Подкарпатской Руси. В декабре 1925 г. подкарпатская делегация на IX съезде

---

⁴⁴⁸ Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура. Ужгород, 2010. С. 76.

⁴⁴⁹ Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 299–300.

⁴⁵⁰ Шевченко К. В. Русинский вопрос и политика Чехословакии в межвоенный период // Русский сборник: исследования по истории России XIX–XX вв. Т. 1. М., 2004. С. 294.

⁴⁵¹ Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура. С. 76.

⁴⁵² Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 299–300.

⁴⁵³ Шевченко К. В. Культурно-национальная политика властей Чехословакии в русинском вопросе в 1920-е годы. С. 137, 141–142.

КП(б)У подчеркнула, что подкарпатский народ должен считаться украинским, а на VII конференции Закарпатского крайкома КПЧ в декабре 1926 г. было объявлено: «Нам ясно, что мы является частью украинского народа», надо положить конец «обдуриванию нас всякими „языковыми вопросами“, названиями „русин“, „руський“ или „русский“». Как указывает Магочи, после февраля 1926 г. «Карпатська правда» выходила только на литературном украинском языке, а под конец года край назывался в газете только Закарпатской Украиной⁴⁵⁴. Как писала газета в октябре 1937 г., «наша задача – пояснить народу, что „русин“ и „украинец“ – одно и то же»⁴⁵⁵.

Однако не все разделяли такую точку зрения. Как указывает К. В. Шевченко, часть официальных кругов (особенно это было характерно для властей Восточной Словакии, опасавшейся украинского сепаратизма) «демонстрировала сознательное стремление закрепить и углубить культурно-языковые различия русинов как с русскими, так и с украинцами»⁴⁵⁶. Объяснялось это геополитическими расчетами. Например, в программе министерства просвещения Чехословакии на 1922 г. также говорилось, что «с точки зрения чехословацких государственных интересов предпочтительным является местный язык, так как после стабилизации положения в России или Украине Подкарпатская Русь отошла бы в будущем какому-либо из этих государств... Наоборот, поддержка местного языка, предполагающая существование малого народа, отделенного от русских и украинцев литературно-языковым барьером, не будет способствовать развитию центробежных тенденций, и связь с чехословацким государством будет сильнее...»⁴⁵⁷.

Как отмечает П. Р. Магочи, под конец 1919 г. чехословацкое правительство начало негативно относиться к русофильскому движению, опасаясь, что оно «в конечном счете направлено на отделение Подкарпатской Руси от Чехословацкой Республики», а русинофилов подозревали в связи с венгерским ревизионизмом. Неудивительно, что правительство социал-демократа В. Тусара, пришедшего к власти в 1919 г., благосклонно относилось к украинофильской ориентации⁴⁵⁸.

После принятия конституции 26 апреля 1920 г. правительство издало распоряжение «Об изменении Генерального устава Подкарпатской Руси», которым ликвидировало Директорию и вместо должности администратора ввело должности губернатора и вице-губернатора. 5 мая губернатором Подкарпатской Руси был назначен Г. Жаткович, активный деятель Американской народной рады угро-русинов. Вице-губернатором стал чешский чиновник П. Эренфельд, которому вменялось в обязанность гарантировать влияние правительства Чехословакии и обеспечивать контроль над регионом. Возможные споры и разногласия между губернатором и вице-губернатором решались чехословацким правительством.

Жаткович пребывал в должности губернатора около года: в марте 1921 г. он, недовольный политикой Праги в отношении русинской автономии, подал в отставку. После отставки Жатковича всей полнотой власти стал обладать Эренфельд, благосклонно относившийся к украинскому движению.

Украинофилы достигли значительных успехов во время правления Эренфельда. В 1919–1924 гг. школьный отдел министерства образования ЧСР возглавлял Й. Пешек, проводивший проукраинскую образовательную политику и привлекавший украинских эмигрантов из Галиции для работы в Подкарпатской Руси. После своей отставки Эренфельд, объясняя свою под-

⁴⁵⁴ Магочій П. Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). С. 139.

⁴⁵⁵ Якою мовою в школах повинні навчати наших дітей? // Борканюк О. О. Чим є для нас Радянський Союз (вибрані статті, промови, інтерв'ю). Ужгород, 1976. С. 221.

⁴⁵⁶ Магочій П. Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). С. 140.

⁴⁵⁷ Там же. С. 139–140.

⁴⁵⁸ Там же. С. 124–124.

держку украинского направления, ссылаясь на полученный от правительства прямой наказ в этом отношении, который он и претворял в жизнь⁴⁵⁹.

В 1923 г. ситуация изменилась: Прага намеревалась расширить свою политическую опору в Подкарпатской Руси и пошло на уступки русофилам⁴⁶⁰: губернатором был назначен русофил А. Бескид, а вице-губернатором стал Розсыпал. Деятели украинского направления стали обвинять правительство в предвзятом отношении. Например, А. Волошин на съезде «Просвиты» в Ужгороде 1937 г. заявил: «Эта правительственная, можно сказать политическая неблагоклонность к читальням „Просвиты“ еще увеличилась с 1924 г., когда губернатором Подкарпатской Руси стал Антоний Бескид... Началась дальнейшая борьба против „Просвиты“, главным лозунгом которой было обвинение нашего направления, с одной стороны, в ирреденте („Подкарпатски гласи“), а с другой стороны, в стремлении к чехизации (мадьяронские псевдорусофилы)»⁴⁶¹.

В действительности ситуация не была такой однозначной, как это пытались представить деятели украинского движения. Так, негодование украинофилов вызвало заявление А. Бескида о том, что языком преподавания в школах может быть только русский⁴⁶². Однако губернатор мало влиял на систему образования, поскольку здесь задавало тон чехословацкое министерство образования. Несмотря на то что назначенный вместо Пешека в министерстве образования Й. Шимек отдавал предпочтение бывшим чешским legionерам, галичане продолжали занимать важные позиции в сфере образования в Подкарпатской Руси, контролировали значительную часть национальных школ и некоторые гимназии, в том числе учительскую гимназию в Берегово. Галичане работали в учительских семинариях в Ужгороде, где в качестве языка обучения также был введен украинский литературный язык⁴⁶³. В Подкарпатской Руси язык обучения в том или ином учебном заведении во многом зависел от предпочтений учителей, их культурно-национальной ориентации. На практике язык обучения мог варьироваться между русским, украинским и местными диалектами; к тому же во многих русинских школах был чешский язык обучения. Как указывает П. Р. Магочи, если учителя заканчивали семинарии в Ужгороде, то они были украинофилами, если семинарию в Мукачево – то преимущественно были сторонниками русофильской ориентации⁴⁶⁴. В целом в Подкарпатской Руси в 1920 г. было 475 начальных школ (из них 321 школа с тем или иным восточнославянским языком обучения), 10 городских (из них 7 с восточнославянским языком), 4 гимназии (3 со славянским языком), 3 учительские семинарии (все со славянским языком), 3 профессиональных и технических училища (все со славянским языком). В 1938 г. количество школ значительно увеличилось: начальных школ теперь было 809 (469 с восточнославянским языком обучения), городских – 52 (23 с восточнославянским языком), гимназий – 8 (5 с восточнославянским языком), учительских семинарий – 5 (4 с восточнославянским языком), профессиональных и технических училищ – 5 (все с восточнославянским языком)⁴⁶⁵. Образовательная политика чехословацких властей привела к росту сети различных учебных заведений, число неграмотных уменьшилось за межвоенные годы с 67 до 27,4 %⁴⁶⁶. Разнообразная языковая палитра

⁴⁵⁹ Шевченко К. В. Славянская Атлантида. С. 223.

⁴⁶⁰ Магочій П. Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). С. 126–127.

⁴⁶¹ Марчук Н. В. Формування етнокультурної самосвідомості (період Чехословацької окупації) // Наукові праці Чорноморського державного університету імені Петра Могили. Сер. Політологія. 2011. Т. 155. Вип. 143. С. 102.

⁴⁶² Магочій П. Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь. С. 126–127; Пуцикаш А. И. Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. С. 94.

⁴⁶³ Магочій П. Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). С. 107; Шевченко К. В. Культурно-національна політика властей Чехословакиї в русинському питанні в 1920-е роки. С. 143–144, 149–150.

⁴⁶⁴ Магочій П. Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). С. 107.

⁴⁶⁵ Магочій П. Р. Україна: історія її земель та народів. Ужгород, 2012. С. 595.

⁴⁶⁶ Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 299.

была характерна и для печатных изданий. Так, в 1932 г. в Подкарпатской Руси издавалось 118 газет, в том числе 70 выходило на русском, местном диалекте и украинском языках, 31 – на венгерском, 10 – на чешском, 2 – на иврите, 5 газет были смешанными. В целом в 1919–1938 гг. в Подкарпатской Руси насчитывалось свыше 180 периодических изданий, из них 126 выходило на украинском, русском языках и местных диалектах, 51 – на языках национальных меньшинств⁴⁶⁷.

Конечно, чехословацкие власти предпринимали меры для укрепления позиций чешского языка в крае. Чешский язык как предмет преподавался в школах всех уровней, росло число чешских учебных заведений. Как указывает К. В. Шевченко, в мае 1932 г. было принято постановление Сената Высшего Административного Суда Чехословакии, по которому «чехословацкий» язык как официальный государственный язык был объявлен «имеющим преимущество» на территории Подкарпатской Руси перед языком местного населения до окончательного решения языкового вопроса будущим сеймом Подкарпатской Руси⁴⁶⁸. Однако вопрос о том, проводило ли чехословацкое правительство чехизацию края, остается открытым – в современной литературе встречаются различные точки зрения. Одни исследователи склонны говорить об ассимиляторской политике (по крайней мере, как об инициативе местных чешских чиновников), другие отрицают это явление, ссылаясь на то, что программа чехизации в документах не встречается. Если говорить о национальном составе чиновников, то важнейшие посты находились в руках чехов. Так, в 1927 г. среди государственных служащих в администрации Подкарпатской Руси было 255 чехов, 17 словаков, 142 русина, 56 венгров и 22 представителя других национальностей. В 1935 г. в краевом управлении были 7 чехов, 1 украинский эмигрант, из 12 начальников округов 7 человек были чехами, 1 – украинским эмигрантом, 2 – русскими эмигрантами и 2 – русинами. Служащих насчитывалось: 497 чехов, 20 украинских и 12 русских эмигрантов, 85 русинов и 54 венгра⁴⁶⁹.

Чехословацкая политика в отношении Подкарпатской Руси в целом носила осторожный, во многом противоречивый характер, иногда даже демонстрируя невмешательство в национально-культурные процессы в Подкарпатской Руси⁴⁷⁰. Так, 30 ноября 1924 г. Т. Г. Масарик заявил представителям Общества им. Духновича, что языковой спор является автономным делом Подкарпатской Руси: «Чешский народ не может ей языки назначить. Что же касается нынешних „языковых споров“, то это является вопросом большинства и меньшинства. Для меньшинства действуют предписания закона о меньшинствах. Этого я придерживаюсь и „языковой вопрос“ решать не буду»⁴⁷¹. Тем не менее позиция местных органов власти или отдельных правительственных чиновников могла отличаться от политики центрального руководства⁴⁷². По мнению К. В. Шевченко, «украинский крен» в политике чехословацкого руководства имелся: украинофилы составляли противовес венгерскому ирредентизму, а многие русофилы были настроены провенгерски. Кроме того, русофилы были в основном настроены консервативно, а украинофилы близки левым политическим силам, имевшим большое влияние в ЧСР⁴⁷³.

⁴⁶⁷ Там же. С. 298.

⁴⁶⁸ Шевченко К. В. Славянская Атлантида. С. 256.

⁴⁶⁹ Пушкаш А. И. Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. С. 96.

⁴⁷⁰ И. Г. Буркут считает: «Чехословацкие власти оказывали поддержку одновременно разным течениям в общественно-политической жизни Закарпатья: москвофильству, украинофильству и русофильству. Поддержка противоположных сил в конце концов вела к углублению раскола среди автохтонного населения Закарпатья...». – Буркут И. Г. Русинство: минуле і сучасність. Чернівці, 2009. С. 168.

⁴⁷¹ Кравчук О. Національні відносини в Чехословаччині 1918–1935 рр.: погляд Т. Г. Масарика // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи: зб. наук. пр. Вип. 3. Кам'янець-Подільський, 2012. С. 175.

⁴⁷² См., напр.: Віднянський С. Національна політика Праги у Підкарпатській Русі // Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 301–302.

⁴⁷³ Шевченко К. В. Русинский вопрос и политика Чехословакии в межвоенный период. С. 294.

О результатах языковой политики чехословацких властей в определенной степени дает представление проведенный в 1937 г. по инициативе министерства образования ЧСР референдум в Подкарпатской Руси в школах с восточнославянским языком обучения. Родителям учеников были розданы анкеты, чтобы определить, каким языком и по какой грамматике обучать их детей в школе. Родители могли выбрать русский или украинский язык обучения, или же вместо них написать – карпато-русский, малорусский, здешний народный и т. д. В целом за преподавание на литературном украинском языке высказались 26,8 %, по грамматике Сабова (т. е. грамматике для преподавания русского языка в средних школах) высказалось 73,19 %, причем за нее голосовали также и те родители, «для которых не было разницы в фонетическом звучании слов „русский“ и „руський“»⁴⁷⁴.

В целом следует признать, что политика чехословацких властей в отношении Подкарпатской Руси не являлась четкой проработанной программой поддержки какого-либо одного национально-культурного направления. Она во многом была обусловлена желанием пресечь ирредентистские тенденции среди русинского населения, сохранить целостность Чехословацкой Республики. Если русофилов подозревали в провенгерских настроениях, то украинофилов стали подозревать в желании отколоться от ЧСР, чтобы войти в состав будущего объединенного украинского государства⁴⁷⁵, что особенно ярко проявилось в настроении чехословацких властей уже в 1930-е гг. Целенаправленной правительственной политики украинизации в Подкарпатской Руси не осуществлялось.

Политика межвоенной Румынии в отношении русинского/украинского населения значительно отличалась и от политики Польши, и от политики Чехословакии. В конституции Румынии от 23 марта 1923 г. отмечалось, что Румынское королевство является «национальным, унитарным и неделимым» государством, но при этом «в Румынии принадлежность к разным вероисповеданиям и конфессиям, к другой национальности и языку не является препятствием для получения гражданских и политических прав и для пользования ими». Конституция Румынии от 27 февраля 1938 г. также повторяла положение о том, что «все румынские граждане, независимо от этнического происхождения и вероисповедания, равны перед законом»⁴⁷⁶. Несмотря на положения конституции, национальная политика румынского правительства основывалась на румынизации национальных меньшинств, на возвращении «денационализированных румын в лоно материнской культуры»⁴⁷⁷.

Политика румынских властей предусматривала расширение сферы применения румынского языка и увеличение доли румынского населения на присоединенных территориях. Проведение аграрной реформы и активной колонизационной политики привело к увеличению числа землевладельцев-румын. Так, крестьяне Буковины получили около 8 тыс. га земли, почти 49 тыс. га были распределены между румынскими колонистами – демобилизованными военными и представителями румынского чиновничества⁴⁷⁸. Чиновники бывшей Австрийской и Российской империй были отстранены от должностей, а претендентам на управленческие должности и работу в учебных заведениях предлагалось изменить свои фамилии на румынские соответствия.

Румынизация инкорпорированных территорий предусматривала строгий контроль над населением силами жандармерии, тайной полиции и военных. 29 января 1919 г. был издан закон о Центральной службе государственной безопасности (сигуранце). В Северной Буковине

---

⁴⁷⁴ Пушкаш А. И. Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. С. 123; см. также: Магочий П. Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). С. 137.

⁴⁷⁵ Магочий П. Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). С. 138.

⁴⁷⁶ Рендюк Т. Національна політика королівської Румунії у міжвоєнний період та під час Другої світової війни // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки та знахідки: Міжвід. зб. наук. пр. Київ, 2010. Вип. 19. С. 141.

⁴⁷⁷ Буковина 1918–1940 рр.: зовнішні впливи та внутрішній розвиток: Матеріали і документи. Чернівці, 2005. С. 124, 170.

⁴⁷⁸ Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси. С. 312.

действовали три подотдела румынской службы безопасности, которые следили за положением на границе и преследовали ее нарушителей, пресекали большевистскую и украинскую агитацию, следили за перемещениями служащих-украинцев во внутренние районы королевства, за соблюдением цензуры.

Была проведена унификация политической жизни: на присоединенных территориях действовали местные аналоги румынских политических партий. К началу 1930-х гг. все румынские политические партии имели свои ячейки и в Буковине, где уже во времена Австрийской империи получило определенное развитие украинское национальное движение. Впрочем, на Буковине в межвоенный период действовали политические организации, ставившие своей задачей борьбу за права украинцев в Румынии (Социал-демократическая партия Буковины, Украинская народно-демократическая партия). Действовала также Коммунистическая партия Буковины как составная часть Коммунистической партии Румынии. На сотрудничество с румынскими властями была ориентирована созданная в 1921 г. на Буковине Украинская народная партия. В 1927 г. возникает Украинская национальная партия (УНП), которая действовала легально, в основном занималась культурно-просветительской деятельностью и стремилась к компромиссу с румынскими властями.

Была ликвидирована прежняя сеть периодики, в том числе и украиноязычных печатных изданий, и основаны новые, исключительно румынские, была введена жесткая цензура средств массовой информации. Большинство украиноязычных журналов издавалось украинскими партиями и обществами и находилось под постоянным контролем цензуры. Наиболее известным изданием была ежедневная газета «Час» (выходила с 1 октября 1928 г.; всего вышло 3350 номеров), которую редактировали В. Мегидинюк, Ю. Сербинюк, Л. Когут. «Час» позиционировал себя как «независимое, беспартийное» издание (с 1932 г. лишь как «независимый журнал») ⁴⁷⁹.

Языковая политика властей была направлена на повсеместное внедрение в общественную жизнь румынского языка. Была проведена кампания по переименованию населенных пунктов. Соответствующий декрет был принят 21 июля 1919 г., по которому «населенным пунктам присваиваются их давние исторические названия» ⁴⁸⁰.

По распоряжению от 17 мая 1922 г. использование украинского языка в суде было запрещено. Впоследствии и суды, и администрация, и общественные учреждения были обязаны перейти на румынский язык при общении с гражданами. По закону об унификации администрации 14 июня 1924 г. мэрии (примарии) могли использовать нерумынские языки в общении с партиями только в случае, когда последние специально признаны Верховным административным советом (департаментом Министерства внутренних дел). Весной 1927 г. был издан указ о регламентации надписей и рекламы. Все вывески, дорожные указатели, объявления, реклама и т. п. в любых помещениях и общественных местах не могли быть напечатаны по-украински, если не имели над собой румынского соответствия ⁴⁸¹.

Большие изменения произошли в системе образования. На Буковине уже в 1919–1921 гг. из 168 начальных школ на румынский язык обучения перевели Учителя обязывались сдавать экзамены и направлялись в регионы с румынским населением. В Бессарабии украинские школы были сосредоточены в Хотинском и Сорокском уездах. К 1922 г. уже половина из них была переведена на румынский язык обучения ⁴⁸².

⁴⁷⁹ *Василик Л. Є., Попович Ю. О.* Місячник «Самостійна думка» та тижневик «Самостійність» – речники українського життя на Буковині у міжвоєнний період // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна: Сер. «Соціальні комунікації». 2011. Вип. 3. 2011. С. 47.

⁴⁸⁰ *Рендюк Т. Г.* Українці Румунії: Національно-культурне життя та взаємовідносини з владою. Київ, 2010. С. 26.

⁴⁸¹ Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси. С. 313.

⁴⁸² *Пиддубный И.* Деятельность правительства и реформы 1922–1926 гг. в Румынии // *Codrul Cosminului*. Vol. XX. 2014. № 2. Р. 482.

26 июля 1924 г. был издан закон о школьном образовании. Проведенная румынскими властями унификация в сфере образования обеспечивала государственные интересы и интересы титульной нации. Ликвидировалась существовавшая в Австро-Венгрии система украинских начальных школ, гимназий и лицеев, которые были заменены румынскими учебными заведениями. В течение 1925–1927 гг. украинские школы были ликвидированы, учителей-украинцев преимущественно заменили на румын. Были закрыты украинские гимназии в Черновцах, Кицмани, Вижници. Еще раньше, законом от 23 сентября 1919 г., король Фердинанд I провозгласил румынизацию Черновицкого университета. Ректором университета стал И. Нистор. В 1923 г. были закрыты действовавшие при Австро-Венгрии кафедры украинистики. В 1933/1934 учебном году доля украинских студентов в Черновицком университете сократилась до 4,8 %, а в 1938/1939 учебном году – до 2,9 % (для сравнения, румыны составляли тогда 83,4 %)⁴⁸³. В декабре 1925 г. парламент принял закон о частном образовании: образовательные учреждения должны были давать образование и представителям национальных меньшинств, но изучение румынского языка у них было частью обязательной программы, как и преподавание ряда предметов на румынском языке⁴⁸⁴.

Борьба за украинскую школу превратилась в лозунг украинского движения, реализованного мирными методами на всех уровнях – от местных органов самоуправления и румынского сената до Лиги Наций. В середине 1920-х гг. свыше 40 тыс. родителей-буковинцев подписались под петицией с требованием возрождения украинской школы. Собственными средствами украинские общества пытались сохранить письменность, создавая «курсы неграмотных», «вакаційни курси» и тому подобное⁴⁸⁵.

Одновременно в Буковине среди молодежи стал находить приверженцев украинский национализм. Конечно, уровень развития украинского национализма в Восточной Галиции был, несомненно, выше. Однако в 1930 г. в Черновцах возник Легион украинских революционеров (ЛУР) во главе с О. Зубачинским, в 1932 г. организована группа «Мстители Украины» («Месники України»), она была временно действующей платформой для ЛУР с лидерами Д. Квитковским и И. Григорьевичем. Организации установили связи с ОУН, и с 1934 г. Зубачинский стал руководителем ОУН на Буковине, в Бессарабии и Марамуреше⁴⁸⁶.

Таким образом, Чехословакия и Румыния продемонстрировали противоположные варианты политики в отношении украинского вопроса. Власти ЧСР придерживались осторожной политики, не настаивая на внедрении какой-либо одной идентичности в массовое самосознание русинов. Благоклонное отношение к украинскому движению не привело к проведению политики украинизации в Подкарпатской Руси.

Румыния действовала очень жестко, демонстрируя, с одной стороны, намерение ассимилировать нерумынское население, и в то же время – признавая минимальную программу сотрудничества с украинскими лидерами. В данном случае политика румынских властей была противоположна политике украинизации, предпринятой в УССР.

* * *

Таким образом, в 1920-е гг. ареной проведения украинизации стала Украинская ССР. Несмотря на то что правительства Польши, Чехословакии, Румынии демонстрировали различ-

⁴⁸³ Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 313–314; *Рейдлюк Т.* Національна політика королівської Румунії у міжвоєнний період та під час Другої світової війни С. 143–144.

⁴⁸⁴ *Лиддубный И.* Деятельность правительства и реформы 1922–1926 гг. в Румынии. Р. 483–484.

⁴⁸⁵ Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 316.

⁴⁸⁶ *Буркут И.* Деятельность советского и украинского националистического подполья на территории Черновицкой области в 1941–1944 гг. // Русин. 2010. № 4. С. 90; *Макар Ю. І. Є.* Коновалець та розвиток українського націоналістичного руху на Буковині // Вісник центру буковинознавства. Серія історична. Вип. 1. Чернівці, 1993. С. 159.

ные подходы к проблеме инкорпорирования украинских земель в состав новых национальных государств, к протекционистской политике в отношении украинского языка и культуры они прибегать не торопились. Чехословацкие власти, признавшие родство местного русинского наречия с украинским языком и привлекавшие украинцев из Галиции для работы в Подкарпатской Руси, целенаправленную украинизацию не проводили. Более того, язык обучения в школах отличался крайней вариативностью и во многом зависел от убеждений педагогов. Румынские же власти предприняли курс на ассимиляцию нерумынского населения. Только в конце 1920-х гг. на Волыни Г. Юзевский начал проводить эксперимент, нацеленный на создание благоприятного климата в польско-украинских отношениях за счет поддержки пропольски настроенных украинских организаций, введения украинского языка в польских школах и пропаганды польско-украинского сотрудничества. С одной стороны, таким путем ограничивалось влияние на Волынь украинского движения из Восточной Галиции. В то же время в условиях активного проведения украинизации на Советской Украине подобная политика носила в определенной степени ответный характер и должна была нивелировать советское влияние на западноукраинское население.

Советская украинизация распространялась практически на все стороны жизни национальной республики. Большевистское руководство стремилось не только к укреплению партийных и советских структур в УССР за счет привлечения местных кадров на руководящие должности, но и предпринимала большие усилия по внедрению украинской советской идентичности в массовое сознание путем проведения соответствующей политики в области образования и культуры. На украинский язык переводились учебные заведения, на украинском языке печатались книги, газеты и журналы, поддерживалась украинская литература и искусство.

Глава 3

Национальный вопрос в политике восточноевропейских государств во второй половине 1930-х гг. и объединение украинских земель

§ 1. Украинцы в политике Польши, Чехословакии и Румынии. Образование Карпатской Украины

Политика польских, чехословацких и румынских властей в 1920-е гг. не принесла прочного мира и спокойствия на украинские земли. Деятели украинского движения не были удовлетворены действиями властей Польши, Чехословакии и Румынии. Руководство этих стран, в свою очередь, с тревогой следило за ростом самосознания национальных меньшинств и усилением радикальных настроений в украинском обществе.

Конструктивного межнационального диалога между западноукраинским обществом и польскими властями не получалось. 1930-е гг. начались с активного противостояния между радикальной частью украинского движения и польским руководством, вызванного антипольскими террористическими действиями националистов и политикой умиротворения варшавских властей. В то же время отнюдь не вся польская общественность была благожелательно настроена к волынскому варианту нормализации межнациональных отношений. Не способствовала успеху украинской политики Польши и международная ситуация. Варшаву особенно беспокоили прогерманские настроения среди руководства ОУН. Уже в конце 1932 г. ОУН прилагала усилия для установления связей с германскими спецслужбами. Так, состоялась встреча Е. Коновальца и Р. Ярого с руководителем абвера Р. Патцигом, на которой, как писал А. В. Кентий, «было достигнуто джентльменское соглашение касательно продолжения сотрудничества в случае войны с Польшей»⁴⁸⁷. Летом 1933 г. в окружении только что пришедшего к власти Гитлера уже велись разговоры об организации выступления украинских националистов в Восточной Галиции в случае вооруженного конфликта с Польшей, что могло существенно повлиять на польскую военную мощь⁴⁸⁸. В условиях очевидного кризиса Лиги наций после выхода из нее в октябре 1933 г. Германии Польша в 1934 г. заявила о своем выходе из системы международно-правовой охраны национальных меньшинств. Взятые на себя обязательства Варшава никогда не исполняла сколько-нибудь удовлетворительно, но теперь отпала надобность даже в формальном следовании принципам Версальской системы.

Между тем советофильские настроения в западноукраинском политическом лагере Польши в 1930-е гг. уже не были так распространены, как в предшествующий период. Неблагоприятное впечатление произвел процесс над так называемым Союзом освобождения Украины 1930 г., а сообщения о голоде в УССР, появившиеся в западноукраинской прессе, нанесли еще больший удар по советофильству. Наконец, с тревогой было воспринято известие о самоубийстве Скрыпника. 24 июня ЦК УНДО приняло резолюцию о положении на Советской Украине, в которой осудило «грабительскую, рассчитанную на физическое и моральное истребление украинского народа политику коммунистов на Украине»⁴⁸⁹. 24 июля греко-католический епи-

---

⁴⁸⁷ Кентий А. В. Збройний чин Українських Націоналістів 1920-1956. Історико-архівні нариси. Т. 1: Від Української Військової Організації до Організації Українських Націоналістів 1920-1942. Київ, 2005. С. 120.

⁴⁸⁸ Там же. С. 121.

⁴⁸⁹ Резолюції ЦК УНДО про становище в Радянській Україні 24 червня 1933 р. // Український національно-визвольний

скопат обратился к верующим с призывом помочь голодающим украинцам в УССР⁴⁹⁰. На совместном заседании Украинской парламентарной репрезентации (УПР) и представителей украинских организаций и учреждений Львова был образован Общественный комитет спасения Украины, который начал проводить акции протеста против политики большевиков в УССР⁴⁹¹. Польское правительство, учитывая подписанный советско-польский договор о ненападении, стремилось ограничить проведение протестных акций, а после убийства работника советского консульства А. Майлова запретило во Львовском воеводстве любые общественные собрания.

События 1933 г. сказались и на судьбе КПЗУ. Советское руководство было недовольно тем, что распространявшиеся в Польше известия о голоде не встретили решительного отпора со стороны партии. Лидеры КПЗУ М. Заячковский и Г. Иваненко были вызваны в СССР, обвинены в измене как замаскированные агенты ОУН и арестованы по делу Украинской военной организации. Через пять лет, в 1938 г., Коминтерн одобрил решение о роспуске КПЗУ.

Поворот в украинской политике польских властей произошел во второй половине 1930-х гг. После смерти Ю. Пилсудского в 1935 г. в варшавской политической элите вокруг этой проблемы шла борьба между тремя группировками, объединившимися вокруг премьер-министра В. Славека, президента Польши И. Мосцицкого и генерального инспектора Вооруженных сил Э. Рыдз-Смиглы.

В. Славак, возглавлявший в марте – октябре 1935 г. правительство Польши, предпринял попытку нейтрализации украинского движения в Восточной Галиции. В мае – июне 1935 г. на нескольких неформальных встречах представителей УНДО с правительственными чиновниками было достигнуто соглашение между руководством УНДО (В. Мудрый, В. Целевич, О. Луцкий) и министром внутренних дел М. Зындрам-Косцялковским. Нормализация касалась только Галиции. Правительство предложило некоторые уступки для украинцев в экономической и культурной сферах, а достижение соглашения давало возможность кандидатам из УНДО быть избранными в парламент⁴⁹².

Требования украинской стороны к правительству Польши были подготовлены в июле 1935 г. и переданы польской стороне В. Мудрым. Как вспоминал член ЦК УНДО И. Кедрин, речь шла о прекращении польской колонизации украинских земель; свободном приеме украинской молодежи в высшие учебные заведения; открытии украинского университета; использовании термина «украинский» вместо «русский» и «русинский»; открытии закрытых украинских государственных гимназий; преподавании в украинских школах на украинском языке в полном объеме; предоставлении украинской молодежи возможности трудоустройства в органах госадминистрации и местного самоуправления; амнистии политзаключенных и т. д.⁴⁹³

В результате польско-украинского соглашения 1935 г. был выделен кредит некоторым украинским коммерческим организациям, больнице украинского общества «Народна ликарня» во Львове, поликлинике для матери и ребенка во Львове. 27 февраля 1936 г. было издано распоряжение министра внутренних дел Польши Ф. Славой-Складковского, уравнивавшее использование в государственных учреждениях и официальных документах терминов «guski» и «ukraiński», поскольку они, по мысли министра, использовались для обозначения одного и того же народа. Кроме того, госадминистрация отказалась от тесного сотрудничества с галицкими москвофилами, некоторые украинские учителя были возвращены из центральных

рух на Прикарпатті в ХХ столітті. Документи і матеріали. Т. 1. Кн. 2: 1929-1939. Івано-Франківськ, 2014. С. 184.

⁴⁹⁰ Звернення єпископату Української греко-католицької церкви до віруючих із закликом допомогти голодуючим українцям у Радянській Україні 24 липня 1933 р. // Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в ХХ столітті. Документи і матеріали. Т. 1. Кн. 2. С. 186.

⁴⁹¹ Ряд документів о реакції на голод в УССР на Западній Україні опублікован в збірник: Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в ХХ столітті. Документи і матеріали. Т.1. Кн. 2.

⁴⁹² *Комар В. Л.* Концепція прометеїзму в політиці Польщі (1921–1939 рр.). Івано-Франківськ, 2011. С. 285.

⁴⁹³ *Федевич К. К.* Галицькі українці у Польщі. 1920–1939 рр. (Інтеграція галицьких українців до Польської держави у 1920-1930-ті рр.). Київ, 2009. С. 185; *Кедрин І.* Життя – події – люди. Спомини і коментарі. Нью-Йорк, 1976. С. 253–255.

районов Польши на территорию Восточной Малой Польши, нескольких украинцев приняли на работу в госучреждения и кампании, два галицких украинца получили должности в польском МИД (одна вакансия – в польском консульстве в Харбине и одна – в Нью-Йорке)⁴⁹⁴.

Одновременно польские власти провели судебные процессы по делу членов ОУН. 18 ноября 1935 г. в Варшаве начался процесс по делу участников покушения на Перацкого. Перед судом предстали 12 членов ОУН, в том числе С. Бандера. 13 января 1936 г. суд вынес обвинительный приговор, С. Бандера, Н. Лебедь и Я. Карпинец были приговорены к смертной казни, но по правительственной амнистии она была заменена на пожизненное заключение, другие были приговорены к длительным срокам заключения.

Еще один процесс над 23 деятелями ОУН проходил с 25 мая по 26 июня 1936 г. во Львове. Речь шла о нескольких террористических актах, совершенных членами ОУН (убийство заведующего канцелярией Генконсульства СССР во Львове А. Майлова в 1933 г., директора Львовской гимназии И. Бабия в 1934 г., студента Я. Бачинского и др.). С. Бандера и Р. Мигаль были приговорены к пожизненному заключению, остальные – к длительным срокам⁴⁹⁵.

Часть правящего лагеря во главе с генеральным инспектором Вооруженных сил Э. Рызд-Смиглы и военным министром Т. Каспжицким инициировали так называемую политику «усиления польскости» в северо-восточных регионах страны. В июне 1935 г. польская полиция провела в Волынском воеводстве пацификацию. В ночь с 24 на 25 июня были организованы массовые полицейские облавы, которыми было охвачено 78 сел трех уездов, в ходе которых арестовали 41 человека.

В сентябре 1936 г. были арестованы деятели Украинского национального казачьего движения (УНАКОР) – украинской эмигрантской организации, лидером которой был И. Полтавец-Острияница. На Волыни действовало ее подразделение под руководством И. Волошина-Берчака. 27–30 апреля 1937 г. в Луцке состоялся судебный процесс над 44 унаковцами. Двое подсудимых были оправданы, остальные были приговорены к тюремному заключению. Впрочем, уже осенью 1936 г. в селе Заполье Любомльского уезда была опять организована ячейка УНАКОР. 15 июля 1939 г. 13 членов этой организации были арестованы, восьмеро из них очутились в тюрьме⁴⁹⁶.

Были произведены аресты и среди членов ОУН на Волыни. Акция по ликвидации началась в ноябре 1938 г. и длилась практически до сентября 1939 г. Были арестованы 754 человека, из них заключены в тюрьму 624 члена ОУН, под надзор полиции попали 43 человека и освобождены 87 человек. Были проведены судебные процессы, на 8 июня 1939 г. 207 членов ОУН были приговорены к тюремному заключению на срок от 1 до 13 лет. В Березе-Картузской к началу сентября 1939 г. из 7 тыс. новых заключенных 4,5 тыс. были украинцами⁴⁹⁷.

В январе 1936 г. премьер-министром Польши Зындрам-Косцюлковским на заседании Национального комитета Президиума Совета министров были представлены тезисы национальной политики. Предполагалось создание полонофильского движения среди украинцев Волыни и Галиции, а в отношении украинцев Холмщины, Полесья, Подляшья и Лемковщины планировалось проводить политику национальной ассимиляции⁴⁹⁸.

⁴⁹⁴ Федевич К. К. Галицькі українці у Польщі. 1920–1939 рр. (Інтеграція галицьких українців до Польської держави у 1920–1930 ті рр.). С. 188–192.

⁴⁹⁵ Мірчук П. Степан Бандера – символ революційної безкомпромісовості. Нью-Йорк; Торонто, 1961. С. 49; Книш З. Варшавський процес ОУН на підлозжі польсько-українських відносин тієї доби. Торонто, 1986. Т. 2. С. 265–269; см. також Посівнич М. Постаць Степана Бандери під час Варшавського та Львівського процесів (1935–1936 рр.) // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Історичні науки. 2010. Вип. 16. С. 36.

⁴⁹⁶ Реабілітовані історією: У 27 томах. Волинська область. Кн. 1. Луцьк, 2010. С. 17.

⁴⁹⁷ Дарованець О. Боротьба Організації українських націоналістів проти асиміляційно-репресивної політики польської влади щодо українців Волині (1929–1939) // Український визвольний рух: наук. зб. Львів, 2003. Зб. 2. С. 72.

⁴⁹⁸ Комар В. Українське питання в політиці Польщі (1926–1939) // Український історичний журнал. 2001. № 5. С. 126.

В июле 1936 г. командующий округом Корпуса II в Люблине, которому в военном отношении подчинялось Волынское воеводство, генерал М. Сморовинский направил министру юстиции В. Грабовскому заключение об общественно-политической ситуации в Волынском воеводстве. Деятельность воеводы Юзевского была подвергнута резкой критике. По мнению Сморовинского, следствием «волынского эксперимента» стало уменьшение польского присутствия на территории воеводства и превращение Волыни в оплот коммунизма и воинствующего украинского национализма⁴⁹⁹.

Усилению польского присутствия на Волыни призвана была служить ревиндикационная акция, развернувшаяся во второй половине 1937 г. и осуществлявшаяся и путем административного давления, и методами откровенного запугивания. Она приняла массовый характер, нередко осуществлялся перевод в римско-католическую веру целых сел⁵⁰⁰. Так, в Кременецком повете в декабре-январе «перешли в католичество около 900 человек», в феврале были два случая перехода в католичество – 56 и 62 человека, в марте – три случая (45, 40 и 99 человек), в апреле – 72 человека, в мае – 15 и 34 человека, в июне – 49 и 33 человека⁵⁰¹.

«Волынский эксперимент» был прекращен в апреле 1938 года. Юзевский был отозван из Волыни, получив новое назначение в Лодзь. Уже после своей отставки бывший волынский воевода написал записку «Об основных направлениях польской государственной политики на Волыни», в которой высказал обеспокоенность вмешательством военных в межнациональные и межконфессиональные отношения на Волыни. По его мнению, полная полонизация школ, увольнение украинской интеллигенции со своих должностей будут иметь неблагоприятные последствия: «Позиция ненависти ко всему украинскому вызовет со стороны украинцев позицию ненависти ко всему польскому»⁵⁰².

Новым волынским воеводой стал А. Гауке-Новак. Новая волынская администрация объявила об ускорении процесса полонизации воеводства. В феврале 1939 г. по инициативе нового воеводы была разработана и утверждена министерством внутренних дел новая «программа государственной политики на Волыни». Реализация программы должна была способствовать, во-первых, самой «тесной органической соборности Волыни со всей Речью Посполитой»; во-вторых, «обязательному расширению и углублению принципов сосуществования польского и непольского населения, ввиду основополагающего утверждения о том, что именно государственная и национальная ассимиляция непольского населения является главной целью этого сосуществования»⁵⁰³. Речь шла о прекращении украинизации православной церкви, ликвидации всех украинских организаций на территории воеводства, закрытии украинских школ, в том числе частных.

В конце 1930-х гг. курс польского руководства предполагал активную полонизацию национальных меньшинств с применением репрессивных методов и административного нажима, что привело к росту антипольских настроений среди украинцев. Весьма показательно, что в 1938 г. был закрыт «Польско-украинский бюллетень». Немалую роль сыграло нарастание напряженности в Европе, кризис вокруг Чехословацкой Республики, появление автономной Подкарпатской Руси, в последующем провозглашенной Карпатской Украиной.

⁴⁹⁹ Крамар Ю. Політика «зміцнення польської присутності» на Волині та її вплив на характер українсько-польських стосунків напередодні Другої світової війни // Друга світова війна і доля народів України: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. Київ, 2005. С. 198.

⁵⁰⁰ Там же. С. 201.

⁵⁰¹ Волинський воеводський уряд. Суспільно-політичний відділ. Місячний ситуаційний звіт // Сивіцький М. Історія польсько-українських конфліктів. У 3 т. Т. 1. Київ, 2005. С. 209.

⁵⁰² Крамар Ю. Політика «зміцнення польської присутності» на Волині та її вплив на характер українсько-польських стосунків напередодні Другої світової війни. С. 202–203.

⁵⁰³ Панасюк В. «Волинська політика» воевод Г. Юзевського та А. Гавке-Новака 1928–1939 років: проблеми україно- та німецькомовної освіти. // Етнічна історія народів Європи: зб. наук. пр. Вип. 16. Київ, 2004. С. 129.

Все эти события не могли не отразиться на настроениях украинских политических сил в Польше. 3 декабря 1938 г. руководитель УНДО В. Мудрый официально заявил в сейме о неуспешности польско-украинского союза, о том, что польская сторона не оправдала надежд украинцев. 9 декабря украинская фракция в сейме внесла на обсуждение в парламент законопроект об украинской национальной автономии на украинских этнических землях Польши. Согласно проекту, юрисдикции правительства и администрации Галицко-Волынской земли подлежали все вопросы, за исключением внешней политики, армии и финансов на общегосударственном уровне. Решения Президента Польши, касающиеся Галицко-Волынской автономии, приобретали бы юридическую силу только после утверждения галицко-волынского Совета министров и галицко-волынского министерства, к компетенции которого относилось бы конкретное решение. Проект предусматривал также создание независимой от центральной власти судебной системы, системы образования и даже территориальных воинских частей из выходцев Галиции и Волыни. Сотрудники госадминистрации и органов власти на территории Галицко-Волынской земли также должны были выбираться из местных уроженцев. Обязательным условием для госслужащих и учителей было владение как польским, так и украинским языками⁵⁰⁴.

В январе 1939 г. Совет министров Польши обсуждал программу действий по украинскому вопросу, а в марте была подготовлена правительственная программа усиления польского элемента в Восточной Малой Польше, предусматривавшая тесное культурное и экономическое объединение Восточной Галиции с Польской Республикой, создание «сильного сознательного польского общества». Программа предусматривала изменение национальной структуры юго-восточных земель путем плановой польской сельскохозяйственной колонизации, увеличение польского населения городов, индустриализации, зарубежной эмиграции и внутренней миграции населения, польской национально-просветительской работы среди «рутенизированного» местного населения, которое имеет польское происхождение⁵⁰⁵.

Внимание к украинскому вопросу польских властей было не случайным: события в соседней Чехословакии – предоставление автономии Подкарпатской Руси, которая автономным правительством стала именоваться Карпатской Украиной, – привели к оживлению деятельности украинского национального движения. Как докладывал заместитель начальника Офицерского поста контрразведки К. Кренц 21 января 1939 г., «среди украинского населения ходят версии, что в ближайшее время с помощью Гитлера на территории восточной части Малой Польши будет создано Украинское государство»⁵⁰⁶.

В Чехословакии отношение к украинскому движению также изменилось. В середине 1930-х гг. чехословацкие власти внимательно и настороженно отнеслись к усилению украинского националистического движения в соседней Восточной Галиции. Лидер национальных социалистов В. Клофач подчеркивал потенциальную опасность сепаратизма в украинском движении. «Но достаточно взглянуть на широко распространяемые открытки, где карта Великой Украины поглотила не только Подкарпатскую Русь, но и Восточную Словакию, чтобы понять,

---

⁵⁰⁴ Проект Конституції автономії Галицько-Волинської землі у складі Польщі, внесений до сейму Українською парламентарною репрезентацією 3 грудня 1938 р. // Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в ХХ столітті. Документи і матеріали. Т. 1. Кн. 2: 1929-1939. Івано-Франківськ, 2014. С. 381–390; Повідомлення в газеті «Діло» про вимогу Української парламентарної репрезентації у польському сеймі надати українським землям національно-територіальну автономію 9 грудня 1938 р. // Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в ХХ столітті. Документи і матеріали. Т. 1. Кн. 2. С. 391; Федевич К. К. Галицькі українці у Польщі. 1920–1939 рр. (Інтеграція га лицьких українців до Польської держави у 1920-1930-ті рр.). С. 251–252.

⁵⁰⁵ Федевич К. К. Галицькі українці у Польщі. 1920–1939 рр. (Інтеграція галицьких українців до Польської держави у 1920-1930-ті рр.). С. 255–256.

⁵⁰⁶ Сообщение К. Кренца начальнику Отдельного сектора информации ДОК VI о подготовке съезда молодых украинских националистов во Львове и сборе средств в Бучачском районе для организации украинской армии в Закарпатской Украине. 21 января 1939 г. // Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. В 2 т. Т. 1: 1939-1943. М., 2012. С. 36.

откуда исходит политическая опасность для нашего государства»⁵⁰⁷, – писал он в середине 1930-х годов. Чехословацкие власти обращали большое внимание на украинское движение в соседних странах. В полицейских рапортах говорилось, что ОУН намеревается силой оторвать Подкарпатскую Русь от Чехословакии и присоединить ее к единому украинскому государству, а сторонники гетмана П. Скоропадского собираются вернуть Подкарпатскую Русь Венгрии после возрождения украинского государства⁵⁰⁸.

Международная обстановка не благоприятствовала Чехословакии, особенно напряженными были отношения с Польшей, Венгрией и Германией. При этом борьба за автономию Подкарпатской Руси поддерживалась извне: Автономный земледельческий союз во главе с А. Бродием – Венгрией, Русская национально-автономная партия С. Фенцика – Польшей.

Как считает П. Р. Магочи, в политике Праги произошел поворот к русинизму⁵⁰⁹, что было обусловлено консолидационными усилиями правительства в условиях политической напряженности в Европе. Усилия правительства стали направляться на поддержку местного русинского национального самосознания: в 1935–1936 гг. в Праге был основан Народнохозяйственный союз Подкарпатской Руси (Národohospodársky Svaz pro Podkarpatskou Rus), Подкарпатоторусская Матица (Maticе Podkarpatoruská), Клуб друзей Подкарпатской Руси (Klub přátel Podkarpatské Rusi) в Братиславе⁵¹⁰. С 1934 г. в Подкарпатской Руси на местном наречии велись радиопередачи⁵¹¹.

В 1935 г. третьим губернатором Подкарпатской Руси был назначен К. Грабарь, член правящей Аграрной партии, представитель местной русинской ориентации, не участвовавший ни в русофильском, ни в украинском движении⁵¹². Премьер-министр ЧСР М. Годжа, пытаясь снизить накал страстей, высказал намерение внимательно отнестись к требованиям автономии Подкарпатской Руси. Воодушевленные сообщениями из Праги, украинофильская и русофильская фракции Центральной русской народной рады на своем совместном заседании 12 марта 1936 г. приняли специальный меморандум об автономии и направили его чехословацкому правительству. Решения Праги не оправдали надежд русинских лидеров: в июне 1937 г. был принят закон, несколько расширявший полномочия губернатора, однако речь об автономии не шла⁵¹³.

Ситуация обострилась осенью 1938 года. В результате Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 г. от ЧСР были отторгнуты Судетская область (которая отошла к Германии) и Тешинская область (к Польше). В итоге Чехословакия потеряла одну треть своей территории с населением 5 млн человек и 40 % своего промышленного потенциала. Преданная западными союзниками, страна очутилась в состоянии глубокого политического кризиса.

Оказавшееся в тяжелом положении чехословацкое руководство вынуждено было пойти на установление автономии Подкарпатской Руси. 21 сентября 1938 г. представители политических партий украинофильской и русофильской ориентаций подписали Декларацию о создании автономной администрации в Подкарпатской Руси. 8 октября в Ужгороде состоялось совещание с участием депутатов парламента и сената от Подкарпатской Руси, на котором было достигнуто соглашение о персональном составе автономного правительства и создана Наци-

⁵⁰⁷ Шевченко К. В. Культурно-национальная политика властей Чехословакии в русинском вопросе в 1920-е годы // Карпатские русины в славянском мире: актуальные проблемы. Материалы международного научного круглого стола. М.; Братислава, С. 144–145.

⁵⁰⁸ Магочій П. Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород, С. 139.

⁵⁰⁹ Там же. С. 134–135.

⁵¹⁰ Там же. С. 135–136.

⁵¹¹ Шевченко К. В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М., 2010. С. 260. См. также: Шандор В. Спомини. Т. 1: Карпатська Україна 1938-1939. Ужгород, 1995. С. 245–247.

⁵¹² Шевченко К. В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. С. 170.

⁵¹³ Там же. С. 175.

ональная рада Подкарпатской Руси, в которой Украинскую народную раду представляли А. Волошин, Ю. Брашайко, Д. Нимчук. В Национальную раду вошли представители практических всех основных политических сил края. В выпущенном меморандуме Национальная рада провозгласила себя единственным законным представителем всех русинских областей Карпат и «всего... населения, для которого обеспечивается самоопределение и самоуправление». Было решено добиваться для Подкарпатской Руси тех же прав, которые получила и получит Словакия. Кроме того, было решено требовать немедленной замены значительной части чешских правительственных чиновников в крае местными кадрами и принятия закона о Подкарпатской Руси⁵¹⁴.

11 октября 1938 г. было провозглашено автономное коалиционное правительство Подкарпатской Руси в составе преимущественно представителей русофильских политических партий во главе с А. Бродием. 15 октября было издано распоряжение о языке Подкарпатской Руси. Государственным языком объявлялся язык русский (малорусский) до окончательного решения этого вопроса сеймом Подкарпатской Руси⁵¹⁵. Правительство поставило задачу решить вопрос о границе между Подкарпатской Русью и Словакией. Бродий начал кампанию за присоединение к краю восточнословацких районов с русинским населением (Пряшевщины). Один из министров нового правительства, С. Фенцик, отправился в Прешов для обсуждения этого вопроса. В своей первой премьерской речи Бродий откровенно заявил, что «первое правительство Карпатской Руси предпримет все меры, чтобы объединить все русские области в Карпатах (от Попрада до Тисы) в один целый, свободный штат»⁵¹⁶.

Такое внимание к территориальному вопросу было вызвано претензией Венгрии на часть территории Словакии и Подкарпатской Руси, где проживало венгерское население. 25 октября 1938 г. Венгрия потребовала или проведения всенародного плебисцита, или арбитража европейских государств. 26 октября чехословацкое правительство согласилось на арбитраж.

Однако А. Бродий оставался премьером недолго. Вскоре он был обвинен в том, что долгое время работал на Венгрию, и 26 октября 1938 г. премьер-министром второго автономного правительства стал А. Волошин, что привело к укреплению украинского направления в общественно-политической жизни края. Новый состав автономного правительства стал исключительно украинским, и русофилы перешли в оппозицию, организуя антиукраинские митинги и демонстрации во многих карпатских городах. В свою очередь, Украинская народная рада опубликовала 27 октября 1938 г. в газете «Нова свобода» обращение «К украинцам всего мира! Ко всем украинским партиям, организациям, группам, обществам в Галиции, Буковине, Бессарабии, Поднепровской Украине, Канаде, Соединенных Штатах Америки и к украинцам в целом, где бы они ни проживали»: «Украинская народная рада выражала надежду, что великий 50-миллионный украинский народ... не допустит, чтобы наши вековечные враги налагали на нас путы, снова сажали нас в тюрьмы». Обращение было расценено как призыв о помощи, и в соседней Галиции прошли демонстрации в поддержку правительства Волошина (во Львове, Станиславе, Коломые), начались нелегальные переходы польско-чешской границы галицкими украинцами⁵¹⁷.

События вокруг Чехословакии развивались стремительно. 2 ноября состоялся первый Венский арбитраж, по которому к Венгрии отходили южные районы Словакии и Подкарпатской Руси с преимущественно венгерским населением. Подкарпатская Русь лишилась наи-

⁵¹⁴ *Віднянський С.* Закарпаття – Підкарпатська Русь: від здобуття автономії до проголошення незалежної держави (до 70-річчя Карпатської України) // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика: зб. наук. ст. Київ, 2009. Вип. 15: [у 2 ч.]. Ч. 1. С. 186.

⁵¹⁵ Розпорядок правительства Підкарпатської Руси з дня 15 жовтня 1938 р. про урядову мову Підкарпатської Руси // Карпатська Україна (1938–1939). Збірник архівних документів і матеріалів. Ужгород, 2009. С. 31.

⁵¹⁶ *Маголій П. Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). С. 144.

⁵¹⁷ *Віднянський С.* Закарпаття – Підкарпатська Русь: від здобуття автономії до проголошення незалежної держави. С. 191.

более крупных в крае городов – Ужгорода, Мукачева, Берегова. Правительство Волошина перебазировалось из Ужгорода в Хуст. В начале ноября 1938 г. было создано общество Карпатская сечь с целью защиты «государственных и национальных интересов Подкарпатской Руси и укрепления оборонного духа в украинском обществе этого края, преодоления антигосударственной пропаганды и всесторонней поддержки правительства Подкарпатской Руси, особенно для поддержания порядка и безопасности»⁵¹⁸. Команды сечевиков были созданы во многих населенных пунктах, возглавлял руководство Карпатской сечи Д. Климпущ.

ОУН с энтузиазмом восприняла события в Подкарпатской Руси, в автономию хлынул поток украинцев из Галиции, надеявшихся, что Закарпатье станет центром, вокруг которого образуется единое украинское государство. Польская полиция была озабочена событиями на Карпатской Украине (в одном из документов следственного управления в Тернополе оно именовалось «карликовым наброском суверенного украинского государства»⁵¹⁹): «Правительство свящ. Волошина, которое – избегая внутренних и внешних перетрясок – в настоящее время хочет посвятить себя работе на благо мира для укрепления украинизма на Прикарпатской Руси и экономического устройства, отдает себе одновременно отчет, что молодые эмигранты ориентируются не столько на авторитет Хуста, сколько на максималистскую программу и авторитет полковника А. Мельника, шефа Провода Украинских Националистов»⁵²⁰. Действительно, украинские радикальные националисты стремились занять главное положение в государственных и партийных структурах и руководстве Карпатской сечи и требовали решительных действий, в частности, по отношению к чехам и пражской власти. По словам представителя правительства автономии в Праге В. Шандора, молодежь из Галиции «принесла с собой не только пылкий патриотизм, но и формы и методы конспиративной антипольской борьбы, которые они стали внедрять в жизнь и в Карпатской Украине»⁵²¹.

22 ноября одновременно с законом об автономии Словацкого края, парламент одобрил и закон о Подкарпатской Руси, которая объявлялась автономной частью Чехо-Словацкой республики. Новый курс правительства был зафиксирован в новом распоряжении о языке: «государственным языком Подкарпатской Руси является малорусский, т. е. украинский язык, вплоть до решения этого вопроса сеймом»⁵²². В конце декабря правительство распустило земское (краевое) правительство в Хусте и официально позволило употреблять наряду с названием «Подкарпатская Русь» также название «Карпатская Украина»⁵²³. Правительство Волошина жестко действовало в отношении оппозиционных сил. Премьер издал несколько указов о закрытии изданий, которые не устраивали новую власть, в том числе газет «Русин», «Карпаторусский Голос», «Русский голос» и журнала «Тиса». Последний был закрыт из-за публикации двух статей, в одной из которых редакторы убеждали своих читателей на местном варианте русского языка, что «новая республика и новая Подкарпатская Русь не обеспечат ему ту спокойную жизнь, ту русскую культуру и тот насущный кусок хлеба, каким он до сих пор жил». Была введена жесткая цензура оставшихся газет и журналов, были закрыты местные центры русофильского культурно-просветительского общества им. Духновича, а 20 ноября 1938 г. по указу

⁵¹⁸ Статут Організації Народної Оборони «Карпатська Січ» 10 листопада 1938 р. // Карпатська Україна (1938–1939). Збірник архівних документів і матеріалів. С. 61.

⁵¹⁹ Сообщение и. о. начальника следственного управления в г. Тернополе Гончарука в Воеводское управление государственной полиции о настроениях украинской молодежи, находящейся в составе «Карпатской сечи» и положении в Закарпатской Руси. 3 февраля 1939 г. // Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. В 2 т. Т. 1: 1939-1943. С. 42.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Шандор В. Спомини. Т. 1: Карпатська Україна. 1938-1939. С. 308.

⁵²² Розпорядження уряду Підкарпатської Руси в Хусті про оголошення української мови державною на всій території Підкарпатської Руси 15 листопада 1938 р. // Карпатська Україна (1938–1939). Збірник архівних документів і матеріалів. С. 80.

⁵²³ Проект розпорядження уряду Підкарпатської Руси про назву «Підкарпатська Русь» 30 грудня 1938 р. // Карпатська Україна (1938–1939). Збірник архівних документів і матеріалів. С. 107.

Волошина в Карпатской Украине был создан и начал действовать концентрационный лагерь Думен вблизи Рахова⁵²⁴.

Власти ЧСР пытались контролировать ситуацию. В декабре 1938 г. президент Чехословакии Э. Гаха снял министра внутренних дел Карпатской Украины Е. Бачинского и в середине января 1939 г. прислал на его место чешского генерала Л. Прхалу⁵²⁵. Однако правительство Волошина расценило это как вмешательство во внутренние дела автономии, организовало демонстрации и массовые акции протеста. В результате Прхала стал министром транспорта⁵²⁶.

20 января политические партии были распущены, и вместо них было создано Украинское национальное объединение. Впрочем, 6 февраля правительство уточнило свое распоряжение о роспуске партий, оно не касалось аграрной, социал-демократической, народно-социалистической и христианско-народной партий⁵²⁷.

Правительство ускоренными темпами намеревалось провести украинизацию. Так, широкий резонанс вызвало намерение правительства заменить чешских чиновников украинцами (в Подкарпатской Руси работало 8,5 тыс. чешских чиновников). Правительство сообщило об этом 24 ноября 1938 г., а уже 3 декабря было объявлено о создании курсов украинского языка для государственных служащих⁵²⁸. 23 декабря было издано распоряжение о том, чтобы все служащие знали украинский язык⁵²⁹. Также было объявлено о необходимости сменить вывески на магазинах, банках, сберегательных кассах, общественных учреждениях, частных фирмах, объявления врачей, аптекарей, адвокатов и «вообще надписи, вывешенные публично»: они должны быть изготовлены таким образом, «чтобы на первом месте был текст на украинском языке, а под ним может быть надпись на чешском или словацком»⁵³⁰.

Правительство Волошина добивалось введения во всех школах украинского языка. 23 ноября было издано распоряжение о начале обучения на украинском языке «в школах, основанных для украинских детей». Классы с русским языком обучения могли быть открыты в том случае, если такое желание выражали родители не менее 40 детей. Если же число учеников в таком классе снижалось до 30, то класс закрывался, и детей следовало переводить в классы с украинским языком обучения⁵³¹.

Расширялась сеть украинских школ, были открыты гимназии с украинским языком обучения в Билках, Рахове, Ракошине, около 50 новых горожанских и сельских народных школ, правительство намеревалось открыть народный университет и перенести в Хуст из Праги Украинский свободный университет. В Хусте было создано литературно-художественное общество «Говерла», издававшее одноименный ежемесячник под редакцией О. Ольжича, действовал государственный театр «Нова сцена»⁵³².

⁵²⁴ *Веґеш М. М.* Карпатська Україна. Документи і факти. Ужгород, 2004. С. 278–279.

⁵²⁵ *Шандор В.* Спомини. Т. 1: Карпатська Україна. 1938-1939. С. 212–222.

⁵²⁶ *Магочій П. Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). С. 146–147.

⁵²⁷ *Веґеш М. М.* Карпатська Україна. Документи і факти. С. 224–225.

⁵²⁸ Закарпаття в етнополітичному вимірі. Київ, 2008. С. 297–298.

⁵²⁹ 23 грудня 1938 р. Розпорядження Міністерства культу, шкіл і народної освіти про вживання на державній роботі української літературної мови // Тернистий шлях до України: збірник архівних документів і матеріалів «Закарпаття в європейській політиці 1918–1919, 1939–1939, 1944–1946 рр. XX ст.». Ужгород, 2007. С. 187.

⁵³⁰ 13 грудня 1938 р. Розпорядження Міністерства внутрішніх справ Підкарпатської Русі про виготовлення публічних написів українською мовою // Тернистий шлях до України: збірник архівних документів і матеріалів «Закарпаття в європейській політиці 1918–1919, 1939–1939, 1944–1946 рр. XX ст.». С. 185.

⁵³¹ 23 листопада 1938 р. Розпорядження Міністерства культу, шкіл і народної освіти про мову навчання в школах // Тернистий шлях до України: збірник архівних документів і матеріалів «Закарпаття в європейській політиці 1918–1919, 1939–1939, 1944–1946 рр. XX ст.». С. 184.

⁵³² *Віднянський С.* Закарпаття – Підкарпатська Русь: від здобуття автономії до проголошення незалежної держави. С. 202–203.

Однако ситуация складывалась не в пользу Подкарпатской Руси / Карпатской Украины. 12 марта 1939 г. Гитлер уведомил венгерского посла в Берлине, что Германия дает согласие на присоединение Карпатской Украины к Венгрии. 14 марта Германия объявила ультиматум Чехо-Словакии, и на следующий день германские войска заняли Чехию, Моравию и Чешскую Силезию, на территории которых 16 марта был создан имперский Протекторат Чехии и Моравии. Словакия в границах Венского арбитража во главе с авторитарным союзником Гитлера Й. Тисо стала независимым государством.

В этих условиях 15 марта 1939 г. сейм Карпатской Украины следом за Словакией провозгласил независимость. В связи с вторжением венгерских войск избранный президентом Карпатской Украины А. Волошин обратился к Риббентропу с просьбой о «защите в немецком рейхе». Однако германский консул в Хусте уведомил украинскую сторону, что в ситуации, когда венгерские войска зашли уже достаточно далеко в глубь страны, Германия не может оказать помощи Карпатской Украине, поскольку это может вызвать вооруженный конфликт с венграми и поляками. Учитывая это, консул посоветовал «добровольно сдаться венграм»⁵³³. Карпатская Украина не могла оказать длительного сопротивления венгерским войскам собственными силами: несмотря на то что Карпатская сечь насчитывала 10–12 тыс. членов, военное обучение прошла незначительная их часть, а количество вооруженных бойцов не превышало 2 тыс. человек⁵³⁴. Организованная вооруженная борьба в Карпатской Украине фактически прекратилась 19 марта 1939 г., хотя небольшие партизанские группы, преимущественно в горной местности, еще какое-то время тревожили оккупантов.

В Румынии вторая половина 1930-х гг. была отмечена дальнейшим наступлением на права этнических меньшинств. 2 января 1938 г. премьер О. Гога выступил по радио с программной речью, в которой отметил, что правительство настроено решить национальный вопрос путем вытеснения национальных меньшинств (прежде всего евреев) из всех областей хозяйственной и государственной жизни. Первыми официальными актами правительства стали постановления об изгнании представителей меньшинств из государственного аппарата и введения ограничений для еврейского капитала. В начале января 1938 г. правительство приняло постановление о проверке гражданства национальных меньшинств, которые поселились в Румынии после 1918 г., и обязало работодателей составить списки рабочих и служащих нерумынского происхождения. По наименее придирчивым подсчетам, мероприятия по проверке гражданства только на Буковине угрожали выселением около 40 тыс. лиц. Правительство Гоги – Кузи быстро дискредитировало себя, и 10 февраля 1938 г. король отправил правительство в отставку⁵³⁵.

Следующим шагом в направлении авторитарного развития государственной жизни королевства стало принятие новой конституции, которая наделяла Кароля II полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти. В Конституции были закреплены исключительные права румын. В частности, в статье 27 отмечалось, что натурализовавшие румыны, в отличие от этнических румын, не имели права на приобретение и содержание собственности в сельских местностях; в статье 67 говорилось, что министром может быть только румын в третьем поколении. Завершил формирование политической системы для избранных по этническому признаку июньский 1938 г. закон о проверке гражданства. Согласно срочному распоряжению королевского резидента на Буковине Г. Алексяну, с 1 декабря 1938 г. в общественных местах были размещены объявления с требованием говорить только по-румынски⁵³⁶.

---

⁵³³ Кенітій А. В. Збройний чин українських націоналістів. 1920-1956. Т. 1: Від Української Військової Організації до Організації Українських Націоналістів. 1920-1942. С. 144.

⁵³⁴ Там же. С. 144–145.

⁵³⁵ Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 320.

⁵³⁶ Там же. С. 321.

Государственные служащие были обязаны в письменном виде присягнуть на верность королю и новой конституции, общественные собрания должны были заканчиваться исполнением румынского гимна. На руководящие должности назначались лица, которые имели статус внепартийных. Декретом от 16 февраля 1938 г. «государственным служащим, церковным служителям всех вероисповеданий, преподавателям средних и высших учебных заведений и вообще всем, кто получает в любой форме заработную плату от государства, уезда или общества», запретили заниматься политической пропагандой, принимать участие в политических партиях, манифестациях политического характера; их обязали выйти из всех политических организаций и в течение 15 дней в письменном виде сообщить о своем пребывании в любых политических партиях. Декрет вынуждал все перечисленные категории служащих в семидневный срок заявить об отказе от политической деятельности под угрозой увольнения⁵³⁷. 31 марта 1938 г. были ликвидированы все политические партии в стране, а 14 апреля был издан закон о защите государственного строя, по которому запрещалось вести пропаганду, направленную на смену государственного строя. Таким образом, были распущены все политические, экономические организации и общества, которые не устраивали правительство. Был установлен жесткий контроль над прессой.

1 мая 1938 г. при правительстве был создан «Генеральный комиссариат для национальных меньшинств», который отвечал перед министерским президиумом за деятельность и развитие меньшинств в Румынии. При помощи комиссариата правительство пыталось вывести дело национальных меньшинств из-под юрисдикции и контроля Лиги Наций, предоставив это как внутреннее дело государства. В июне 1938 г. был издан декрет о лишении гражданских и имущественных прав лиц, которые вели за рубежом пропагандистскую деятельность с целью изменения государственного строя. Следующим шагом короля стала организация единой партии. Решение по этому вопросу было оформлено декретом от 15 декабря 1938 г., которым учредили Фронт национального возрождения (ФНВ). После переговоров было принято решение о корпоративном включении венгерского меньшинства в состав ФНВ, кроме того, венгры получили право создать собственную организацию, которая защищала бы культурные, экономические и социальные интересы венгров. В ФНВ была создана также немецкая секция, о своем желании вступить в ФНВ заявили и представители польской общественности⁵³⁸.

Представители Буковины и Бессарабии также вели переговоры с Министерством национальных меньшинств о предоставлении обществу прав, полученных венграми и немцами. В апреле 1940 г. было получено разрешение на частичное введение украинского языка в школах и Черновицком университете, а также введение качественно новой должности в реестре государственных служащих – инспектора для контроля над обучением на украинском языке, который должен был быть украинцем по происхождению⁵³⁹. Однако программу не удалось провести в жизнь: вскоре Северная Буковина и Бессарабия вошли в состав СССР.

---

⁵³⁷ Там же. С. 321–322.

⁵³⁸ *Піддубний І.* Зміни в політичній системі Румунії в умовах авторитарного режиму (1938–1940 рр.) // Волинські історичні записки: Збірник наукових праць. Житомир, 2009. Т. 2. С. 83.

⁵³⁹ *Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси.* С. 322–323.

§ 2. Регулирование курса советской украинизации

Уже летом 1932 г. стало очевидным изменение настроения Сталина к Украине. Укрепив свое положение в ЦК, «вождь народов» уже не столь нуждался в поддержке со стороны украинской парторганизации во внутривластной борьбе. Срыв хлебозаготовительной кампании повлек серьезные политические выводы. Гораздо важнее теперь было четкое исполнение поставленных Сталиным перед украинской парторганизацией задач, тем более что, как и ранее, «украинский фактор» оказывал существенное влияние на развитие отношений с Польшей: «В советских руководящих кругах продолжала господствовать уверенность в том, что старая „федералистская программа“ Пилсудского остается основным вектором польской политики»⁵⁴⁰.

В УССР окончательно была решена судьба интенсивного варианта политики украинизации. Как сказал С. В. Косиор на XVII съезде ВКП(б), под ее флагом вели «свое вредительское дело» разные «контрреволюционные элементы»⁵⁴¹. Искоренить последние должны были многочисленные «чистки» партии – могучее орудие «укрепления боеспособности украинской партийной организации в ее борьбе за проведение генеральной линии партии против остатков кулачества, против оппортунизма и национализма»⁵⁴². Объявленная уже в декабре 1932 г., «чистка» постепенно охватила всю украинскую компартию и продолжалась с перерывами на протяжении нескольких лет. Встречаясь с областным киевским активом, Д. З. Мануильский в конце мая 1934 г. заявил, что во время чистки требуется обратить особое внимание на состояние дел в национально-культурной жизни, на ряд учреждений, который имеют высокое звание академий, институтов, ученых товариществ, в которых часто находят пристанище классово-враждебная идеология. Только за 1933 г. численность украинской парторганизации уменьшилась на 109 556 человек⁵⁴³.

На Украине, как и во всей стране, господствовала удушливая атмосфера взаимного недоверия. Массовые репрессии 1930-х гг. проходили на фоне нараставшей военной опасности, и в общественное сознание активно внедрялся мотив уничтожения «пятой колонны». Были арестованы сотни тысяч хозяйственных, партийных, военных работников. Быстро менялось и подвергалось репрессиям советское и партийное руководство национальных республик. Действительно, если раньше на Украине на официальном уровне делались различия между «великодержавным шовинизмом» и «местным национализмом» и выяснялось, откуда исходит «главная опасность», то теперь положение изменилось. В постановлении ЦК КП(б)У от 3 ноября 1934 г. говорилось о «новой тактике русских великодержавных шовинистов и украинских националистов, поддерживаемых всей контрреволюцией», заключающейся в создании ими общего блока на «платформе отрыва Украины от СССР», «ослабления позиций СССР и возврата власти помещиков и капиталистов»⁵⁴⁴. На протяжении последнего года, указывалось в документе, КП(б)У «вела решительную борьбу по добиванию и дальнейшему выкорчевыванию остатков контрреволюционных элементов – украинских националистов и троцкистов»⁵⁴⁵. При этом «вредительская работа... остатков разгромленного контрреволюционного блока националистов и троцкистов облегчалась вследствие прямого укрывательства их со стороны оппор-

---

⁵⁴⁰ Кен О. Н., Рутасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-1930-х гг.). Ч. 1. СПб., 2000. С. 492.

⁵⁴¹ Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси... С. 199.

⁵⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 70. Л. 78.

⁵⁴³ Єфіменко Г., Якубова Л. Національні відносини в радянській Україні (1923–1938) // Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. Київ, 2012. С. 229.

⁵⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4673. Л. 352.

⁵⁴⁵ Там же.

тунистических, либеральствующих гнилых элементов, еще имеющихся внутри отдельных партийных организаций»⁵⁴⁶.

Во время репрессий 1930-х гг. любой партийный или советский работник в стране рисковал подпасть под подозрение «компетентных органов». В постановлении политбюро ЦК КП(б)У от 26 мая 1933 г. «О чистке партии» речь шла о наличии внутри партийных организаций Украины «чуждых, перерожденческих элементов, кулацких агентов, представителей контрреволюционного буржуазного национализма, двурушников, скрывающих свои действительные стремления под прикрытием лживого формального признания генеральной линии партии»⁵⁴⁷. В подобном же духе было выдержано и постановление от 3 декабря 1934 г., где опять говорилось о наличии «внутри отдельных партийных организаций» различных элементов, прямо смыкающихся с националистами и троцкистами⁵⁴⁸.

Особое внимание украинское руководство уделяло образовательной, научной и культурной сферам. В октябре 1933 г. критике подвергся Украинский национальный государственный институт педагогики и Всеукраинское общество «Педагог-марксист». Они были «засорены контрреволюционными буржуазно-националистическими петлюровскими элементами (Бадан, Витек, Приступа, Канюк), которые руководили основными отделами и секциями института» и являлись «легальной базой для контрреволюционной деятельности буржуазных националистических элементов», в частности «принудительной украинизации нацменьшинств»⁵⁴⁹.

Действительно, научные и учебные учреждения были особо подозрительными для партийного руководства: «ЦК КП(б)У считает, что деятельность остатков контрреволюционного блока националистов и троцкистов в отдельных научных и учебных учреждениях в течение последнего года является прямым результатом недостаточной бдительности со стороны отдельных партийных организаций»⁵⁵⁰. Недостаточно бдительными оказались партийные организации ВУАМЛИНа, Института красной профессуры, Харьковского университета, Луганского института народного образования, допустившие «совместную разработку украинскими националистами и троцкистами антисоветских учебников и других литературных работ по социально-экономическим дисциплинам, выпущенных в 1931–1932 гг.». Речь шла о работах по политэкономии, философии, теории советского хозяйства, истории Украины таких ученых, как И. Гуревич, М. В. Чичкевич, П. С. Осадчий, М. И. Свидзинский и другие. Националистические тенденции были обнаружены и в редколлегии Украинской советской энциклопедии, где «классовые враги, вредители и контрреволюционеры... использовали УСЭ как свою организационную и финансовую базу»⁵⁵¹, а также в ряде культпросветучреждений. Так, художественный руководитель театра «Березиль» Л. Курбас под лозунгом «независимого искусства» якобы проводил политику изоляции театра от «нашей советской социалистической действительности»⁵⁵². 5 октября 1933 г. Политбюро ЦК КП(б)У утвердило решение Наркомпроса УССР, в котором говорилось, что театр «не смог занять должного места в создании украинского советского искусства», а Курбас «сбивал театр на позицию украинского национализма», «нередко показывал советскую действительность карикатурно»⁵⁵³. 22 марта 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло решение переименовать харьковский театр «Березиль» в театр им. Шевченко⁵⁵⁴.

⁵⁴⁶ Там же.

⁵⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 70. Л. 78.

⁵⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4673. Л. 352.

⁵⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 73. Л. 65.

⁵⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4673. Л. 352 об.

⁵⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 72. Л. 11.

⁵⁵² Там же. Л. 68.

⁵⁵³ Там же.

⁵⁵⁴ *Єфіменко Г. Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ, 2001. С. 226.

12 мая 1933 г. был арестован писатель М. Е. Яловой, первый президент ВАПЛИТЕ, руководитель политотдела Укргосиздата⁵⁵⁵. На следующий день покончил с собой литератор Н. Хвылевой. В подготовленном письме в ЦК КП(б)У членов ВАПЛИТЕ (О. Досвитный, Хвылевой, Яловой) говорилось о том, что выявившиеся в ходе литературной дискуссии «уклоны от партийной линии» были использованы «враждебными пролетарской революции элементами», но это произошло против желания членов ВАПЛИТЕ, и поэтому «ныне мы решительно рвем с теми нашими ошибками, которые давали повод врагам компартии примыкать к нам»⁵⁵⁶. Из библиотек Украины были изъяты произведения «националистического характера» Б. Д. Антоненко-Давидовича, Д. П. Гордиенко, Н. Г. Кулиша, Ф. И. Капельгородского, И. Н. Лакизы, А. Олеся (А. И. Кандыбы), В. П. Пидмогильного и других⁵⁵⁷.

На январской сессии ВУАН 1934 г. нарком просвещения В. П. Затонский, выступая с докладом «О национально-культурном строительстве и борьбе против национализма», обвинил М. С. Грушевского в отстаивании «хуторянской украиники», А. Е. Крымского – во вредительстве, М. И. Яворского – в сокрытии деятельности врагов в ВУАМН. На этой сессии из состава академии были исключены галичане М. С. Возняк, Ф. М. Колесса, К. И. Студинский и В. Г. Щурат, а также известный философ В. А. Юринец и основатель украинской географической науки С. Л. Рудницкий⁵⁵⁸.

Одновременно проходила «чистка» преподавательского состава школ от «националистических элементов». В апреле 1934 г. Оргбюро ЦК КП(б)У создало специальные комиссии из представителей партийных и комсомольских организаций, Наркомпроса и органов госбезопасности, которые должны были к 1 июня проверить национальные районы и школы и очистить их от «антисоветских элементов». Подготовительная работа в этом направлении уже была проведена, и в период с марта 1933 г. по январь 1934 г. из школ были уволены около 4 тысяч учителей-«националистов», причем «чистка» коснулась в первую очередь польских и немецких учебных заведений⁵⁵⁹.

Однако партийное руководство настаивало, что «борьба с национализмом» не означала прекращения украинизации. Секретарь ЦК КП(б)У Н. Н. Попов обращал внимание на существующие «в провинции» тенденции «отождествлять эксцессы украинизации с самой украинизацией»: «Некоторые товарищи думают, что ликвидация эксцессов [украинизации] означает ликвидацию украинизации»⁵⁶⁰. Выступая на областном съезде советов Киевщины 11 января 1935 г., П. П. Постышев подчеркивал необходимость «форсирования выдвижения на участки строительства советской украинской культуры проверенных большевистских кадров». Перечисляя достижения украинской советской культуры, Постышев с негодованием замечал: «Чего стоит перед лицом этих достижений тьяквань контрреволюционных националистических шавок насчет того, что после разгрома националистов заглохла украинская культура? Это они – украинские и русские националисты в союзе с европейским фашизмом пытались препятствовать развитию украинской советской культуры»⁵⁶¹.

Партийные власти продолжали курс на подготовку украинских специалистов вообще и научных кадров в частности: партийные, советские органы, культучреждения и т. п. были

⁵⁵⁵ «Українізація» 1920-30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 216.

⁵⁵⁶ Письмо членов литературного объединения «Ваплите» в ЦК КП(б) Украины о допущенных ошибках. Позднее июня 1933 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918-1933. М., 2005. С. 717–718.

⁵⁵⁷ Даниленко В. М. Згорання «українізації» й посилення русифікаторських тенденцій у суспільно-культурному житті радянської України в 30-і рр. // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Зб. ст. Вип. 2. Київ, 1996. С. 106.

⁵⁵⁸ «Українізація» 1920-30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 225.

⁵⁵⁹ Рафальський О. О. Національні меншини України у ХХ столітті. Історіографічний нарис. Київ, 2000. С. 161–166; Єфіменко Г. Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 154–155.

⁵⁶⁰ Там же. С. 492.

⁵⁶¹ Цветет и крепнет индустриально-колхозная Украина. Речь тов. П. П. Постышева на II областном Съезде Советов Киевщины 11 января 1935 г. // Известия. 14 января.

«обескровлены» чистками. Осенью 1935 г. был проведен дополнительный набор в Институт красной профессуры: 27 октября было решено организовать в 10-дневный срок подбор из старших курсов вузов Киева, Харькова, Одессы и Днепропетровска по 5 лучших студентов-украинцев (членов КП(б)У), а также 10 комсомольцев-украинцев – лучших студентов старших курсов вузов⁵⁶². В марте 1936 г. Оргбюро ЦК КП(б)У предложило «выявить молодые украинские кадры аспирантов, ассистентов», которые можно было бы «выдвинуть на доцентов и профессоров медицинских учреждений»⁵⁶³. 15 марта 1936 г. Оргбюро ЦК КП(б)У признало необходимым «расширить юридические факультеты в Киевском госуниверситете и Харьковском институте совстроительства и права. Укомплектовать эти факультеты преимущественно украинцами»⁵⁶⁴.

Продолжалась практика выдвижения украинцев на руководящую работу. 26 февраля 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «О выдвижении украинских кадров», в котором отделу руководящих парторганов вместе с обкомами предписывалось подать в Секретариат ЦК характеристики не менее 120–150 человек (украинцев) для выдвижения на посты секретарей РПК и 120 человек для выдвижения на посты глав РИК. Одновременно из числа украинцев – секретарей РПК и глав РИК – должен был быть составлен «список товарищей с подробной личной характеристикой, которых можно выдвинуть на областную и центральную партийную и советскую работу». Наконец, все отделы ЦК должны были «просмотреть вместе с обкомами и горпарткомами состав бюро парткомитетов, а также актив высших учебных заведений и наметить для выдвижения на руководящую партийную и советскую работу, а также для работы в центральный и областной партийный и советский аппарат не менее 300 человек – украинцев из наиболее грамотной, политически проверенной и способной молодежи»⁵⁶⁵.

В результате Оргбюро и Секретариат ЦК КП(б)У в августе 1935 г. – апреле 1936 г. несколько раз рассматривали вопросы о выдвижении украинских кадров на руководящую работу в различных ведомствах⁵⁶⁶. Создавались специальные комиссии, которые должны были в кратчайший срок (обычно речь шла об одном месяце) представить свои предложения по выдвижению украинских кадров. Украинцы должны были быть выдвинуты на должности помощников генпрокуроров, прокуроров Наркомюста, членов Верховного суда, областных прокуроров и их заместителей⁵⁶⁷, в наркоматы и областные отделы на должности начальников управления, заведующих отделов и руководителей групп (Наркомместпром, Наркомхоз, Главдортранс, Уполнаркомсвязь)⁵⁶⁸, в центральный аппарат и руководящие посты в областных отделах охраны здоровья, на должности директоров и их заместителей в НИИ Наркомздрава⁵⁶⁹, наконец, в системе Наркомпроса и Облнарпроса⁵⁷⁰.

Таким образом, постановление от 14 декабря 1932 г. внесло существенные изменения в общественную жизнь Украинской ССР. Репрессии затронули и партийных, и советских работников, и деятелей культуры. Развернулась борьба против «украинских националистов» и «перегибов» украинизации. Однако для партийного руководства это отнюдь не означало прекращения политики украинизации. От ее проведения были устранены выходцы из небольших партий, всегда вызывавшие подозрения у большевиков. Руководство в национальной области должно было перейти к «подлинным украинским кадрам», дорога которым была

⁵⁶² ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 385. Л. 103–104.

⁵⁶³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 421. Л. 166.

⁵⁶⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 422. Л. 39.

⁵⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4675. Л. 101–102.

⁵⁶⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 384. Л. 74, Д. 385. Л. 19–20, 27, 75, Д. 421. Л. 165–166; Д. 422. Л. 41, 58.

⁵⁶⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 384. Л. 93.

⁵⁶⁸ Там же.

⁵⁶⁹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 421. Л. 165–166.

⁵⁷⁰ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 422. Л. 58.

открыта политикой выдвижения на руководящие должности коренных жителей. Выступая на пленуме ЦК КП(б)У в январе 1936 г., П. П. Постышев заявил: «На протяжении 1933 и 1934 годов мы разгромили на Украине скрипниковщину, увистов, организации боротьбистов, троцкистов, блок националистов с троцкистами, организации польских и немецких националистов. <...> Враги все время пытались и пытаются представить дело таким образом, что мы тут на Украине били не националистов, не контрреволюционеров, не шпионов и диверсантов, а якобы украинцев. <...> Мы всегда говорили, что, только разгромив националистов, можно по-настоящему открыть дорогу подлинным украинским кадрам»⁵⁷¹.

---

⁵⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4668. Д. 66, 68.

§ 3. «Освободительный поход» Красной армии

23 августа 1939 г. был подписан советско-германский договор о ненападении и секретный дополнительный протокол, в соответствии с которым в сферу интересов СССР были отнесены, среди прочих, и территории Польши к востоку от рек Нарев, Висла и Сан, а также Бессарабия. После нападения Германии на Польшу и ожидаемой советским руководством реакции на это событие Великобритании и Франции начались мероприятия по подготовке к «освободительному походу Красной армии». В сложившейся ситуации советское руководство фактически получило возможность приступить к осуществлению давней мечты украинского национального движения – созданию «соборной Украины»⁵⁷².

14 сентября в газете «Правда» появилась статья «О внутренних причинах военного поражения Польши»⁵⁷³, в которой говорилось о национальном угнетении и несправедливости украинцев и белорусов правящими кругами Польши: «Многонациональное государство, не скрепленное узами дружбы и равенства населяющих его народов, а, наоборот, основанное на угнетении и неравноправии национальных меньшинств, не может представлять крепкой военной силы»⁵⁷⁴. Правдинская передовица была размещена в армейских газетах и переиздана в виде отдельного бюллетеня⁵⁷⁵.

В первые часы 17 сентября заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин вызвал польского посла в Москве В. Гжибовского и зачитал ему подписанную Молотовым ноту, в которой говорилось, что «советское правительство не может также безразлично относиться к тому, что единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными». Впрочем, одновременно говорилось о намерении Советского правительства «принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью»⁵⁷⁶.

17 сентября 1939 г. Красная армия перешла советско-польскую границу. Реакция местного населения на продвижение советских войск была самой разнообразной и фактически отражала всю палитру национальных и социальных противоречий в данном регионе. Для поляков это фактически означало крушение попыток интеграции и стабилизации «восточных кресов» путем воздействия на восточнославянское население. Наиболее активные продолжали бороться даже после отхода польской армии, создавая вооруженные отряды и группы. Военные документы того времени зафиксировали множество подобных случаев. Например, в журнале боевых действий 102-го стрелкового полка 41-й стрелковой дивизии под датой 24 сентября сделана следующая запись: «Деморализованные польские части, оказывая слабое сопротивление, поспешно отходят на запад, разбежавшаяся часть польского офицерства, помещиков, полиции

⁵⁷² См. подробнее: *Борисёнок Е. Ю.* «Золотой сентябрь» тридцать девятого. Красная армия и местное население на Западной Украине // *Родина*. 2009. № 8. С. 34–38; *Борисёнок Е. Ю.* Общественно-политические преобразования на Западной Украине. 1939–1941 гг. // *Славяноведение*. 2009. № 3. С. 15–26; *Борисёнок Е. Ю.* Кадровая политика большевиков в западных областях Украины в 1939–1941 гг. // *Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы*. СПб., 2011. С. 177–198.

⁵⁷³ Статья была без подписи. Однако известно, что авторство ее принадлежит А. А. Жданову.

⁵⁷⁴ О внутренних причинах военного поражения Польши // *Правда*. 14 сентября. В духе правдинской передовицы были выдержаны и директивные документы различных подразделений Красной армии. См.: 1939 г., сентября 14, Москва. – Директива № 16634 К. Е. Ворошилова и Б. М. Шапошникова военному совету Киевского особого военного округа о начале наступления против Польши // *Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы*. М., 1997. С. 64.

⁵⁷⁵ См. *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 74–75.

⁵⁷⁶ Нота правительства СССР, врученная польскому послу в Москве утром 17 сентября 1939 г. // *Правда*. 18 сентября; см. также: Речь по радио председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. Молотова 17 сентября 1939 г. // *Правда*. 1939. 18 сентября.

и буржуазии, снабжая кулацкую часть населения оружием, организует бандитские налеты на местное население и части Красной армии»⁵⁷⁷. Впрочем, в отдельных случаях польское население встречало Красную армию вполне дружелюбно, по-видимому, под влиянием слухов о том, что Москва идет на помощь Варшаве⁵⁷⁸. Однако такая ситуация была отнюдь не везде. Начальник политуправления северной группы бригадного комиссара Демина докладывал, что «в селах с польским населением встречу нашим частям почти не организывают. Среди польского населения распространяются провокационные слухи, будто бы польское население будет находиться в угнетении»⁵⁷⁹.

Еврейское население зачастую относилось к приходу частей Красной армии с радостью: опасаясь антисемитской политики нацистского режима, евреи не хотели оказаться в немецкой зоне. Украинцы же испытывали совсем другие чувства. Некоторые с надеждой смотрели на своих братьев из Советской Украины, пытались всячески помочь им и сообщали о местах дислокации польских отрядов, о чем свидетельствуют записи в журналах боевых действий. Типичным примером может считаться журнал боевых действий 16-го стрелкового полка: «в ночь на 21.9.39, по сведениям нашей разведки и сообщениям преданного нам населения (местного), точно установлено, что противник небольшими группами, отбирая продовольствие у населения, отходил накануне нашего прихода по маршруту... 20 и 21.9.39, по сведениям местного населения, противник сконцентрировал свои большие силы в районе...»⁵⁸⁰. При взятии Сарнского укрепленного района отличился батрак с. Тына П. Ф. Кротюк («На подступах к г. Сарнатов. Кротюк под градом пуль указал 194 с. п. (с. п. – стрелковый полк. – Е. Б.) неуязвимые места по овладению дотом...»). В селе Волошки Любомирской волости крестьянин М. М. Григ «сообщил частям У5ск (ск – стрелковый корпус. – Е. Б.) место расположения погранполка, который находился в 20 км от г. Ковель, и совместно со своим отрядом в 20 человек участвовал в разоружении польского полка». В селе Дротово местные жители «указали местонахождение польских банд, они сами задержали 6 польских офицеров, 3 офицеров и 10 солдат». В Луцке население до прихода частей Красной армии организовало охрану банков, железнодорожного депо, почт и телеграфа. Оно опечатало помещения и ждало прихода частей Красной армии, чтобы получить дальнейшие указания. В селе Белогурка «при переходе границы 160-й кавалерийский полк должен был преодолеть канаву. Население принесло бревна и доски, чтобы сделать временный мост»⁵⁸¹. В «городах Городенко, Коломея, Станислав передовая часть населения оказывала помощь частям в разоружении полиции, в обеспечении горючим, принимала участие в восстановлении дорог»⁵⁸².

Нередки были и торжественные встречи частей Красной армии. Например, политуправление 6-й армии докладывало начальнику политуправления РККА Л. З. Мехлису и начальнику политуправления Украинского фронта Е. Т. Пожидаеву 20 ноября 1939 г.: «Население Западной Украины встречало части Красной армии с исключительной радостью, как освободителей от польского гнета и спасителей от избиения и разорения их врагами»⁵⁸³. Жители г. Острог вышли встречать войска Красной армии по-праздничному одетые⁵⁸⁴. В «Крылове, Будераже, Минсече, Теремине и в ряде других мест для встречи частей Красной армии были сделаны арки, убранные цветами, лозунгами, знаменами. Группы девушек на протяжении движения колонны пели народные украинские песни, обсыпали цветами бойцов и командиров, на

⁵⁷⁷ РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 65. Л. 4.

⁵⁷⁸ Литвин М. Р., Луцкий О. І., Науменко К. Є. 1939. Західні землі України. Львів, 1999. С. 97.

⁵⁷⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3792. Л. 354.

⁵⁸⁰ РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 60. Л. 2.

⁵⁸¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3370. Л. 392.

⁵⁸² РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3792. Л. 120.

⁵⁸³ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 337. Л. 333.

⁵⁸⁴ Там же.

машины командиров ложили большие венки. А в селах Торговцы и Теремине стояли ряды корзин с яблоками для угощения бойцов и командиров. В м. Войтовцы в других селах собиралось все население, выносили соль с хлебом, делали серп и молот, улицы были украшены цветами»⁵⁸⁵.

Конечно, Красную армию приветствовали прежде всего неимущие слои населения, надеявшиеся на установление новых социальных порядков. Весьма активно действовали и приверженцы коммунистической идеи. А. С. Рублев и Ю. А. Черченко отмечают, что при получении известия о походе Красной армии бывшие члены КПЗУ часто инициировали создание революционных комитетов в городах, повтовых и волостных центрах, просуществовавших до прихода Красной армии. Коммунисты нередко прибегали даже к активным вооруженным действиям против польских войск и жандармерии⁵⁸⁶.

В период боевых действий осени 1939 г. высока была интенсивность информационно-пропагандистской работы. Московское руководство постаралось обеспечить Красную армию кадрами, которые владели украинским и белорусским языками (кстати, людей со знанием польского языка не хватало)⁵⁸⁷. Из запаса были призваны партийные работники, знавшие белорусский и украинский языки, в армейских частях выдвигались кадры для ведения агитационной работы. Любопытно, что отнюдь не все агитаторы были приезжими. Например, во время подготовки к выборам депутатов Верховных Советов СССР и УССР в Станиславской области из 25 350 агитаторов было 20 100 человек местных⁵⁸⁸. Среди местного населения активно проводились собрания и беседы, распространялась агитационная литература, были организованы показы советских кинофильмов, проводились концерты с участием советских артистов и т. д. При этом особое внимание было уделено празднованию годовщины Октябрьской революции.

После получения первых известий о продвижении советских войск началась подготовка к инкорпорации западноукраинских земель в состав Украинской ССР. 22 октября 1939 г. были проведены выборы в Народное собрание Западной Украины. По официальным данным, в выборах приняло участие 92,83 % от общего количества избирателей⁵⁸⁹. Конечно, такой высокий процент явки нуждается в корректировке. Как указывают современные специалисты, не явились на выборные участки или проголосовали «против» свыше 700 тыс. человек, почти 76 тыс. бюллетеней было признаны недействительными⁵⁹⁰. Несмотря на предпринятые усилия, местное население далеко не всегда демонстрировало активность – кто из осторожности, кто под воздействием «враждебной пропаганды». Например, в селе Шиткув из 764 избирателей участвовало в голосовании только 82 человека, поскольку перед выборами был распушен слух: «Голосовать не надо, потому что на днях придут немцы и будут расстреливать тех, кто голосовал»⁵⁹¹. В селе Стрешильбицы курсировал слух иного рода: «На выборы должны идти только бедняцкая и середняцкая часть населения»⁵⁹². В селе Бахча Станиславской области жители

⁵⁸⁵ Там же.

⁵⁸⁶ Рублев О. С., Черченко Ю. А. Сталинщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-ті роки ХХ ст. Київ, 1994. С. 186.

⁵⁸⁷ Репко С. И. Организация пропагандистской деятельности Красной армии в период боевых действий осенью 1939 года // Журналистика. История и современность. Сб. науч. Трудов. М., 1993. С. 50.

⁵⁸⁸ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 7439. Л. 22.

⁵⁸⁹ Сообщение Комитета по организации выборов в Народное собрание Западной Украины о результатах голосования. 1939 г., октябрь // Воссоединение украинского народа в едином украинском советском государстве (1939–1949). Сб. док. и матер. Киев, 1949. С. 43.

⁵⁹⁰ Кондратюк К. Політичні, соціально-економічні та духовні аспекти «радянської» західних областей України у 1939–1941 роках // 1939 рік в історичній долі України і українців. Матеріали Міжнародної наукової конференції 23–24 вересня 1999 р. Львів, 2001. С. 22.

⁵⁹¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3370. Л. 408.

⁵⁹² РГВА Ф. 9. Оп. 36. Д. 3774. Л. 69.

были убеждены: «Не нужно голосовать, потому что 22 октября Америка, Англия, Франция и Румыния перейдут границу, а Красная армия будет отступать»⁵⁹³.

В политдонесениях упоминалось, что «активное участие приняли украинцы и евреи, пассивное участие принимали поляки и в особенности немцы»⁵⁹⁴. Это не удивительно: например, 40 польских хозяйств села Ветушницы даже не приходили на собрания и беседы, проводившиеся в рамках подготовки к выборам в Народное собрание. На вопрос агитаторов польские семьи заявили, что «они боялись ходить на собрания, так как думали, что Красная армия освободила только украинцев». Правда, после проведенной беседы «все они явились на собрание»⁵⁹⁵. Впрочем, степень активности зависела, видимо, не только от национального, но и от социального статуса, а также от мастерства агитатора. Например, в селе Ильинки Степанской волости, «преимущественно состоящем из польских крестьян-бедняков, по своей личной инициативе выдвинули делегатом на Народное собрание тов. Ворошилова и дали наказ своему делегату голосовать за присоединение Западной Украины к Советской Украине»⁵⁹⁶.

Большинство избирателей проголосовало за предложенных кандидатов, и 26 октября Народное собрание начало свою работу. Продолжая осуществлять контроль над ситуацией, Политбюро ЦК КП(б)У обязало редколлегию Народного собрания привлечь к работе над материалами «необходимое число писателей и журналистов из числа тех товарищей, что приехали из Москвы и Киева»⁵⁹⁷.

Народное собрание определило основы нового государственного и общественного устройства Западной Украины и объявило об установлении власти рабочих и крестьян. В Декларации о государственной власти на Западной Украине говорилось: «Панская Польша, державшаяся на угнетении миллионов украинцев, белорусов и польского трудового народа, пала». Только советская власть, говорилось в Декларации, могла уничтожить всякий национальный гнет и межнациональную рознь, обеспечить дружбу трудящихся всех национальностей⁵⁹⁸.

Удовлетворяя просьбу Народного собрания Западной Украины, 1 ноября 1939 г. внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР приняла закон о включении Западной Украины в состав СССР с воссоединением ее с УССР. Зимой – весной 1940 г. была проведена кампания по выбору депутатов от западноукраинских областей в Верховный Совет СССР и Верховный Совет УССР.

28 июня 1940 г. в сообщении ТАСС было объявлено о мирном разрешении советско-румынского конфликта по вопросу о Бессарабии и северной части Буковины. Молотов в своем представлении румынскому посланнику в Москве подчеркнул, что речь шла о восстановлении справедливости: «в 1918 г. Румыния воспользовалась военной слабостью России и насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории – Бессарабию... населенной главным образом украинцами»⁵⁹⁹. Буковина, как область, населенная украинцами, тоже включалась в разрешение Бессарабского вопроса⁶⁰⁰. Пропагандистское обеспечение нового «освободительного похода» проходило по сценарию 1939 года. Так, в дирек-

---

⁵⁹³ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3370. Л. 408.

⁵⁹⁴ РГВА Ф. 9. Оп. 36. Д. 3588. Л. 337.

⁵⁹⁵ РГВА Ф. 9. Оп. 36. Д. 3592. Л. 214.

⁵⁹⁶ РГВА Ф. 9. Оп. 36. Д. 3774. Л. 27.

⁵⁹⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 513. Л. 162.

⁵⁹⁸ Декларация про державну владу в Західній Україні // Соціалістичні перетворення в західних областях Української РСР. 1939-1979. Збірник документів і матеріалів. Київ, 1980. С. 29–30.

⁵⁹⁹ Сообщение ТАСС о мирном разрешении советско-румынского конфликта по вопросу о Бессарабии и северной части Буковины. 1940 г., июнь // Воссоединение украинского народа в едином украинском советском государстве. С. 113.

⁶⁰⁰ О международном аспекте вопроса о Бессарабии и Буковине подробнее см.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939-1941. М., 1999. С. 353.

тиве ПУРККА от 21 июня 1940 г., направленной Л. З. Мехлисом Военным советам и начальникам политуправлений Киевского особого и Одесского военных округов, говорилось о том, что Бессарабия не имеет никакого отношения к Румынии, в 1918 году эта страна «воровски захватила у нас» Бессарабию, а румынское правительство эксплуатировало рабочих и крестьян в этой области. «Мы идем освобождать наших единокровных братьев украинцев, русских и молдаван из-под гнета боярской Румынии и спасти их от угрозы разорения и вымирания, – говорилось в документе. – Вызволяя советскую Бессарабию из-под ига румынских капиталистов и помещиков, мы защищаем и укрепляем наши южные и юго-западные границы»⁶⁰¹.

Румынское правительство приняло предложение СССР. После проведения апробированных в Восточной Галиции мероприятий Верховный Совет СССР 2 августа 1940 г. постановил включить Северную Буковину и Бессарабию в состав УССР. В 1939–1940 гг. Политбюро ЦК КП(б)У приняло ряд постановлений, а Президиум Верховного Совета УССР издал соответствующие указы о создании на присоединенных территориях районов и областей, что фактически закрепляло в Западной Украине советскую административно-территориальную систему управления. Так, 4 декабря 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление Политбюро ЦК КП(б)У 27 ноября 1939 г. об образовании Львовской, Дрогобычской, Волынской, Станиславской, Тернопольской, Ровенской областей в составе УССР. 17 января 1940 г. был издан соответствующий Указ Президиума Верховного Совета УССР⁶⁰². После присоединения Северной Буковины и Бессарабии были созданы Черновицкая и Аккерманская (с 7 декабря 1940 г. – Измаильская) области, а в состав Одесской области было включено пять районов, входивших ранее в состав Молдавской АССР⁶⁰³.

---

⁶⁰¹ Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. С. 109.

⁶⁰² Постановление Политбюро ЦК КП(б)У об образовании Львовской, Дрогобычской, Волынской, Станиславской, Тернопольской, Ровенской областей в составе УССР. 27 ноября 1939 г. // Политическое руководство Украины. 1938–1989. М., 2006. С. 62–64.

⁶⁰³ Там же. С. 64.

§ 4. Украинизация на западноукраинских землях (1939–1941 гг.)

После присоединения к Украинской ССР западноукраинских земель старый административный аппарат был сломан. На регион была распространена советская партийно-хозяйственная структура, требовавшая, в свою очередь, подбора надежных кадров для партийных и комсомольских комитетов, исполкомов, профсоюзных организаций, заводов, фабрик и т. д. Фактически встал вопрос о формировании слоя партийно-государственных руководителей, которые смогли бы обеспечить жизнеспособность советской системы в этом регионе.

На Западной Украине процесс образования правящего аппарата шел «с нуля» (как когда-то и на Советской Украине) – ни о какой преемственности не могло быть и речи. Новый слой управленцев складывался из двух основных источников: так называемых «восточников», т. е. кадров, командированных из Большой Украины и СССР в целом (обычно в партийных документах говорилось о «присланных из восточных областей»); и «выдвиженцев», т. е. выдвинутых на руководящие должности местных жителей. Первоначально, осенью 1939 г., активно действовали армейские политработники, следившие за выборами в новые органы власти. Постепенно в работе с местным населением военнотружущих заменили прибывшие с Большой Украины чиновники, которые должны были составить «костяк» западноукраинской советской номенклатуры. Командированные начали приезжать на Западную Украину уже осенью 1939 г., после того, как 1 октября политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании коммунистических организаций в западноукраинских областях. Среди первых из прибывших были М. И. Дриль, назначенный 19 ноября 1939 г. секретарем оргкомитета Президиума Верховного Совета УССР по Львовской области, и Н. К. Куц – заместитель главы оргкомитета Президиума Верховного Совета УССР по Станиславской области⁶⁰⁴. После образования Львовской, Дрогобычской, Волынской, Станиславской, Тернопольской и Ровенской областей назначения на официальные должности на Западную Украину приобрели массовый характер. Так, 20 декабря 1939 г. было принято решение политбюро ЦК КП(б)У «о подборе коммунистов для посылки на партработу в западные области Украины», в котором говорилось: «Обязать обкомы КП(б)У до 1.1.1940 г. отобрать из числа работников обкомов партии, начальников политотделов совхозов и их заместителей, заведующих отделами горкомов и райкомов КП(б)У и заместителей директоров МТС по политчасти 495 человек для работы секретарями райкомов партии в западных областях Украины»⁶⁰⁵. Затем было принято решение об отправке 1534 административных работников, 60 коммунистов на работу редакторами в газеты, 265 человек для работы в судах и органах прокуратуры. Кроме них, в течение 1940 г. на партийно-пропагандистскую работу было направлено еще 3845 человек⁶⁰⁶. Большинство из прибывших на Западную Украину коммунистов до этого трудились на низовой партийной работе. В Дрогобычской области их численность достигала 70 %. Около 35 % сотрудников партийного аппарата этой области вообще впервые пришли на партийную работу⁶⁰⁷.

Подбор кадров для западноукраинских областей производился путем назначения на вакантные должности более-менее подходящих кандидатов из других регионов. Конечно, к назначению на руководящие посты областного уровня подошли достаточно ответственно. Однако остальные «назначенцы» отнюдь не всегда обладали должной квалификацией, что не

---

⁶⁰⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 513. Л. 197.

⁶⁰⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 516. Л. 116.

⁶⁰⁶ Кондратюк К. Політичні, соціально-економічні та духовні аспекти «радянської» західних областей України у 1939–1941 рр. С. 23.

⁶⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3108. Л. 38.

вызывает удивления, учитывая многочисленные «чистки» и репрессии 1930-х гг., нанесшие ощутимый урон руководящим кадрам по всей УССР. В результате на Западную Украину приехали коммунисты, в большинстве случаев относительно недавно принятые в партию, имевшие за плечами в основном среднее или начальное образование, не обладавшие достаточным опытом для работы в новой должности. При отборе особое внимание уделялось социальному и национальному статусу кандидатов: желательно, чтобы они были рабочими или крестьянами по социальному происхождению и украинцами по национальности. Следует признать, что нередко на Западную Украину попадали люди не только малоопытные, но и далеко не лучшие по своим деловым качествам. Об этом нередко говорилось на различных партийных форумах, проходивших в западноукраинских областях. Например, на заседании областного партийного актива в Черновцах, состоявшемся 1 марта 1941 г., некто Чумак, рассказывая о проблемах лесной промышленности, сделал следующие выводы: «Относительно кадров. Я согласен с предыдущими товарищами, которые выступали. Это и по линии облпарткома и ведомственных организаций... людей присылали неработоспособных для того, чтобы избавиться от них на прежней работе. Разве это не издевательство»⁶⁰⁸.

Учитывая особенности прибывшего из восточных областей «пополнения», местные партийные начальники пристальное внимание уделяли случаям нарушения партийной дисциплины и революционной законности. О случаях ненадлежащего поведения и о принятых мерах сообщалось в назидание остальным партийцам. В архивных документах нередко встречаются описания недопустимого для коммуниста поведения⁶⁰⁹. Ноябрьский пленум ЦК КП(б)У 1940 г. обязал обкомы и райкомы КП(б)У западных областей УССР «лиц, виновных в искривлении директив партии и правительства и тех, кто нарушает законы советской власти, а также тех, кто грубо обращается с местным населением и своим непристойным поведением дискредитирует партийные и советские органы, привлекать к суровой партийной, а в случае необходимости и к судебной ответственности, а работников, не умеющих или не желающих вести решительную борьбу с нарушителями законов советской власти, своевольных, виновных в грубом обращении с населением и тех, кто разложился в морально-бытовом отношении, снимать с работы и заменять другими»⁶¹⁰.

Обилие свидетельств о «недостойном поведении» ответственных работников, командированных в Западную Украину, свидетельствует о сложной ситуации, сложившейся в среде советской управленческой элиты к концу 1930-х гг. Действительно, на Большой Украине местные власти отнюдь не всегда хотели расставаться с теми, кто успел зарекомендовать себя с лучшей стороны, и поэтому зачастую отбор производился «по остаточному принципу». В то же время сам факт многочисленных упоминаний в партийных документах того времени случаев «антипартийных действий» со стороны чиновников указывает на попытку украинского партийного руководства вести решительную борьбу с нарушителями правовых и моральных норм. Это было тем более необходимо, что за приехавшими на Западную Украину «восточниками» местные жители наблюдали с особым интересом: по ним судили о Советском Союзе в целом. К тому же «восточники» играли важную роль в западноукраинской советской номенклатуре: именно они занимались подбором кандидатов для работы в советских и хозяйственных учреждениях из числа местного населения. Естественно, прибывшие из Большой Украины работники были «расставлены» в аппарате таким образом, чтобы в полной мере осуществлять контроль над деятельностью «выдвиженцев», заниматься их воспитанием в большевистском духе.

---

⁶⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3573. Л. 79.

⁶⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3108. Л. 25, Д. 3379. Л. 67; Д. 3422. Л. 22; Д. 3190. Л. 29, 36.

⁶¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2962. Л. 61 об. Например, в Станиславской области в 1940 г. были исключены из партии 25 человек, за три с половиной месяца 1941 г. – также 25 человек, за нарушение партийной и государственной дисциплины наложено 104 партийных взыскания и 27 человек сняты с работы. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3425. Л. 192а.

Критерием отбора наиболее перспективных местных кадров был отнюдь не уровень образования или квалификации (хотя и тут были исключения⁶¹¹), а социальная и национальная принадлежность. Масштабы «выдвиженчества» были довольно заметными. Например, в Волынской области к апрелю 1940 г. на руководящую работу из местного населения были выдвинуты 5643 человека (из них 4371 украинцев)⁶¹². В Дрогобычской области к марту 1940 г. были подобраны на руководящую работу из местного актива 2660 человек (из них председателей сельсоветов – 787 человек)⁶¹³. Во Львовской области из числа местных кадров на руководящую работу к апрелю 1940 г. были выдвинуты 6882 человека (из них украинцев – 4909 человек)⁶¹⁴. В Ровенской области к апрелю 1940 г. на работу в органы советской власти были привлечены из состава местных активистов на работу заместителями председателей районных исполнительных комитетов 22 чел., заведующими отделами – 94 чел., членами сельсоветов – 8219 чел.⁶¹⁵

В апреле 1940 г. на областной партконференции руководство Станиславской области доложило о выдвижении кадров на руководящую советскую и хозяйственную работу 5050 человек из местного населения⁶¹⁶. В Тарнопольской области к весне 1940 г. было выдвинуто 4125 чел.⁶¹⁷ В Черновицкой области к февралю 1941 г. рапортовали о выдвижении 13 853 человек⁶¹⁸. В Измаильской области к февралю 1941 г. на советскую, хозяйственную и кооперативную работу было выдвинуто 2075 чел.⁶¹⁹

Местные уроженцы выдвигались на работу в сельских и городских советах, торговых и хозяйственных организациях, а также в райисполкомах, но на уровне заместителя председателя. При этом особое внимание, судя по имеющейся статистике, уделялось выдвижению представителей «коренной национальности»: они, безусловно, преобладают среди «выдвиженцев». По-видимому, это было целенаправленной политикой, рассчитанной на повышение процента украинцев в государственном аппарате. Например, в Магеровском районе Львовской области райком партии, рассматривая вопрос «о расширении работы райсоюза и кооперативной торговли», в одном из пунктов решения записал: «Предложить ускорить укомплектование аппарата райсоюза главным образом за счет украинцев и евреев»⁶²⁰. Об этом доложил первый секретарь обкома Л. С. Ткач, рассматривавший на областной партийной конференции в апреле 1940 г. недостатки работы Магеровского райкома. Впрочем, судя по всему, предпочтительное отношение к выдвижению украинцев было делом обычным. Скорее всего, состав руководящих работников этого региона должен был отражать национальную структуру населения региона; а поскольку все автохтонное восточнославянское население считалось украинским, то украинцы и должны были доминировать среди выдвиженцев.

Полякам же уделялось значительно меньше внимания при выдвижении на вакантные должности в советской и хозяйственной структурах. Секретарь обкома Мищенко прямо заявил: «Мы, товарищи, имели такие организации, как Птицепром, Яйцепром и другие заготовительные организации, в которых в составе аппарата имеется 75–80 % польского населения. Это в то время когда в нашей области насчитывается 75–80 % украинского населения. Конечно, мы не можем выбросить совсем польское население и не привлекать его к работе,

⁶¹¹ Например, в Дрогобычской области директор нефтеперерабатывающего треста Охрименко принял на руководящие должности 170 бывших собственников скважин. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3108. Л. 40.

⁶¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3021. Л. 39.

⁶¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3108. Л. 30.

⁶¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3271. Л. 73.

⁶¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3379. Л. 59.

⁶¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3422. Л. 25.

⁶¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3470. Л. 61.

⁶¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3564. Л. 39–40.

⁶¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3190. Л. 34.

⁶²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3271. Л. 39.

но мы не можем терпеть такого положения, когда в перечисленных мною выше организациях, а это относится и к торгующим организациям, когда там привелирует (так в тексте. – Е. Б.) в аппарате польское население. Если уж на работу принимается по национальности поляк, то надо внимательно изучить, ибо то, что вскрыли органы НКВД, нам говорит о том, что в этих организациях в основном аппарат укомплектован из польского населения»⁶²¹.

Политика «выдвижения», т. е. фактически включение представителей местного населения в региональную управленческую элиту, должна была способствовать сокращению разрыва между управленцами и основной массой населения и пропагандировать украинскую государственность в советской форме: недаром на ноябрьском пленуме ЦК КП(б)У 1940 г. прозвучал призыв шире выдвигать местное население на руководящие посты. «Партийные организации западных областей обязаны усилить выдвижение на советскую, хозяйственную и кооперативную работу проверенных товарищей из местного населения», – говорилось в резолюции пленума⁶²². Работа над созданием «крепкого актива из проверенных людей» велась в западноукраинских областях весьма интенсивно, хотя не всегда столь успешно, как того хотели партийные власти. Образцовыми считались случаи активной работы бывших бедняков в новых органах власти, на посту руководителей предприятий и колхозов. В отчетных докладах областных парт-организаций обязательно содержались сведения о бывших батраках и рабочих, успешно работавших теперь на благо советской власти⁶²³.

Особое внимание уделялось работе среди украинской интеллигенции. С приближением к Львову советских войск часть украинской интеллигенции выехала в оккупированную немцами Польшу. Это были руководители и активисты различных политических партий, деятели общественных и кооперативных организаций, представители научной общественности и т. п., всего около 20 тыс. человек⁶²⁴. В свою очередь, органы госбезопасности были озабочены предупреждением антисоветской деятельности украинских националистов. К тому же еще в 1938 г. шеф абвера В. Канарис отдал указание переключить агентуру из числа украинских националистов на работу против СССР, а в сентябре 1939 г. Гитлер поручил абверу подготовку антисоветского повстанческого движения в Галиции. Агентурой из числа членов ОУН пользовалась перед войной и союзная Германии Венгрия. С конца сентября 1939 г. на территории западноукраинского региона активно действовало польское вооруженное националистическое подполье, борьбе с которым советскими спецслужбами уделялось большое внимание⁶²⁵.

Кроме того, органами НКВД сразу же были взяты под контроль польские осадники – бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 г. и получившие затем землю в районах, заселенных украинцами и белорусами. Советскими властями осадники рассматривались в качестве остатков военно-политической агентуры польского правительства и серьезной базы контрреволюционной работы. 10 октября 1939 г. И. А. Серов получил предписание НКВД СССР о необходимости учета всех осадников, а 5 декабря 1939 г. НКВД СССР распорядился произвести их выселение вместе с семьями⁶²⁶.

Одновременно советские власти налаживали контакты с западноукраинской интеллигенцией. 24 сентября 1939 г. представителей советской администрации во Львове посетила депу-

⁶²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3422. Л. 118.

⁶²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2962. Л. 63.

⁶²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3470. Л. 61–2; Д. 3271. Л. 31.

⁶²⁴ Эта цифра называется и В. Чередниченко (*Чередниченко В. П.* Анатомия предательства: Украинский буржуазный национализм – орудие антисоветской политики империализма. Киев, 1983. С. 81–82), и О. Субтельным (*Субтельний О.* Україна: історія. Київ, 1991. С. 393), а вслед за ними и современными украинскими авторами. См.: *Рубльов О. С., Черченко Ю. А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-ті роки ХХ ст. С. 188.

⁶²⁵ *Веденеев Д. В.* Розвідувальна діяльність підпілля організації українських націоналістів у Західній Україні в 1939-1941-х роках // Наукові записки Інститута політичних і етнонаціональних досліджень. Вип. 28. Київ, 2005. С. 190-191. См. также: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В 2 т. Т. 1: 1939-1943. М., 2012.

⁶²⁶ *Бугай Н. Ф.* Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006. С. 71.

тация местной общественности во главе с известным галицийским политиком К. Левицким. Советская администрация заверила общественность в том, что Красная армия пришла освобождать украинский народ, реформы будут проводиться постепенно, за политическое прошлое преследований не будет, и выразила надежду на сотрудничество⁶²⁷. Когда начало свою работу Народное собрание Западной Украины, Научное общество им. Шевченко (Наукове товариство імені Шевченка, НТШ) приветствовало его следующими словами: «Научное общество им. Шевченко ясно дает себе отчет в том, что только объединение украинских земель, которое принесла с собой по воле советского правительства героическая Красная армия, что только с уничтожением границ перед наукой Западной Украины раскрывается широкое поле научной работы на пользу народов, которые населяют эту землю, и на пользу всего их трудового народа, что эта наука не может развиваться без тесного союза с Академией наук Советской Украины»⁶²⁸.

Сразу же после присоединения западноукраинских территорий общественная жизнь там была перестроена по советскому образцу. Идеологическое обоснование проведенных преобразований весьма ярко проявилось в обращении ЦК КП(б)У ко всем избирателям, рабочим, работницам, крестьянам, крестьянкам, служащим и интеллигенции западных областей УССР 20 марта 1940 г. (т. е. перед выборами в ВС СССР и ВС УССР от западноукраинских областей). «Западная Украина была темна и невежественна, – говорилось в обращении. – Польские паны душили национальную культуру. Украинская культура и искусство запрещались. Изгонялся родной украинский язык»⁶²⁹. ЦК КП(б)У подчеркивал отличие от политики Польши «мудрой» ленинско-сталинской национальной политики, которая «положила раз навсегда конец межнациональной розни»⁶³⁰. Жителей присоединенных территорий необходимо было убедить в том, что в Советском Союзе существовало равенство представителей разных национальностей: «Жители западных областей УССР – украинцы, поляки, русские и евреи – отныне равноправные члены братской семьи народов. Их отношения проникнуты духом дружбы и сотрудничества. Их объединяет благородное чувство советского патриотизма»⁶³¹. И, наконец, в обращении подчеркивались преимущества (перед положением украинцев в Польше) ленинско-сталинской национальной политики, которая «несет гражданам западных областей Украины невиданный расцвет культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию». «Украинский народ – свободный и равноправный член великой братской семьи народов, объединенных в Союз Советских Социалистических Республик. Украинский народ крепчайшими узами дружбы связан с великим русским народом, со всеми народами СССР...»⁶³².

На Западную Украину продолжала направляться пропагандистская литература, плакаты, портреты – И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова и Т. Г. Шевченко. 9 октября 1939 г. Политбюро ЦК КП(б)У предложило Главполитиздату дополнительно издать для Западной Украины «„Краткий курс истории ВКП(б)“ на украинском языке тиражом в 300 тыс. экз.»⁶³³. 8 августа 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение издать на польском языке двухтомник В. И. Ленина (50 тыс. экз.), произведения И. В. Сталина «Вопросы ленинизма» (50 тыс. экз.) и «Марксизм и национально-колониальный вопрос» (20 тыс. экз.), биографию Сталина

⁶²⁷ Впрочем, уже 30 сентября был проведен обыск в «помещении К. Левицкого» (каком – не ясно). См.: Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-ті роки ХХ ст. С. 188.

⁶²⁸ З привітання працівників наукового товариства ім. Шевченка у Львові Народним Зборам Західної України. 26 жовтня 1939 р. // Радянський Львів. 1939-1955. Документи й матеріали. Львів, 1956. С. 58.

⁶²⁹ Обращение ЦК КП(б)У ко всем избирателям, рабочим, работницам, крестьянам, крестьянкам, служащим и интеллигенции западных областей УССР. 1940 г., март 20 // Воссоединение украинского народа в едином украинском советском государстве. С. 102.

⁶³⁰ Там же.

⁶³¹ Там же.

⁶³² Там же. С. 102–103.

⁶³³ Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-ті роки ХХ ст. С. 205.

(50 тыс. экз.) и политический словарь (50 тыс. экз.)⁶³⁴. 24 октября 1939 г. в газете «Вільна Україна» появилось сообщение о том, что государственное педагогическое издательство во Львове приступило к изданию учебников для школ Западной Украины. Уже был выпущен букварь для начальной школы, «читанка» для 2-го класса тиражом по 100 тыс. экз. Более того, были подготовлены к отправке в села Западной Украины учебники по украинскому языку для 2-го и 3-го классов и литературная «читанка» для 4-го класса. Эти учебники были изданы тиражом по 50 тыс. экземпляров⁶³⁵.

Началась организация сети периодических изданий. Всего было решено издавать 54 газеты: в Тарнопольской области – 12 газет, в Станиславской – 9 газет, Дрогобычской – 10 газет, в Волынской – 5 газет, во Львовской – 13 газет, в Ровенской – 5 газет⁶³⁶. Одновременно началось преобразование культурной, научной и образовательной сфер в соответствии с общепринятыми в Советском Союзе нормами. Прежде всего, киевское руководство обратило внимание на состояние школьного образования в западноукраинских областях. 30 сентября 1939 г. Наркомат просвещения УССР направил соответствующую докладную записку в ЦК КП(б)У и Совнарком УССР. В записке говорилось о необходимости реорганизации системы народного просвещения в западноукраинских областях, приведения его в соответствии с принятыми в УССР нормами: народные школы 1-й ступени с шестилетним обучением реорганизовывались в начальную школу с 4 классами, народные школы 2-й (6–7 лет обучения) и 3-й (7 лет обучения) ступеней преобразовывались в неполные средние семилетние школы, а гимназии и лицеи – в средние школы с 10 классами. Обучение должно было стать бесплатным, обязательным (в деревне – не ниже начальной школы, в городах – семилетки) и, что было важным нововведением, проводиться на родном языке – украинском, польском, русском, еврейском⁶³⁷.

Партийные власти уделяли школе особое внимание. Было развернуто активное школьное строительство. В резолюции ноябрьского пленума ЦК КП(б)У 1940 г. «О работе Львовского и Ровенского обкомов КП(б)У» говорилось, что «ранее, до провозглашения советской власти, на территории современных западных областей Украины в школах обучалось около 900 тыс. детей... а сейчас в начальных, неполных средних и средних школах обучается 1 189 100 детей. Ранее, до советской власти, на территории современных западных областей Украины было не более 4 тыс. школ, а сейчас в западных областях Украины – 6739 начальных, неполных средних и средних школ. Раньше в селах совсем не было средних школ, а сейчас в селах западных областей 35 средних школ. Раньше было только 371 украинская школа, а в 1940–1941 учебном году их организовано 5798»⁶³⁸. Правда, по другим данным – украинского Наркомпроса, – до сентября 1939 г. на территории Западной Украины действовали 5166 народных школы, из них украинских было 139, польских 2731, польско-украинских – 2198, польско-немецких – 7, немецких – 79, еврейских – Учеников же было 89 233 человек, из них 510 тыс. украинцев и 250 тыс. поляков, 70 тыс. евреев и 4207 немцев⁶³⁹.

Потребовались новые учительские кадры, и прежде всего украинские. До этого в народных школах из 14 203 учителей было 10 125 поляков и только 2477 украинцев⁶⁴⁰. При

⁶³⁴ Постанова Політбюро ЦК ВКП(б) про заходи щодо організації культурно-освітнього життя у Львові після встановлення радянської влади. 8 серпня 1940 р. // Культурне життя в Україні: західні землі. Документи і матеріали. Т. 1: 1939-1953. Київ, 1995. С. 101.

⁶³⁵ Повідомлення про видання підручників для шкіл Західної України. 24 жовтня 1939 р. // Радянський Львів. 1939-1955. С. 133–134.

⁶³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 43. Л. 41, 42.

⁶³⁷ Доповідна записка Наркомату освіти УРСР ЦК КП(б)У і Раднарком УРСР про систему шкіл в Західній Україні. 30 вересня 1939 р. // Культурне життя в Україні. Західні землі. Документи і матеріали. Т. 1: 1939-1953. С. 53–55.

⁶³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2962. Л. 59–9 об.

⁶³⁹ Доповідна записка Наркомату освіти УРСР ЦК КП(б)У і Раднарком УРСР про систему шкіл в Західній Україні. 30 вересня 1939 р. // Культурне життя в Україні. Західні землі. Документи і матеріали. Т. 1: 1939-1953. С. 52.

⁶⁴⁰ Там же.

этом польские учителя отнюдь не всегда выражали желание сотрудничать с новой властью. Например, в селе Грязнево Войтковского избирательного округа учительница («дочь ксендза») заявила: «Учить на украинском языке не буду»⁶⁴¹. Украинских учителей оказалось мало, к тому же выявилась удивительная вещь: они не всегда хорошо понимали тот украинский язык, на котором были написаны присланные из Большой Украины книги. Командование 72-й стрелковой дивизии, расположенной в г. Болехов, докладывая о работе среди населения по подготовке к выборам в Народное Собрание, передало слова одного из таких учителей, некоего Лимака. Тот говорил, «что украинская часть учительства плохо знает украинский язык», «когда он прочел брошюру М. Бажана, так увидел, что литературного украинского языка не знает» и попросил, «чтобы для учительства создать сеть кратковременных курсов для изучения украинского языка»⁶⁴².

В этой ситуации из восточных областей Украины было направлено 1066 учителей⁶⁴³. Например, к весне 1940 г. в Волынской области стали работать 3679 учителей вместо 1485⁶⁴⁴, в Дрогобычской – 4922 вместо 2365⁶⁴⁵, в Ровенской – 3410 вместо 2147⁶⁴⁶, в Тернопольской – 4629 вместо 3300⁶⁴⁷, в Измаильской к февралю 1941 г. – 2382 вместо 693⁶⁴⁸. При этом практически повсеместно учителей не хватало (особенно жаловались на недостаток учителей истории, украинского и русского языков⁶⁴⁹). По данным Львовского обкома, до 17 сентября 1939 г. в области работали 3235 учителей, без работы были 3643 учителя. Советская власть, по словам главы обкома Л. С. Грищука, «дала работу» безработным учителям, однако при этом все равно ощущалась явная нехватка педагогических кадров. Не хватало учителей начальных классов – 1274, украинского языка – 204, русского – 369, истории – 195⁶⁵⁰.

Ситуация с кадрами учителей была настолько острой, что 8 апреля 1940 г. ЦК КП(б)У вынужден был просить ЦК ВКП(б) утвердить постановление, корректирующие сроки обучения языкам в школах: украинское руководство решило преподавать русский язык в украинских начальных школах с четвертого класса вместо второго, и в средних школах – с пятого класса вместо третьего, как это предусматривало постановление 1938 г. Кроме того, преподавать русский и украинский языки в молдавских, еврейских и польских школах планировалось с четвертого класса вместо второго и третьего, а иностранные языки в средних школах – с шестого класса вместо пятого⁶⁵¹.

Одновременно в западноукраинских областях были созданы педагогические школы, краткосрочные курсы переподготовки, учительские институты⁶⁵². Для подготовки учителей для польских школ при Львовской педшколе решено было открыть польское отделение на 60 слушателей⁶⁵³. Для «переподготовки» учителей были организованы специальные курсы, однако

⁶⁴¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3588. Лл. 113–114.

⁶⁴² РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3774. Л. 77.

⁶⁴³ Ковалюк В. Р. Культурологічні та духовні аспекти «радянської» Західної України (вересень 1939 р. – червень 1941 р.) // Український історичний журнал. 1993. № 2-3. С. 4.

⁶⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3021. Л. 28.

⁶⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3108. Л. 39.

⁶⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3379. Л. 49–50.

⁶⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3470. Л. 93.

⁶⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3190. Л. 21.

⁶⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3271. Л. 66.

⁶⁵⁰ Там же.

⁶⁵¹ Постанова ЦК КП(б)У про викладання мов у національних школах УРСР // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Ч. 2. Київ, 1997. С. 286–287.

⁶⁵² Марусик Т. В. західноукраїнська гуманітарна інтелігенція: реалії життя та діяльності (40-50-ті роки ХХ ст.). Чернівці, 2002. С. 36.

⁶⁵³ Постанова Політбюро ЦК ВКП(б) про заходи щодо організації культурно-освітнього життя у Львові після встановлення радянської влади. 8 серпня 1940 р. // Культурне життя в Україні: західні землі. Документи і матеріали. Т. 1: 1939-1953. С. 101.

местные партийные работники признавали, как это было в Тернопольской области, что «учительские кадры далеко не отвечают тем требованиям, которые стоят перед школой. Много учителей враждебно настроенных»⁶⁵⁴.

Вышеупомянутый руководитель львовской партийной организации Л. С. Гришук констатировал: «Еще сейчас среди учителей остается часть враждебных нам элементов. Об этом свидетельствуют факты в бывшей 11-й и 13-й гимназиях г. Львова. Учитель физкультуры, бывший офицер Парнас, читая лекцию о Сталинской Конституции, говорил ученикам: „На бумаге большевики умеют писать, это у них складно выходит, а в действительности ничего этого нет“»⁶⁵⁵. А первому секретарю Станиславского обкома М. В. Груленко пришлось признать, что «около 70 % учителей работали в бывших гимназиях и польских школах Станиславского воеводства, принадлежали к разным контрреволюционным партийным организациям, значительная часть из них проводит еще теперь скрытую враждебную работу в школах»⁶⁵⁶.

Школьная реформа в западноукраинских областях потребовала от руководства УССР ощутимых затрат. Так, бюджет УССР на 1940 г. составил 8 млрд рублей, из них 3643 млн выделялось на народное просвещение. Из последней суммы 548 млн руб. предназначалось для западных областей⁶⁵⁷.

После школьной реформы началась реформа высшего образования и науки. 11 ноября 1939 г. на заседании Президиума АН УССР было решено отрядить на Западную Украину комиссию из числа научных сотрудников для ознакомления на месте с состоянием научно-исследовательских организаций Западной Украины, с Научным обществом им. Шевченко, с научно-исследовательской работой в области геологии, генетики. 9 декабря Президиум АН УССР, заслушав информацию академика А. В. Палладина о результатах работы комиссии, постановил считать нецелесообразным переход Научного общества им. Шевченко во Львове в состав АН УССР. В начале января 1940 г. это решение было санкционировано ЦК КП(б)У.

Роспуск НТШ не прошел безболезненно. Официально 14 января 1940 г. состоялось общее собрание общества, которое приняло решение о самороспуске. Однако тогдашний глава НТШ И. Раковский в знак протеста выехал – накануне собрания, 13 января 1940 г. – на Запад, воспользовавшись немецкой переселенческой комиссией во Львове. Одновременно ряд ученых из Галиции были введены в состав АН УССР. К. Студинский стал проректором и деканом филологического факультета Львовского университета. Ряд галицийских ученых стали работать во Львовском университете (М. С. Возняк, Ф. М. Колесса, В. Г. Щурат, И. Свенцицкий), а И. П. Крипякевич возглавил львовское отделение Института истории Украины АН УССР⁶⁵⁸.

На научную жизнь на Западной Украине распространялась юрисдикция Академии наук УССР. Постановлением СНК УССР от 2 января 1940 г. «Об организации научных заведений в западных областях Украины» во Львове было создано отделение научных учреждений Академии наук УССР – Института литературы им. Шевченко, Института языкознания, Института фольклора, Института истории Украины, Института археологии, Института экономики. Кроме того, постановили организовать во Львове филиал Библиотеки АН УССР и передать ей библиотеки Научного общества им. Шевченко, научного общества «Оссолинеум», Народного дома⁶⁵⁹.

19 февраля 1940 г. список учебных и научных учреждений Львова пополнился медицинским институтом, преобразованным из медицинского факультета Львовского университета. В

⁶⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3472. Л. 19.

⁶⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3271. Л. 83.

⁶⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3422. Л. 35–37.

⁶⁵⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 7439. Л. 4.

⁶⁵⁸ Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-ті роки ХХ ст. С. 198–201.

⁶⁵⁹ 2 січня 1940 р. Постанова РНК УРСР «Про організацію наукових установ в західних обл. УРСР» // Радянський Львів. 1939-1955. С. 144.

мае 1940 г. при Львовском госуниверситете было открыто заочное отделение, рассчитанное на подготовку педагогических кадров для школ западноукраинских областей. 21 мая 1940 г. СНК УССР постановил учредить во Львове Санитарно-бактериологический институт. Кстати, в этот же день во Львове был открыт вечерний Институт марксизма-ленинизма, а через два дня – 23 мая – СНК УССР постановил организовать во Львове межобластной научно-исследовательский Институт охраны материнства и детства. 20 ноября 1940 г. во Львове был открыт межобластной филиал Центрального украинского научно-исследовательского туберкулезного института⁶⁶⁰.

В регион была направлена группа преподавателей вузов из Киева, Харькова, Одессы, Днепропетровска, Москвы, Ленинграда и других городов⁶⁶¹. Большие изменения произошли во Львовском университете. В январе 1940 г. ему было присвоено имя Ивана Франко (до этого он носил имя польского короля Яна Казимира). В университете вновь, как и во времена Австро-Венгерской империи, появились кафедры украинского языка, литературы, истории. Все студенты должны были изучать украинский язык. Львовский университет разросся втрое.

Украинская интеллигенция на фоне расширения сети учебных заведений и возможностей для получения образования украинскому населению решила использовать благоприятные условия для сведения счетов со своими польскими коллегами-конкурентами. Только так можно объяснить историю, случившуюся во Львовском университете с его новым ректором, киевским профессором М. И. Марченко⁶⁶². В начале января 1940 г. в университете появился второй секретарь ЦК КП(б)У М. А. Бурмистенко. Марченко провел его по аудиториям и кабинетам. Партийный начальник обратил внимание на то, что отдельные вывески и объявления написаны по-польски, и спросил, почему так нерешительно переводится работа университета на украинский язык, почему до сих пор не объявили, что это университет украинский? В результате на здании появилась надпись «Львовский украинский государственный университет», заменив собой вывеску «Львовский государственный университет». В начале мая 1940 г. на доске приказов ректора было вывешено постановление Коллегии Наркомпроса УССР об увеличении процента украинцев среди студентов. Эти два обстоятельства позже послужили причиной ареста Марченко 23 июня 1941 г. органами госбезопасности, инкриминировавшими бывшему ректору «искажение национальной политики»⁶⁶³.

19 декабря 1939 г. украинский совнарком перешел к реформированию культурной жизни на Западной Украине. В специальном постановлении говорилось об организации театров, музыкальных коллективов, филармоний, домов народного творчества и театрально-музыкальных заведений на Западной Украине. Так, во Львове следовало сформировать Государственный украинский театр оперы и балета (в помещении Большого городского театра), Государственный украинский драматический театр, Государственный польский театр, Государственный еврейский драматический театр, Государственный театр миниатюр, Государственную областную филармонию с симфоническим оркестром, с украинской хоровой капеллой и сектором эстрады, областной Дом народного творчества, Государственную украинскую консерваторию с польским отделением, Государственное украинское музыкальное училище с польским отделением, украинские музыкальные школы⁶⁶⁴. Тогда же Управлению по делам

⁶⁶⁰ См.: Радянський Львів. 1939-1955. С. 145, 151, 152, 153, 158.

⁶⁶¹ Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-ті роки ХХ ст. С. 197.

⁶⁶² Кстати, ректором Львовского университета Марченко был утвержден уже 16 октября 1939 г. Соответствующая запись имеется в протоколе заседания Политбюро ЦК КП(б)У. До своего назначения Марченко работал в Институте истории АН УССР. См. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 513. Л. 149.

⁶⁶³ Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-ті роки ХХ ст. С. 194–196.

⁶⁶⁴ З постанови РНК УРСР про організацію театрів, музичних колективів, філармоній, Будинків народній творчості і театрально-музичних закладів у Львівській, Дрогобицькій, Волинській, Ровенській, Станіславській і Тернопільській обл. 19 грудня 1939 р. // Радянський Львів. 1939-1955. С. 142–143.

искусств при СНК предлагалось в директивном порядке на протяжении 10 дней собрать и направить в западные области Украины на постоянную работу группу театральных и музыкальных работников, прислать комиссию по музейному делу⁶⁶⁵. Как указывалось в материалах IV сессии Верховного совета УССР, бюджет 1940 г. предусматривал выделение 546,8 млн рублей на финансирование культурно-просветительской сферы. За счет местного бюджета должно было быть профинансировано 202 районных клуба и дома культуры, 3250 сельских клубов и изб-читален, 450 библиотек для взрослых⁶⁶⁶.

Реформа была произведена и в музейном деле. В октябре 1939 г. по обвинению в национализме прекратил работу Музей украинского войска во Львове, а в музее истории Львова был закрыт отдел по истории Первой мировой войны и национально-освободительной борьбы 1918–1920 гг.⁶⁶⁷ Другие музеи были национализированы и реорганизованы. Постановлением Совнаркома УССР от 8 мая 1940 г. во Львове были сформированы областные исторический и этнографический музеи, областная картинная галерея, государственный областной музей художественных промыслов, областной мемориально-литературный музей имени Франко. Областные исторические музеи были организованы в Дрогобыче и Станиславе; краеведческие и этнографические музеи – в Яворове, Сокале, Луцке, Перемышле, Самборе, Стрые, Тарнополе, Ровно, Коломые и Рогатине; городские исторические музеи – во Владимире-Волынском, Кременце, Остроге, историко-археологический музей в г. Дубно⁶⁶⁸.

Одновременно была проведена «чистка» и реорганизация библиотек: подозрительная, по мнению новых властей, литература была или уничтожена, или переведена на специальное хранение. Была создана система областных и городских библиотек для взрослых и детей⁶⁶⁹. Для усиления воздействия на широкие массы населения на предприятиях создавались рабочие клубы, избы-читальни, «красные кружки». Деятельность таких просветительских обществ, как «Просвита», «Родная школа», «Украинская беседа» и т. п., прекратилась.

20 декабря 1939 г. Политбюро ЦК КП(б)У, выполняя решение ЦК ВКП(б), приняло постановление об организации при Президиуме Верховного Совета УССР фонда помощи интеллигенции Западной Украины. Размер фонда составлял 2 млн рублей. Этим же постановлением из фонда выделялось по 10 тыс. рублей В. Г. Щурату, М. С. Возняку, И. П. Крипякевичу, Ф. М. Колессе⁶⁷⁰. Напомним, что трое из них – Щурат, Возняк и Колесса – недавно стали академиками Украинской академии наук.

Общественно-политическая жизнь на Западной Украине кардинально изменилась. Присоединение к Украинской ССР нередко воспринималось украинским населением как победа над поляками, что приводило к желанию свести старые счеты и любой ценой закрепить за собой первенствующее положение. В своем докладе в Москву уже 21 сентября 1939 г. заместитель наркома обороны командарм 1-го ранга Г. И. Кулик отмечал, что «в связи с большим национальным угнетением поляками украинцев у последних чаша терпения переполнена и, в отдельных случаях, имеется драка между украинцами и поляками, вплоть до угрозы вырезать поляков...»⁶⁷¹. О том же докладывал 22 сентября в Москву и начальник Политуправления РККА армейский комиссар 1-го ранга Л. З. Мехлис: «Вражда между украинцами и поляками

⁶⁶⁵ Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-ті роки ХХ ст. С. 192.

⁶⁶⁶ З доповіді народного комісара фінансів УРСР М. А. Курача на IV сесії Верховної Ради УРСР про фінансування народного господарства Західних областей Української РСР. 25 травня 1940 р. // Соціалістичні перетворення в західних областях Української РСР. 1939-1979. Збірник документів і матеріалів. С. 64–65.

⁶⁶⁷ Марусик Т. В. Західноукраїнська гуманітарна інтелігенція: реалії життя та діяльності (40-50-ті роки ХХ ст.). С. 39–40.

⁶⁶⁸ Постанова Раднаркому УРСР «Про організацію музеїв і бібліотек у Західних областях України». 8 травня 1940 р. // Культурне життя в Україні: західні землі. Документи і матеріали. Т. 1: 1939-1953. С. 94–97.

⁶⁶⁹ Там же.

⁶⁷⁰ Постановление Политбюро ЦК КП(б)У об организации фонда помощи интеллигенции Западной Украины. 20 декабря 1939 г. // Политическое руководство Украины. 1938-1989. С. 68–69.

⁶⁷¹ Мельтохов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 411.

усиливается, сейчас активизировались украинцы и терроризируют в ряде мест польских крестьян. Были случаи взаимного поджога деревень, убийства и грабежей. Дано указание широко развернуть работу против национальной вражды между трудящимися украинцами и поляками, направив объединенные силы против панов-помещиков». Соответственно, уже 23 сентября Политуправление Украинского фронта издало директиву, в которой, в частности, приказывалось «разъяснить населению нашу национальную политику. Учесть при этом, что украинский народ находился под национальным гнетом панско-помещичьей и буржуазной власти, что польское правительство вело политику ополячивания украинцев и натравливания на них поляков. Сейчас эта национальная рознь сказывается и местами принимает форму взаимных убийств, поджогов и грабежей. Это на руку только врагам украинских и польских трудящихся. Трудящиеся украинцы и поляки должны быть друзьями, а не врагами, и объединиться для совместной борьбы с общим врагом – помещиком, угнетателем и эксплуататором. Надо заявить, что Красная армия не потерпит и не допустит национальную рознь между трудящимися»⁶⁷².

Через несколько дней, 30 сентября, Военный совет и Политуправление Украинского фронта приказали политработникам вести разъяснительную работу среди населения, «призывать трудящиеся массы города и деревни Западной Украины к изжитию национальной вражды». «Ненависть трудящихся масс необходимо направлять против... помещиков, против эксплуататоров, – говорилось в директиве. – Всех лиц, замеченных в сознательном разжигании национальной вражды между поляками и украинцами, рассматривать как врагов трудящегося народа и применять к ним суровые меры репрессии»⁶⁷³. В украинских селах предписывалось «снять все польские надписи и оставить надписи на украинском языке», польские же надписи надлежало «оставить в тех населенных пунктах, где преобладает польское население»⁶⁷⁴.

Большевистское руководство, декларировав принципы советской национальной политики, пыталось предоставить не только украинцам, но и полякам, и евреям возможности для национально-культурного развития: в 1939/1940 учебном году было сохранено 922 польские школы⁶⁷⁵, были созданы польский и еврейский театры, профессорам-полякам позволялось (правда, временно) читать лекции на родном языке⁶⁷⁶. Пресса выходила тоже не только на украинском языке. Например, во Львове издавалась не только «Вільна Україна», но и «Czerwony Sztandar»; если на украинском во Львове издавался художественно-литературный журнал «Новели мистецтва», то на польском – «Almanach literacki». Правда, украинский журнал был ежемесячным, а польский – ежеквартальным изданием⁶⁷⁷. Однако на деле многочисленные преобразования в гуманитарной сфере существенным образом изменили роль украинского языка в общественной и культурной жизни, что фактически означало деполонизацию, обостряя и без того напряженные отношения между украинцами и поляками.

При этом следует учитывать, что настроения в советском обществе подогревались при помощи антипольской пропаганды. Так, в течение года перед вторжением Красной армии в Польшу на экраны Советского Союза вышли картины «Одиннадцатое июля», «Кармелюк», «Щорс», «Шел солдат с фронта», в которых поляки и Польша предстали отнюдь не с положительной стороны. Напротив, по мнению российского исследователя В. А. Токарева, они формировали «враждебно-сатирический портрет „панской“ Польши и поляка, гонор, лицемерие, алчность, национальную спесь и неприязненное отношение к другим народам, склон-

⁶⁷² Там же. С. 412.

⁶⁷³ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3588. Л. 447 об.

⁶⁷⁴ Там же. Л. 447 об.

⁶⁷⁵ Ковалюк В. Р. Культурологічні та духовні аспекти «радянської» Західної України (вересень 1939 р. – червень 1941 р.). С. 5.

⁶⁷⁶ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) про заходи щодо організації культурно-освітнього життя у Львові після встановлення радянської влади. 8 серпня 1940 р. // Культурне життя в Україні: західні землі. Документи і матеріали. Т. 1: 1939-1953. С. 101.

⁶⁷⁷ Там же.

ность к паразитизму и стяжательству»⁶⁷⁸. В западноукраинском же обществе польско-украинские отношения в межвоенный период традиционно были напряженными. Неудивительно, что демонстрация фильма «Одиннадцатое июля», посвященного советско-польской войне 1919–1920 гг., вызывала неоднозначную реакцию в зале. Во время демонстрации картины в г. Станиславе зал кинотеатра «Варшава» «был переполнен... перед началом кинофильма специально выделенный товарищ из лекторской группы ПУАРМа познакомил собравшихся с содержанием кинофильма „Одиннадцатое июля“, и, когда произносил имя Великого Сталина, в зале раздались бурные аплодисменты. Послышались возгласы: „Хай живе товарищ Сталін“, „Ура товарищу Сталину“. Когда в картине показывали бой, в зале слышны голоса: „Наши бьют поляков“, „Наши червоні йдуть!“»⁶⁷⁹. После просмотра кинокартины «Щорс» в с. Горбушево крестьяне обступили командиров и заявили: «Берите нас в Красную армию», «Пойдем вместе бить... капиталистов»⁶⁸⁰.

Иная реакция была у поляков. Во время просмотра кинофильма «Одиннадцатое июля» в Старобельском лагере для военнопленных «в момент показа разгрома белополяков большинство офицерского состава, шипя сквозь зубы „пся крив“, покинули зал, а солдатская масса с восхищением восприняла содержание кинофильма, крича „Правильно!“»⁶⁸¹.

Политотделы частей Красной армии постоянно фиксировали примеры «межнациональной розни». Например, политотдел 5-й кавалерийской дивизии, докладывая о настроениях населения (населенные пункты Пустомиты, Семенувка, Лесновицы, Глинка, Милашовицы), отмечал, что украинское население «с большой радостью высказывается за присоединение Западной Украины к Советской Украине». Однако в этих районах «имеется много враждебного элемента, который проводит контрреволюционную работу. Этот элемент распространяет слухи, что скоро Красная армия уйдет, а ксендз с. Милашовицы ведет такую агитацию: „Раньше поляки угнетали украинцев, а теперь нужно сделать наоборот“»⁶⁸². Политотдел 87-й стрелковой дивизии отмечал, что «в колонии Янин Бор (с большинством польского населения) неизвестными враждебными лицами распространяются следующие провокационные слухи: „Польскому населению будет запрещено пользоваться польским языком“»⁶⁸³. Когда же в селе Ивановичи на торжественном собрании, посвященном 22-й годовщине Октября, выступила учительница-полька и на польском языке призвала всех жителей всеми силами поддерживать Советский Союз, «в знак протеста этому выступлению три учителя этого села демонстративно ушли с собрания»⁶⁸⁴.

Политотдел 99-й стрелковой дивизии докладывал: «В селе Пикулинцы сильна национальная рознь. Поляки не разговаривают с украинцами»⁶⁸⁵. Нередки были случаи появления различного рода листовок и лозунгов. Так, 11 ноября 1939 г. на заборе гимназии по улице Задвиженной и на заборе военного склада по улице Яновского во Львове появился «польский герб, вырезанный из бумаги и наклеенный на красную бумагу с надписью „Нех живе непереможна Польша“»⁶⁸⁶. 9 ноября в селе Яйковцы на дверях читальни появилась листовка на польском языке с призывом бороться с советской властью за независимую Польшу⁶⁸⁷. Во время выбо-

⁶⁷⁸ Токарев В. А. «Карб панам! Карб!»: польская тема в предвоенном кино (1939–1941 гг.) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 47, 54.

⁶⁷⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3792. Л. 221.

⁶⁸⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3370. Л. 339.

⁶⁸¹ Там же. Л. 371.

⁶⁸² РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3588. Л. 37.

⁶⁸³ Там же. Л. 77.

⁶⁸⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3589. Л. 150.

⁶⁸⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3587. Л. 191.

⁶⁸⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3589. Л. 223.

⁶⁸⁷ Там же. Л. 264.

ров в Народное собрание во Львове на 4-м избирательном участке «в уборной были написаны контрреволюционные лозунги такого содержания: „Смерть Сталину. Смерть Красной армии, долой советскую власть“, „Еще Польша не сгинела“, „Польша буде жить, а як прийде Сталин то буде вишати вверх ногами“ (написано на польском языке)»⁶⁸⁸. Вообще во время выборной кампании нередко советские флаги сменялись бело-красными, появлялись гербы с белым орлом и листовки с надписями «*Niech żyje Polska!*»⁶⁸⁹.

При этом следует учитывать, что в создаваемом на Западной Украине советском аппарате решающую роль играли так называемые «уполномоченные», в основном выходцы из восточных районов УССР. Как уже говорилось, привлекались и «кадры» из местного населения, однако «на виду» были, конечно, не они. Культурный же уровень прибывших на Западную Украину советских служащих был низок, о чем неоднократно упоминают современные украинские авторы⁶⁹⁰. Тем не менее действовали они весьма решительно, зачастую даже более настойчиво, чем это было необходимо. Хотя в официальной пропаганде и подчеркивалось равенство всех национальностей, украинские советские и партийные деятели зачастую «перегибали палку» в своем желании сделать на западноукраинских землях все так же, как в УССР. «Страдающей стороной» нередко оказывались поляки. В этой ситуации случаи притеснения поляков были отнюдь не единичны: приняты были даже специальные постановления Политбюро ЦК КП(б)У. В одном из них, датированном 19 декабря 1939 г., речь шла о неправильных действиях Коломыйского, Стрыйского и Станиславского временных управлений по отношению к верующим гражданам. Неправильные действия сотрудников этих временных управлений привели к выступлениям верующих, «организованным с провокационной целью ксендзами, монахами и польскими националистами». Например, глава Коломыйского временного управления тов. Бойко не воспротивился решению начальника штаба 13-й конвойной дивизии тов. Ширяева и комбата тов. Кобзаря выселить ксендзов из помещения рядом с костелом. В результате около дома ксендзов собралось свыше двух тысяч поляков, преимущественно женщин⁶⁹¹. Эти события происходили 27 ноября, а 30 ноября похожие события произошли в городе Стрый. Как говорилось в постановлении, Временное управление города решило переселить детей «из здания, в котором жили монашки», в другое, лучшее помещение. В результате во Временное управление обратилась большая группа поляков (около тысячи человек, опять-таки преимущественно женщин) с требованием «не закрывать костел и не выселять монашек»⁶⁹².

Аналогичные действия произошли в другом городе, Станиславе. Глава местного Временного управления тов. Безкаравайный выдал ордер одной войсковой части на занятие помещения, принадлежащее костелу и занимаемое монахами. Итогом было выступление женщин с криками «костел не отдадим»⁶⁹³. ЦК КП(б)У разъяснил тт. Бойко, Безкаравайному и Кулику, что поспешность действий, не вызванных крайней необходимостью, по изъятию помещений, принадлежащих костелам и ксендзам, в сложившейся обстановке «не может не вызывать неудовольствия верующих». Украинский ЦК напомнил Станиславскому, Львовскому, Ровенскому, Тарнопольскому, Волынскому и Дрогобычскому обкомам, что, согласно действовавшему законодательству, ни одна церковь, костел или синагога не могут быть закрыты без особого, в каждом отдельном случае, решения Президиума Верховного Совета УССР. Для

⁶⁸⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3370. Л. 336.

⁶⁸⁹ Лисенко О. Е., Гриневич В. А. Анексія та інкорпорація Західної України Радянським Союзом 1939–1941 рр.: етнополітичний аспект // Україна і Росія в історичній ретроспективі. Т. 2: Радянський проєкт для України. Київ, 2004. С. 147.

⁶⁹⁰ Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-ті роки ХХ ст. С. 189–192.

⁶⁹¹ Постановление Политбюро ЦК КП(б)У о неправильных действиях Коломыйского, Стрыйского и Станиславского временных управлений по отношению к верующим гражданам. 19 декабря 1939 г. // Политическое руководство Украины. 1938-1989. С. 67.

⁶⁹² Там же.

⁶⁹³ Там же.

использования же помещений, принадлежащих костелам, церквям или синагогам, требовалось согласование с ЦК КП(б)У⁶⁹⁴.

Однако неумеренность местных украинских властей была направлена не только против верующих. 3 июля 1940 г. Сталин дал шифротелеграмму секретарю Львовского обкома Л. С. Грищуку с предложением незамедлительно ликвидировать притеснения поляков, касавшиеся запрета польского языка, отказов в устройстве на работу, в помощи беженцам и т. д., а также принять меры к установлению братских отношений между украинскими и польскими трудящимися⁶⁹⁵.

О распространённости антипольских настроений свидетельствует также принятое 5 августа 1940 г. постановление Политбюро ЦК КП(б)У, в котором говорилось о незаконных действиях органов советской власти во Львове в отношении трудящихся, «в особенности польской национальности». Местные партийные и советские органы запрещали лекторам читать лекции на польском языке в аудитории, которая не понимает украинский язык. Были случаи самовольного вселения приезжих работников в квартиры местных жителей. Во Львове «было много случаев препятствия приему на работу поляков». Были и «другие перегибы, которые играют на руку врагам народа»⁶⁹⁶. Например, некоторые работники милиции Львова предлагали врачам объявления о часах приема больных, написанные на польском языке и помещенные на дверях частных квартир, заменить объявлениями, написанными на украинском языке. Имелись также случаи «возмутительного отношения некоторой части приезжих из восточных областей УССР работников к польской трудовой интеллигенции»⁶⁹⁷. «Своеволие и нарушение революционной законности со стороны части местных советских и партийных работников города Львова и Львовской области облегчало польским, украинским и еврейским буржуазным националистам вести подлую контрреволюционную работу, направленную против установления братских отношений между украинскими и польскими трудящимися»⁶⁹⁸, – говорилось в постановлении.

Антипольские настроения среди украинских партийных и советских деятелей на Западной Украине были настолько сильными, что распространялись даже и на бывших членов польской компартии. 2 ноября 1940 г. ЦК КП(б)У принял даже специальное постановление, осуждающее факты «неправильного отношения к бывшим членам КП Польши». Эти факты, судя по документу, выражались в «огульном недоверии к бывшим членам КП Польши во Львове и других городах западных областей Украины, в безосновательном отказе в работе на фабриках, заводах и учреждениях некоторым бывшим членам КП Польши, в слабом привлечении их к общественной работе». ЦК КП(б)У рекомендовал шире привлекать указанных товарищей к активной общественной работе, выдвигать на хозяйственную и советскую работу. ЦК КП(б)У признавал также, что подобные факты имели место и в отношении бывших членов КП Румынии по Черновицкой и Аккерманской областям⁶⁹⁹.

Таким образом, анализируя преобразования в западноукраинских областях в 1939–1941 гг., нельзя говорить исключительно о «советизации». Фактически была проведена деполонизация и украинизация общественной и культурной жизни региона, что привело к возникновению конфликтов не только на уровне принятия или неприятия советской власти, но и приво-

---

⁶⁹⁴ Там же. С. 68.

⁶⁹⁵ *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. С. 101.

⁶⁹⁶ Постановление Политбюро ЦК КП(б)У о незаконных действиях органов советской власти во Львове // Политическое руководство Украины. 1938–1989. С. 71.

⁶⁹⁷ Там же. С. 72.

⁶⁹⁸ Там же. С. 73.

⁶⁹⁹ Постановление Политбюро ЦК КП(б)У о фактах неправильного отношения к бывшим членам коммунистической партии Польши. 2 ноября 1940 г. // Политическое руководство Украины. 1938–1989. С. 74.

дило к обострению польско-украинские противоречия. Польскому присутствию, о котором так заботились власти II Речи Посполитой, был нанесен ощутимый удар, и украинская сторона не замедлила этим воспользоваться. Интегрирование западноукраинских областей в состав Украинской ССР не могло пройти безболезненно для всех слоев населения, вынужденного определить свое отношение не только к новой власти, но и к новым украинским порядкам. Проводники интеграционной украинизационной политики украинского партийного руководства действовали весьма жестко, не только не смягчая, но обостряя и до того не простую межнациональную ситуацию в регионе.

* * *

Таким образом, 1930-е гг. принесли существенные изменения и в политику советской украинизации, и в политику польского, чехословацкого и румынского руководств по отношению к украинскому населению. В напряженной международной обстановке интеграционные усилия, предпринятые странами Восточной Европы, сопровождались, с одной стороны, попыткой наладить диалог с украинскими лидерами и в то же время – резким противодействием сепаратистских устремлений этнических меньшинств. На Волыни политика Г. Юзевского, не принеся желаемых результатов, сменилась курсом на «усиление польскости»; в Подкарпатской Руси губернатором стал представитель местной русинской интеллигенции; Румыния эволюционировала в направлении авторитарного развития государственной жизни королевства. В УССР была существенно скорректирована политика украинизации.

С начала 1930-х гг. большевистское руководство стало предпринимать все больше интеграционных усилий. Этому способствовала изменившаяся социально-экономическая ситуация: после провала плана хлебозаготовок Сталин принял решение усилить влияние центра в республике путем коренного обновления всего украинского партийного аппарата – снизу доверху, и в республике началась борьба с националистическими элементами, проникшими в партийные и советские учреждения из-за невнимательного отношения к проведению украинизации. Лозунг об опасности с двух сторон – со стороны великодержавного шовинизма и местного национализма, – столь популярный в прежние годы, потерял свое значение: в 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) Сталин заявил об опасности украинского национализма.

Однако внесенные поправки не изменили главного принципа большевистской политики украинизации, и партийные власти продолжали политику «выдвижения» украинцев в руководящие органы и воспитания украинской советской интеллигенции. Признав за украинцами статус отдельной, самостоятельной нации, большевики закрепили его административным путем. Центральное руководство ввело с 1935 г. новую форму учета номенклатурных кадров в аппарате ЦК ВКП(б) с графой «национальность». Сведения о национальности учитывались во всех областях жизни. Графа «национальность» присутствовала в паспорте гражданина СССР, причем с 1938 г. в паспорте и других официальных документах национальность указывалась в соответствии с национальностью одного из родителей.

Заключение

Межвоенный период был особой эпохой в жизни Восточной Европы. Распад Российской и Австро-Венгерской империй привел к смене ориентиров государственного устройства, образованию государств по национальному принципу, возникновению проблемы статуса этнических меньшинств. Особого внимания заслуживает ситуация на территориях с украинским населением, которые по своему геополитическому положению входили в государственные системы с различными приоритетами в области национальной политики.

К 1918 г. культурно-языковая и этносоциальная ситуация на украинских землях была достаточно сложной: украинский язык и культура занимали прочные позиции только среди низших социальных слоев населения, в основном в сельской местности. С началом революционных событий и активизацией национальных движений в условиях острого системного кризиса встал вопрос о повышении статуса украинской этничности в постимперском пространстве, т. е. о так называемой украинизации, под которой подразумевалось особое направление национального строительства на землях с украинским населением. Суть ее заключалась в распространении украинского языка на все сферы жизни общества и ротации правящей элиты за счет повышения позиции украинцев в социальной и национальной иерархии. Повышенное внимание к украинизации со стороны различных правительственных структур и широкой общественности было не случайным и обуславливалось настоятельной необходимостью определить свое отношение к украинскому национальному движению.

Следует отметить, что к началу XX в. население юго-западной части Российской империи обычно называли «малороссами», а восточнославянское население в Австро-Венгрии официально именовалось «русинами» или «рутенами», хотя для самоназвания употреблялись и другие этнонимы. И в Российской империи, и в Австро-Венгрии национальные движения на землях с украинским населением ориентировались или на позиционировании своей общности с русским народом, или на подчеркивании самостоятельности украинской нации. При этом лидеры украинского национального движения своими политическими конкурентами считали сторонников других концепций: «большой русской нации» в Российской империи, польской идеи в Восточной Галиции или румынского политического проекта в Буковине.

В условиях мировой войны и революции «украинская идея», противопоставлявшая «украинскость» «русскости», «русофильству», «польскости» или «румынскости», постепенно приобретала все больше сторонников. Рост социально-политической активности в распадающихся империях сопровождался повышением роли этнонационального фактора.

После распада Российской империи и Австро-Венгрии лидеры украинского национального движения инициировали формирование украинских государств в Восточной Европе – Украинской Народной Республики, Западно-Украинской Народной Республики. Держава гетмана П. П. Скоропадского, созданная при прямом вмешательстве Германии и Австро-Венгрии после заключения правительством УНР мирного договора со странами Четверного союза, также именовалась украинской. Накануне Второй мировой войны, когда перекраивались границы европейских государств, была предпринята попытка формирования украинского государства в карпатском регионе. Для сторонников украинского движения Подкарпатская Русь, получившая в 1938 г. автономию в рамках Чехо-Словацкой Республики, стала площадкой для воплощения их национальных устремлений и создания Карпатской Украины.

Для украинских политиков национальный язык являлся символом суверенизационного процесса, и внедрению украинского языка в общественную и культурную жизнь придавалось особое значение. Правительства вышеперечисленных формирующихся государств были настроены на проведение коренных преобразований социокультурной сферы. По их замыслам, государственные и общественные структуры, культурные и образовательные учреждения,

армия должны были стать украинскими, т. е. должна была быть проведена их украинизация. На практике украинизация применялась в основном в научно-образовательной и культурной сферах (введение обучения на украинском языке в учебных заведениях, создание украинской Академии наук, издание периодики на украинском языке и т. п.). Политика украинизации, осуществлявшаяся национальными правительствами, должна была сузить коммуникативную сферу господствовавших ранее языков и изменить состав бывших элитных слоев общества. Поэтому курс на украинизацию, взятый властями УНР и Украинской Державы, вызывал неприятие в русских кругах, действия правительства ЗУНР натолкнулись на сопротивление польской общественности, а политика Карпатской Украины негативно воспринималась русофильскими кругами.

Недолговечность существования формирующихся государств не позволила провести начатые преобразования в полном объеме, и украинизация не смогла принять законченную форму. После распада империй власть на территориях с украинским населением постоянно менялась. Например, по известному выражению М. А. Булгакова («Киев-город», 1923), «по счету киевлян, у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил»⁷⁰⁰. Счет велся от февраля 1917 г. до июня 1920 г., когда Красная армия вошла в Киев в результате наступления на армию Польши и УНР.

Во многом это было обусловлено тем, что «украинский вопрос» оказался в центре внимания различных политических сил. Сложный состав населения Восточной Галиции, Буковины, юго-западных земель Российской империи, наличие там сторонников различных политических и национальных проектов обусловили ожесточенную борьбу за установление власти над этими территориями. Так, польские лидеры стремились создать из независимой Украины барьер между Польшей и Россией, на что очень надеялся «начальник государства» Юзеф Пилсудский.

Однако Варшава отнюдь не была сторонником «соборного» украинского государства, ориентируясь на включение в состав возрождающейся Польши земель с восточнославянским населением. Если польские лидеры боролись за включение Восточной Галиции в состав польского государства, то румынские политики претендовали на Буковину: сторонники идеи «Большой Румынии» рассматривали вопрос о присоединении значительного количества смежных земель за счет внешнеполитических маневров еще до начала Первой мировой войны. Не сразу, но довольно активно стали проявлять внимание к карпатским землям чешские политические деятели, заявившие в 1918 г. о своих намерениях включить эту территорию в состав Чехословацкого государства.

Между тем в своих интересах «украинскую идею» использовали большевики для разрушения Российской империи. Советское руководство, учитывая стремление к независимости, проявленное деятелями украинского национального движения, а также опасаясь возможных действий польских властей по «собираанию» украинских земель, решило взять инициативу в «украинском вопросе» в свои руки, в результате чего было создано украинское советское государство.

Украинская ССР должна была стать образцовой республикой, создавая притягательный образ для национально ориентированных этнических украинцев, проживавших за пределами УССР и с большим вниманием следивших за событиями, происходившими на Большой Украине. Для многих из них к середине 1920-х гг. стало очевидно, что созданная большевиками Украинская ССР была единственным украинским государственным образованием и могла сыграть в будущем важную роль в судьбе украинского народа.

---

⁷⁰⁰ *Булгаков М.* Киев-город // Булгаков М. Избранные произведения. В. 2 т. Т. 2. Записки покойника: Театр. роман. Повести. Рассказы. Минск, 1990. С. 394.

В результате активных военных действий на пространстве Восточной Европы земли с украинским населением оказались за пределами УССР – в составе Польши, Чехословакии и Румынии. При этом постверсальская Европа столкнулась с проблемой сочетаемости интересов национального государства как целостного организма и интересов национальных меньшинств и национальных движений.

Польша, Чехословакия, Румыния и Украинская ССР продемонстрировали различные варианты решения «украинского вопроса». Украинское национальное движение нередко воспринималось как враждебное интеграционным усилиям правительств в странах с полиэтническим составом населения.

Так, польские власти демонстрировали жесткий курс в отношении тех украинцев, чьи политические идеалы были отличными от идеалов польскости. Сепаратистски настроенные украинские деятели подвергались не только осуждению в польском обществе, но и репрессиям. В то же время польские власти демонстрировали готовность сотрудничать с теми организациями и отдельными деятелями, кто был настроен на польско-украинский диалог. На польско-украинское сотрудничество в рамках польской государственности после 1928 г. была нацелена политика волянского воеводы Г. Юзевского. «Волянский эксперимент» был рассчитан, с одной стороны, на укрепление пропольских настроений среди украинского населения и, с другой, на создание положительного отношения к украинцам среди польских жителей Волини. В то же время предпринимаемые воеводой меры – украинизация православной церкви, создание национально-смешанных общественных организаций, преподавание украинского языка в польских школах, наконец, образование проправительственной партии – Волянского украинского объединения – должны были не только создать благоприятный климат на Волини, но и противодействовать влиянию извне. Юзевский прилагал немалые усилия для ликвидации воздействия на волянское население со стороны активно действовавшего в Восточной Галиции украинского движения, для чего были ликвидированы украинские организации, центр которых располагался во Львове, и создана так называемая «сокальская граница» между Галицией и Волинью. Действия Юзевского были также направлены на ограничение просоветских настроений путем противопоставления советской украинизации собственного варианта польско-украинского урегулирования, но без предоставления Волини статуса национально-культурной автономии. Безусловно, отдельные элементы украинизации в политике волянского воеводы наличествовали, однако они не приняли какого-либо целостного характера. Впрочем, «волянский эксперимент» не достиг и поставленной цели. Он далеко не всегда положительно оценивался как деятелями украинского движения, так и польским населением и армией.

Власти Чехословацкой Республики действовали более мягко, что было обусловлено тем, что среди восточнославянского населения Подкарпатской Руси наличествовали различные варианты национальной идентичности. По сравнению с соседней Восточной Галицией украинский вариант идентичности и, соответственно, украинское движение получили здесь меньшее распространение. Чехословацкое правительство, хотя и демонстрировало временами благосклонное отношение к украинскому движению, политики украинизации на территории Подкарпатской Руси не проводило. Жестко действовали власти Румынии: их курс был нацелен на ассимиляцию нерумынского населения при признании минимальной программы сотрудничества с лидерами украинского движения.

По-иному сложилась ситуация в Украинской ССР. Признав неизбежность самостоятельного существования Украины и провозгласив ее социалистической советской республикой, большевистское руководство приступило к реализации украинского советского проекта. Советская власть фактически осуществила давнюю мечту о соборной Украине (правда, большевики не разделяли самые радикальные украинские притязания), украинские земли были объединены в едином государственном пространстве. Советское руководство включило в границы УССР земли, ранее входившие в 9 бывших губерний Российской империи (Киевскую,

Херсонскую, Подольскую, Волынскую, Харьковскую, Полтавскую, Черниговскую, Екатеринославскую и Таврическую).

В 1924–1926 гг. было проведено территориальное урегулирование, были пересмотрены границы между РСФСР, УССР и БССР. Такое урегулирование должно было, с точки зрения советского руководства, максимально подогнать очерченную в 1919–1921 гг. УССР к национально-этническим границам. И, наконец, к Советской Украине были присоединены западноукраинские земли: сначала, в 1939 г., территория Восточной Галиции и Западной Волыни, а в 1940 г. – Северная Буковина и Бессарабия. Как верно заметил Терри Мартин, в результате большевистской политики возникла взаимосвязь «между этнической идентичностью и административным контролем над территорией»⁷⁰¹. Иными словами, в народе укреплялось «представление о национальной территории как о своей собственной»⁷⁰², т. е. принадлежащей «титულной нации». Таким образом, украинцы стали обладателями государственного образования, носящего их имя, а представители других этносов, проживавших в УССР, оказались в роли национальных меньшинств.

Национальное по форме государственное образование должно было получить соответствующее содержание, и большевики приступили к реконструкции общественной жизни в УССР. Украинизация была направлена не только на поддержку украинского языка и культуры, но и на развитие социальной структуры украинского общества путем создания приоритетных возможностей для профессионального и карьерного роста представителям «коренной» национальности, что привело к большим изменениям.

Однако если идеалы деятелей украинского движения были связаны с созданием национальной государственности, то для советского украинского руководства первостепенное значение имели социальные преобразования. Иными словами, различия касались концепции украинизации: для лидеров, например, Центральной Рады и Директории украинизация была прежде всего средством построения национального государства, а для украинских большевиков она носила вспомогательный характер, была средством социального переустройства мира.

Тем не менее украинизация, осуществлявшаяся правительствами формирующихся государств – УНР, ЗУНР, Украинской Державы, Карпатской Украины, с одной стороны, и УССР, с другой, обладала общими чертами: это поддержка украинской культуры и внедрение языка в официально-деловую и научную сферу, опора на украинцев в кадровой политике. Кроме того, и в первом, и во втором случае речь шла об официальном закреплении за нацией определенной территории, т. е. об определении государственных границ Украины. Административный нажим тоже являлся неотъемлемой чертой украинизации, где бы она ни проводилась, его объем определялся лишь планами и намерениями властей. Кроме того, украинизация неизбежно вызывала неприятие неукраинских кругов населения, что было естественно в полиэтничном обществе.

Конечно, в УССР, наряду с расширением сферы применения украинского языка, продолжал занимать определенные позиции и русский язык как язык межнационального общения в едином государстве. Однако различия в проведении украинизации национальными правительствами и руководством Советской Украины касались не столько языковой, сколько кадровой сферы. Власти УССР предпринимали немалые усилия для воспитания и продвижения украинских советских кадров, и эта политика принесла немалые успехи. Между тем формирующиеся национальные правительства не смогли предпринять соответствующие меры в рамках украинизации из-за недостатка времени: после объявления независимости УНР ее правительство скоро было свергнуто, Директория также не могла проводить сколько-нибудь эффективную политику в военных условиях, как и правительство Карпатской Украины. Лишь гетман

---

⁷⁰¹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М., 2011. С. 63.

⁷⁰² Там же. С. 106.

П. П. Скоропадский обладал передышкой в несколько месяцев, чем и не преминул воспользоваться, но без существенных результатов.

Волынская политика Г. Юзефовского проводилась с благословения Ю. Пилсудского и лишь в качестве эксперимента, в ограниченных условиях и начиная с 1928 года. Хотя отдельные украинизационные черты она имела, однако в полной степени украинизацией она не была: какой-либо «территориализации» украинской нации проведено не было, да и существенного изменения положения украинцев в социальной иерархии не произошло из-за сопротивления противников эксперимента в самом санационном лагере сторонников Ю. Пилсудского.

Советская украинизация проходила в других условиях: устойчивое положение власти позволило руководству Украинской ССР провести необходимые преобразования в запланированном объеме и с приоритетным финансированием. Более того, анализируя преобразования в западноукраинских областях в 1939–1941 гг., нельзя говорить исключительно о «советизации». Фактически была проведена и украинизация общественной и культурной жизни региона. В результате проводимой советским руководством национальной политики была определена территория украинского государства и проведена реконструкция общественной жизни не только в плане ее советизации, но и украинизации. В результате Второй мировой войны все украинские земли были объединены в составе УССР. Эта территория в 1991 г. обрела государственную независимость. В итоге политика украинизации продолжилась на землях, которые в межвоенный период находились в составе Польши, Чехословакии и Румынии.